

Генри Райдер Хаггард Дева Солнца

OCR Roland

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132365

Ожерелье Странника; Дева Солнца: Феникс; Ростов-на-Дону; 1993

ISBN 5-7221-0009-9

Содержание

	5
ВВЕДЕНИЕ	6
КНИГА ПЕРВАЯ	31
ГЛАВА I. МЕЧ И КОЛЬЦО	31
ГЛАВА II. ЛЕДИ БЛАНШ	48
ГЛАВА III. ХЬЮБЕРТ ПРИЕЗЖАЕТ В ЛОНДОН	65
ГЛАВА IV. КАРИ	87
ГЛАВА V. ПОЯВЛЕНИЕ БЛАНШ	112
ГЛАВА VI. ЖЕНИТЬБА, И ЧТО БЫЛО ПОТОМ	131
КНИГА ВТОРАЯ	153
ГЛАВА I. НОВЫЙ МИР	153
ГЛАВА II. СКАЛИСТЫЙ ОСТРОВ	174
ГЛАВА III. ДОЧЬ ЛУНЫ	198
ГЛАВА IV. ПРОРОЧЕСТВО РИМАКА	214
ГЛАВА V. КАРИ ИСЧЕЗАЕТ	233
ГЛАВА VI. ВЫБОР	252
ГЛАВА VII. ВОЗВРАЩЕНИЕ КАРИ	273
ГЛАВА VIII. КРОВАВОЕ ПОЛЕ	291
ГЛАВА IX. КАРИ ЗАНИМАЕТ СВОЕ МЕСТО	316
ГЛАВА X. ВЕЛИКИЙ УЖАС	334

ГЛАВА XI. ОБИТЕЛЬ СМЕРТИ	352
ГЛАВА XII. НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ	370
ГЛАВА XIII. ПОЦЕЛУЙ КУИЛЛЫ	387

Генри Райдер Хаггард

Дева Солнца

Дитчингем, 24 окт. 1921г.

Дорогой Литл!

Лет тридцать пять тому назад мы имели обыкновение обсуждать многие вещи, и среди них, помнится, историю и романтические легенды исчезнувших империй Центральной Америки.

В память об этих давно минувших днях примите рассказ, который касается одной из них – Империи удивительных Инка Перу; а также легенды о том, что еще задолго до того, как туда явились испанские завоеватели со своей миссией грабежа и разрушения, там, в той неоткрытой стране, жил и умер Белый Бог, поднявшийся из моря.

Всегда искренне Ваш,

Г. Райдер Хаггард

Джемсу Стэнли Литлу, эсквайру.

ВВЕДЕНИЕ

Есть люди, находящие глубокий интерес и даже утешение среди тревог и волнений жизни в том, чтобы собирать реликвии прошлого, унесенные волнами или давно затонувшие сокровища, которые океан времени выбросил на наш современный берег.

Из этих людей не выходят крупные коллекционеры. Последние, располагая большими средствами, приобретают любую редкостную вещь, попадающую на рынок, и добавляют ее к своим коллекциям, которые в свое время – быть может, тотчас после смерти их владельцев – снова попадут на рынок и перейдут в руки других знатоков. Не выходят из их среды и торговцы, которые покупают для того, чтобы вновь продать и таким образом умножить свои богатства. Нет среди них и музейных агентов, скупающих во многих странах на благо нации бесценные предметы; эти предметы скапливаются в определенных общественных зданиях, которые, возможно (одна мысль об этом приводит в содрогание), будут когда-нибудь разграблены или преданы огню неприятелем или разъяренной жадной чернью.

Собиратели, которых имеет в виду издатель настоящей книги и один из которых фактически передал ему историю, опубликованную на этих страницах, принадлежат к совершенно другой категории: это люди с малыми средствами, они

покупают старинные вещи – чаще всего на захолустных распродажах или у частных лиц, – потому что эти вещи им нравятся, и иногда продают их, потому что вынуждены к этому обстоятельствами. Нередко эти старинные предметы притягивают не своей возможной ценностью и даже не красотой, ибо они порой начисто лишены привлекательности даже для опытного глаза, а скорее своими ассоциациями. Такие люди любят раздумывать и размышлять о давно умерших владельцах этих реликвий – о тех, кто ел суп этой потускневшей елизаветинской ложкой, кто сидел за этим шатким дубовым столом, обнаруженным в кухне или в сарае, или на этом сломанном древнем стуле. Они любят думать о детях, чьи ловкие, усталые ручонки вышивали этот выцветший узор и чьи блестящие глаза болели от его бесчисленных стежков.

Кем, например, была эта Мэй Шор (с ласковым прозвищем «Фея», вышитым внизу), которая закончила вон ту изошренную вышивку в день, когда ей исполнилось десять лет, – 1 мая (откуда, несомненно, и происходит ее имя) 1702года, и на каком далеком берегу отмечает она теперь свои дни рождения? Никто никогда не узнает. Она исчезла в том великом море тайн, откуда она явилась, и там она живет и существует, забытая на земле, или спит, и спит, и спит. Умерла ли она молодой или старой, замужней или одинокой? Заставляла ли она своих детей вышивать другие узоры, или она была бездетной? Была ли она счастлива или несчастна, простовата или красива? Была ли она грешницей или свя-

той? И об этом тоже никто никогда не узнает. Она родилась 1 мая 1702 года и, конечно, в какой-то день с нигде не отмеченной датой умерла. И в этом, насколько доступно человеческому знанию, заключена вся ее история, то малое – или то многое, – что останется и от большинства из нас, живущих сегодня, когда наша земля успела совершить еще двести восемнадцать оборотов вокруг солнца.

Но лучшим примером упомянутого собирателя редкостей может служить владелец той рукописи, содержание которой в несколько модернизированном виде изложено на этих страницах. С тех пор, как он умер, прошло уже несколько лет; и поскольку он не оставил после себя никакой родни, по его завещанию, те предметы его пестрой коллекции, которые представляли общий интерес, поступили в местный музей, а остальные вместе со всей его собственностью были проданы для поддержания одного мистического братства – ибо этот славный старик был в некотором роде спиритуалистом. Поэтому нет ничего предосудительного в том, если мы приведем здесь его плебейское имя, – Потс. Мистер Потс имел небольшую мануфактурную лавку в ничем не примечательном и редко посещаемом провинциальном городке на востоке Англии, и эту лавку он содержал с помощью почти такого же старика и чудака, каким был он сам. Извлекал ли он из нее какой-либо доход или жил на какие-то частные средства, осталось неизвестным и не имеет значения. Во всяком случае, когда ему представлялась возможность купить что-

либо, имевшее антикварный интерес или ценность, у него обычно находились деньги, хотя временами ему и приходилось продавать для этого какую-нибудь вещь. Фактически это была единственная возможность купить у мистера Потса что-нибудь, кроме обычной мануфактуры.

И вот я, издатель, и тоже любитель старинных вещей – отчего мистер Потс в душе мне симпатизировал, – знал об этом и договорился с его чудаковатым помощником о том, чтобы тот сообщал мне о каждом денежном кризисе, возникшем всякий раз, когда местный банк обращал внимание мистера Потса на состояние его счета. Таким образом, в один прекрасный день я получил следующее письмо:

«Сэр, хозяин совсем с ума сошел насчет какой-то треснувшей фарфоровой посуды, самой уродливой, какую я когда-либо видел, хотя не мне судить. Так что если вы хотите купить те старые напольные часы или что-нибудь еще из его хлама, то у вас, думаю, есть все шансы. Во всяком случае, держите это в тайне согласно уговору.

Покорнейше ваш – Том».

(Он всегда подписывался «Том», вероятно, для мистификации, хотя, как мне помнится, его настоящее имя было Беттерни).

Результатом этого послания была долгая и неприятная поездка на велосипеде в дождливый осенний день и визит, в лавку мистера Потса. Том, он же Беттерни, который в этот момент пытался продать какое-то таинственное нижнее бе-

лье толстой старухе, заметил меня и подмигнул.

В полутемном углу лавки на высоком стуле восседал сам мистер Потс, сморщенный маленький старичок с сутулой спиной, лысой головой и крючковатым носом, на котором сидели огромные очки в роговой оправе, подчеркивая его общее сходство с совой, сидящей на краю своего дупла. Он был всецело занят ничегонеделанием и созерцанием пустоты, что было, по словам Тома, его привычкой, когда он общался с тем, что Том называл его «треклятыми духами».

– Покупатель! – сказал Том резким голосом. – Прощу прощения, что беспокою вас во время молитвы, хозяин, но, имея только одну пару рук, я не могу обслужить толпу. – Он имел в виду старуху с нижним бельем и меня.

Мистер Потс соскользнул со стула и приготовился к действию. Однако, увидев, кто этот покупатель, он весь ошетинился – иначе это не назовешь. Надо признаться, что, хотя нас связывала внутренняя духовная симпатия, внешне между нами была открытая враждебность. Дважды я обошел мистера Потса на местном аукционе, купив вещи, которые страстно хотел приобрести сам мистер Потс. Более того, как всякий хороший коллекционер, он считал своим долгом ненавидеть меня как другого коллекционера. И, наконец, несколько раз я предлагал ему более низкую цену за вещи, которые, по его мнению, стоили намного дороже. Правда, я давно уже отказался торговаться с ним по той простой причине, что мистер Потс никогда бы не взял меньше назна-

ченной им цены. Он следовал примеру продавца сивиллинских книг в Древнем Риме. Конечно, он не уничтожал свой товар, как делал тот, и не требовал за последний оставшийся экземпляр цену всех вместе взятых книг, но он неизменно повышал цену вещи на десять процентов и не уступал ни одного фартинга.

– А что вам угодно, сэр? – спросил он ворчливо. – Жилетки, трико, воротнички или носки?

– О, я думаю – носки, – ответил я первое, что в голову пришло, поскольку этот товар был самым легким на вес.

В ответ на это мистер Потс извлек какие-то особенно противные и бесформенные шерстяные изделия и почти швырнул их мне, говоря, что это все, что имеется в лавке. Надо сказать, что я терпеть не могу шерстяные носки и никогда их не ношу. Все же я купил их, сочувственно подумав о моем старом садовнике, чьи ноги будут скоро чесаться от них, и пока их упаковывали, я спросил вкрадчивым голосом:

– Что-нибудь новенькое наверху, мистер Потс?

– Нет, сэр, – отрезал он, – по крайней мере, не много; но даже если б что и было, какой смысл показывать вам после той истории с часами?

– Вы, кажется, просили за них 15 фунтов, мистер Потс? – спросил я.

– Нет, сэр, семнадцать, а теперь они на десять процентов дороже. Можете сами сосчитать, сколько это будет.

– Ладно, дайте взглянуть на них еще раз, мистер Потс, –

сказал я смиренно, после чего он, ворчливо приказав Тому следить за лавкой, повел меня наверх.

Дом, в котором жил мистер Потс, некогда отличался большими претензиями и был очень, очень стар, пожалуй, еще елизаветинских времен, хотя его фасад и украшала отвратительная штукатурная лепка, добавленная из желания угодить современным вкусам. Дубовая лестница, еще крепкая, но узкая, вела на второй этаж и на чердак, где находились многочисленные комнатушки; часть их была отделана панелями и имела дубовые балки, теперь побеленные, как и панели, – по крайней мере, их когда-то побелили, возможно, в предыдущем поколении.

Эти комнатушки были буквально забиты всевозможными предметами старинной мебели, большей частью ветхой, хотя за многие из этих вещей торговцы дали бы хорошую цену. Но на торговцах мистер Потс поставил крест; ни один из них никогда не ступал на дубовую лестницу. Дом был заполнен этой мебелью до самого чердака, а также и другими предметами, такими, как книги, фарфор и бог весть что еще, и все это грудями лежало на полу. Где мистер Потс спал, было тайной: может быть, под прилавком у себя в лавке, а может быть, он по ночам устраивался на источенной жучком старинной кровати времен короля Иакова I, стоявшей на чердаке; во всяком случае, я заметил что-то вроде узкого прохода, ведущего к ней между рядами безногих стульев, а также какие-то грязные одеяла, выглядывавшие из-под изъеденно-

го молью полога. Вблизи этой кровати, прислоненные к стене в положении, напоминавшем позу пьяного, стояли часы, которые мне так хотелось купить. Это был один из первых экземпляров «регуляторных» часов с деревянным маятником, и по ним сам мастер, их создавший, проверял точность всех других часов; они были заключены в футляр из чистого, великолепного красного дерева, выполненный в лучшем стиле эпохи. Действительно, это была вещь столь совершенной красоты, что я влюбился в них с первого взгляда, и хотя возникло препятствие в деле окончательного решения, или, другими словами, в вопросе о цене, сейчас я почувствовал, что отныне эти часы и я уже не сможем разлучиться.

Поэтому я согласился заплатить старому Потсу те двадцать фунтов, или точнее – восемнадцать фунтов и четырнадцать шиллингов, которые он потребовал по принципу десятипроцентной надбавки к первоначальной цене; в душе я был рад, что он не запросил больше, и собрался уходить. Однако едва я повернулся, как мой взгляд упал на большой ящик или сундучок из почти несокрушимого дерева – кипариса, из которого, говорят, были сделаны врата Св. Петра в Риме, простоявшие восемьсот лет и, насколько я знаю, находящиеся там и поныне в том же состоянии, в каком они были в тот день, когда их навесили,

– Свадебный сундук, – сказал Потс, отвечая на мой немой вопрос.

– Итальянской работы, около 1600 года? – предположил я.

– Может быть, и так, а возможно, сделан в Голландии итальянскими мастерами; но только еще раньше, ибо на крышке кто-то выжег раскаленным железом дату – 1597 год. Но он не продается, нет, нет; уж слишком он для этого хорош. Просто загляните внутрь – вон там старинный ключ привязан к замку. Ни разу в жизни не встречал другой такой работы. Выжигание! Боги и богини и невеста что еще. А в середине – Венера, сидит в гирлянде из цветов в чем мать родила и держит в руках два сердца: а это и означает, что сундук свадебный. Когда-то чья-то молодая жена держала в нем все свое приданое – простыни, белье, платья и всякую всячину. Хотел бы я знать, где она сейчас? Надеюсь, не там, где мошь не ест одежды. Купил его у одной распавшейся старинной семьи – они бежали в Норфолк, когда был восстановлен Нантский эдикт: гугеноты, конечно. Давно это было, много лет назад. Целый век в него не заглядывал, но думаю, там теперь ничего нет, кроме старого хлама.

Все это он бормотал, пока отвязывал и прилаживал к замку старый ключ. От долгого бездействия и отсутствия смазки пружинный замок не хотел поворачиваться, но наконец поддался; мы подняли крышку – и нашим взорам открылась вся красота и великолепие выжженного на внутренней стороне крышки и на стенках рисунка. Это были действительно красота и великолепие; я никогда не видел еще подобного мастерства.

– Плохо видно, – пробормотал Потс. – Окна давно не мы-

ты – с тех пор, как умерла жена, а тому уже двадцать лет. Конечно, мне ее недостает, но зато теперь, слава Богу, никаких весенних уборок. Сколько вещей было поломано во время этих уборок! Да и пропало тоже! Именно после одной такой уборки я и сказал жене, что теперь мне понятно, почему магометане считают, что у женщин нет души. Когда она поняла, что я хочу сказать, она устроила мне скандал и швырнула в меня дрезденской статуэткой. К счастью, я успел ее поймать, я ведь в молодости играл в крикет, Ну, а теперь ее нет в живых; и, конечно, на небесах стало намного чище, чем раньше, – то есть, разумеется, если там терпят ее возню, в чем я сильно сомневаюсь. Посмотрите на эту Венеру, разве не красавица? Могла бы быть созданием Тициана, когда б у него кончились краски и ему пришлось бы взяться за раскаленное железо, чтобы воплощать свои замыслы. Что, плохо видно? Погодите-ка, я принесу фонарь. Я не держу здесь свечей – слишком ценные здесь вещи: такие не купишь ни за какие деньги. Из-за этих свечей у нас с женой тоже был скандал, а может, из-за парафиновой лампы. Вот садитесь на тот старый стул для молитвы и смотрите.

Он стал медленно спускаться по лестнице, оставив меня в раздумье. Что за человек была миссис Потс, о которой я сейчас впервые услышал? Неприятная женщина, решил я, ибо каковы бы ни были разногласия между мужчинами, в отношении «весенних уборок» их мнение едино. Несомненно, без нее Потсу только лучше. Зачем ему жена, – этому старо-

му, высохшему художнику?

Выбросив миссис Потс из головы, где, сказать по правде, для этого призрачного, гипотетического существа не было места, я принялся рассматривать сундучок. О, это было просто чудо! В два счета часы были разжалованы, и сундучок стал султаншей моего сераля красивых вещей. Часы были легким увлечением, любовью на час. А тут передо мной вечная королева, – если, конечно, не существует еще более прекрасный сундучок и мне не доведется найти его. А пока что придется заплатить любую сумму, какую запросит этот старый работоровец Потс, даже если она превысит мои тощие сбережения в банке. Ведь любой сераль – дорогостоящее предприятие, роскошь, доступная настоящим богачам. Правда, если речь идет о древностях, их можно потом продать, чего нельзя сказать о человеческих ценностях; ибо кто же захочет купить толпу древних, старомодных старух?

В сундучке было полно вещей – какие-то остатки гобелена, старые платья, бывшие в моде при королеве Анне и, без сомнения, сложенные сюда для сохранности, ибо моль не любит кипарисового дерева. Было здесь также несколько книг и какой-то таинственный сверток в весьма любопытной шали с вытканными в ней яркими цветными полосками. Этот сверток возбудил во мне желание заглянуть внутрь, что я и сделал, раздвинув бахрому шали. Насколько я мог видеть, внутри было еще одно платье яркого цвета и толстая пачка пергаментных листов весьма плохого качества,

исписанных поблекшим от времени старинным готическим шрифтом и подгнивших с одного края, вероятно, от сырости. Должно быть, небрежный писец пользовался жидкими чернилами, потому что буквы выцвели и побледнели.

В свертке из шали были и другие вещи – например, ска тулка из какого-то неизвестного мне красного дерева, но я не успел ничего рассмотреть толком, так как на лестнице слышались шаги старого Потса, и я счел за лучшее положить свертки на место. Он явился, неся фонарь, и при свете его мы подробнее рассмотрели сундучок и украшавшие его фигуры.

– Очень мило, – сказал я, – очень мило, хотя и порядком потрепалось.

– Еще бы, сэръ, – ответил он саркастическим тоном. – А вам бы хотелось, чтобы он был чистым да новеньким после четырехсот-то лет службы? Что ж, могу указать, где найти такой, что пришелся бы вам по вкусу. Пять лет назад я сам сделал эскиз для одного парня, которому очень хотелось научиться мастерить древности. Теперь он за решеткой, а его «древности» продаются по дешевке. Я помог засадить его туда, чтобы убрать его подальше, как опасного для общества.

– И сколько стоит этот сундучок? – спросил я как бы просто так, из чистого любопытства.

– Разве я не сказал, что он не продается? Вот подождите, пока я умру, тогда и приходите и покупайте его с молотка. Да нет, и тогда не купите: у него другое назначение.

Я не ответил, продолжая рассматривать сундучок. Между тем Потс опустился на молитвенный стул и, казалось, полностью отключился от действительности.

– Ну что ж, – сказал я наконец, чувствуя, что оставаться дольше уже неприлично. – Если вы не хотите его продавать, то нечего мне и смотреть. Несомненно, вы хотите придержать его для человека более богатого, и, конечно, вы правы. Пожалуйста, мистер Потс, распорядитесь, чтобы мне доставили часы, а я вышлю вам чек. А теперь мне пора. Мне ведь ехать десять миль, а через час уже стемнеет.

– Стойте, – произнес Потс глухим голосом. – Что значит езда в темноте по сравнению с таким делом, даже если у вас нет фонаря? Стойте и не двигайтесь. Я слушаю.

Я остановился и начал было набивать трубку.

– Уберите трубку, – сказал Потс, как бы очнувшись, – где трубка, там и спичка. Никаких спичек!

Я повиновался, и он снова ушел в себя; и постепенно – то ли потому, что я оказался между таинственным сундучком и изъеденной жучком кроватью времен Иакова I, то ли под впечатлением старого Потса, восседавшего на молитвенном стуле, – у меня возникло такое чувство, будто меня опутывают какие-то гипнотические чары. Наконец Потс поднялся и сказал тем же глухим голосом:

– Молодой человек, можете забирать этот сундучок. Его цена – пятьдесят фунтов. Только, ради Бога, не предлагайте мне сорок, иначе вы и до порога не дойдете, как будут все

сто.

– Со всем содержимым? – спросил я как бы между прочим.

– Да, со всем, что в нем есть. Именно это и велено вам передать.

– Послушайте, Потс, – сказал я с раздражением, – что вы, черт возьми, хотите сказать? В этой комнате только мы с вами, так что никто не мог вам ничего велеть, разве что старый Том, который остался внизу.

– Том? – произнес он с непередаваемым сарказмом. – Том! Уж не имеете ли вы в виду огородное чучело, что отпугивает птиц от гороха? По крайней мере, у него в голове больше, чем у Тома. По-вашему, здесь никого нет? О, как же некоторые люди глупы! Да их здесь полно!

– Кого «их»?

– Кого? Ну, конечно, призраков, как вы их называете в своем невежестве. Духи умерших – вот как я их называю. Да еще какие прекрасные – некоторые из них. Взгляните вон на того, – и он поднял фонарь и показал на груду столбиков от старинной кровати в стиле Чиппендейл.

– Всего доброго, Потс, – сказал я поспешно.

– Да стойте же, – повторил Потс. – Вы мне пока еще не верите, но поживите с мое, тогда и вспомните мои слова и поверите сильнее, чем я, и увидите яснее, чем я, потому что они у вас в душе – да, семена у вас в душе, хотя пока еще их и душат мирская суета, плоть и дьявол. Подождите, по-

ка ваши грехи не ввергнут вас в беду; пока пламя несчастья не опалит и не уничтожит вашу плоть; подождите, пока вы не возжаждете Света, и не обрящете Свет, и не пребудете в Свете, – и вот тогда вы поверите, тогда вы увидите.

Все это он произнес очень торжественно; и, право же, стоя в этой полутемной комнате в окружении того, что осталось от вещей, которые когда-то были дороги людям, уже давно умершим, размахивая фонарем и пристально глядя перед собой (на что он смотрел?) – старый Потс произвел на меня глубокое впечатление. В его искривленной фигуре и уродливом лице появилось нечто одухотворенное; он выглядел человеком, который «обрел Свет и пребывает в Свете».

– Вы мне еще не верите, – продолжал он, – но я передам вам то, что сказала мне некая женщина. Очень странная женщина, никогда такой не видел: чужестранка, и смуглая, в странной, богатой одежде и с чем-то таким на голове. Вон, вон она – вон там, – и он указал сквозь пыльное оконное стекло на взошедший в небе серп молодой луны. – Прекрасная женщина, – продолжал он, – и – о, небо! Какие глаза – никогда в жизни не видел таких глаз. Большие и нежные, как глаза лани – там, в парке. И гордая она, как правительница, и леди – хотя и чужестранка. Вот уж никогда раньше не влюблялся, но сейчас у меня такое чувство, будто я влюблен, да и вы, молодой человек, влюбились бы, если бы могли ее видеть; и в то время кто-нибудь, наверно, был в нее влюблен; – Что же она вам сказала? – спросил я, ибо он пробудил

во мне живейший интерес. Да и кто бы не заинтересовался, слушая, как старик Потс вдруг взялся описывать красивых женщин.

– Пересказать это довольно трудно, ибо она говорила на каком-то чужом языке, так что мне приходилось ее слова как бы переводить снова в уме. Но вот вам самая суть: вы должны взять этот сундучок со всем, что в нем есть; Там, сказала она, есть записки – или часть рукописи, потому что кое-что пропало, сгнило от сырости. Вы, или кто другой по вашему выбору, должны прочесть эту рукопись и опубликовать ее, чтобы весь мир мог узнать, что в ней написано. Так, сказала она, хочет Хьюберт. Я уверен, что правильно запомнил, имя – Хьюберт, хотя она называла его еще с каким-то титулом, которого я не понял. Вот и все, что мне запомнилось... Впрочем, еще что-то о городе, да, о Золотом городе и о последней великой битве, в которой Хьюберт погиб, покрыв себя славой победителя. Я понял, что она хотела рассказать мне об этой битве, потому что этого нет в рукописи, но тут как раз вы ее прервали, и, конечно, она исчезла. Да, цена – пятьдесят фунтов, и ни фартигом меньше, но вы можете заплатить, когда вам удобно; я ведь знаю, что вы честный, как и большинство людей; к тому же, заплатите вы или нет, все равно сундучок предназначен для вас и ни для кого другого, – и сундучок, и все, что в нем есть.

– Ну ладно, – сказал я. – Но только не поручайте его грузчику. Я сам пришлю за ним завтра утром. А сейчас заприте

его и дайте мне ключ.

Сундучок прибыл в назначенное время, и я исследовал сверток и его содержимое; об остальных вещах упоминать не стану, хотя кое-какие из них и представляли интерес. В свертке я обнаружил своего рода документ, или записку, – она была приколата булавкой к внутренней стороне шали. В записке не было ни даты, ни подписи, но по почерку и стилю я заключил, что ее автор – женщина, я бы сказал леди, и что написана она лет шестьдесят тому назад. Вот ее содержание:

«Мой покойный отец, который в молодости был великим путешественником и так любил исследовать чужие страны, привез эти вещи, кажется, из Южной Америки, из поездки, которую он совершил еще до своей женитьбы. Однажды он рассказал мне, что это платье было обнаружено в гробнице на мумии женщины, и что эта женщина при жизни была, вероятно, знатной дамой, ибо ее окружали другие женщины, должно быть, ее служанки, которых хоронили рядом с ней по мере того, как они умирали. Все они располагались в сидячем положении на каменной плите, и среди них были обнаружены останки мужчины. Отец нашел их в гробнице, над которой был насыпан большой холм из земли, близ развалин какого-то лесного города. Тело госпожи, окутанное подобием савана из шкур длинношерстных овец как бы для того, чтобы сохранить ее платье, было набальзамировано особым способом, который, по словам местных жителей, указывал на ее принадлежность к царственному

роду. Остальные уже превратились в скелеты, державшиеся только благодаря коже, но на черепе мужчины сохранились светлые волосы и длинная рыжеватая борода, а рядом лежал меч с крестообразной рукояткой и янтарным верхом, потемневшим от времени до черноты. Меч рассыпался при первом же прикосновении, кроме рукоятки. Помню, отец сказал, что у ног мужчины лежал пакет из овечьей кожи или пергамента с рукописью, сильно подпорченной сыростью. Он рассказал мне, что заплатил тем, кто нашел эту гробницу, большие деньги за платье, золотые украшения и изумрудное ожерелье, так как никогда еще не находил более совершенных произведений рук человеческих, а ткань, из которой сделано платье, вся пронизана золотой нитью. Отец также высказал мне свое желание, чтобы эти вещи никогда не были проданы».

На этом запись кончалась.

Прочитав ее, я внимательно рассмотрел платье. Мне еще никогда не доводилось видеть такой одежды, хотя эксперты, которым я его показывал, говорят, что оно, несомненно, южноамериканского происхождения и так же, как и украшения, относится к очень древнему периоду, возможно даже, предшествовавшему эпохе перуанских инка. По расцветке – яркой и богатой оттенками – оно напоминает старинные индийские шали; создается общее впечатление малинового цвета. Это малиновое одеяние, очевидно, носили поверх полотняной юбки, отделанной фиолетовой или пурпурной кай-

мой. В шкатулке, о которой я уже говорил, лежали украшения сплошь из чистого потускневшего золота: пояс; головной убор в виде золотого обруча, украшенного серпом молодой луны; и изумрудное ожерелье из цельных камней, сейчас уже изрядно попорченных, не знаю, по какой причине, но отшлифованных и довольно грубо оправленных чистым золотом. Были там также два кольца. Одно из них было обернуто листком бумаги, на котором уже другим почерком (возможно, отцом женщины, оставившей записку) было написано:

«Снято с указательного пальца женской мумии, которую, к моему великому сожалению, при данных обстоятельствах совершенно невозможно было увезти».

Это – широкое кольцо из золота с плоской пластинкой, на которой когда-то была гравировка, теперь уже стершаяся и ставшая неразборчивой. Видно, это перстень с печаткой старинной европейской работы, но какого века и какой страны – определить невозможно. Второе кольцо хранилось в маленьком кожаном мешочке, затейливо вышитом золотой нитью или очень тонкой проволочкой и составлявшем, как я полагаю, деталь женского наряда. Оно похоже на очень массивное обручальное кольцо, только раз в шесть или семь толще, и покрыто выгравированным традиционным узором, напоминавшим звезды с расходящимися от них лучами или, может быть, цветы с лепестками. И, наконец, там была рукоятка меча, о которой я ниже скажу несколько слов.

Таковы были обнаруженные мною безделушки, если мож-

но их так назвать. Сами по себе они не имеют особой ценности, не считая веса золота, потому что, как я уже сказал, изумруды сильно попорчены – как будто они пострадали от огня или по какой-то другой причине. Более того, в них нет и доли того изящества и очарования, каким отличаются драгоценности Древнего Египта; очевидно, они принадлежали более грубому веку и более грубой цивилизации. И все же в моем воображении они имели и до сих пор имеют особое, свойственное только им достоинство.

К тому же – в этом на меня повлиял дух оригинального Потса – все эти вещи несут в себе множество человеческих ассоциаций. Кто носил это малиновое платье с вышитыми на нем золотыми крестиками (конечно, они не могли быть христианскими крестами), и эту окаймленную пурпуром юбку, и изумрудное ожерелье, и золотой обруч с серпом молодой луны? Очевидно, та, что превратилась в мумию в гробнице, та давно умершая женщина странного незнакомого племени. Была ли она такой, какой увидел ее этот старый безумец Потс, вообразивший, будто она стоит перед ним в грязной, загроможденной вещами комнате ветхого дома в английском провинциальном городе, женщина с большими глазами, напоминающими глаза лани, и с царственной осанкой?

Нет, все это чепуха. Потс так долго жил с призраками, что поверил в их реальность, тогда как они возникли в его воображении и снова возвратились в него. Но все-таки это была некая женщина, и у нее, по-видимому, был возлюбленный

или муж, человек с пышной светлой бородой. Каким образом в ту эпоху, должно быть, весьма отдаленную, какой-то златобородый мужчина мог сблизиться с женщиной, носившей такие богатые платья и украшения? А этот меч с рукояткой, отполированной частым прикосновением чьей-то руки и украшенной янтарным верхом, – откуда он? Помогите, думал я, – и впоследствии эксперты подтвердили мое предположение, – эта рукоятка по стилю очень напоминает древнескандинавское оружие. Я читал саги и помнил, что в одной из них рассказывалось о нескольких смелых скандинавах, которые приплыли к берегам земли, известной ныне под названием Америка, – кажется, их предводителем был некто Эрик. Может быть, светловолосый человек в гробнице был одним из этих викингов?

Так размышлял я, еще не заглядывая в пачку пергаментных листов, изготовленных из овечьей кожи человеком, который имел самые элементарные познания относительно обработки подобного материала; я еще не знал, что в этих листах скрывается ответ на многие из моих вопросов. К ним я обратился в последнюю очередь, ибо всех нас отпугивают пергаментные рукописи; ведь их так трудно и скучно читать. А здесь их была целая пачка, обвязанная чем-то вроде соломенной бечевки – эта тонкая соломка напомнила мне ту, из которой делают панамы. Но бечевка почти сгнила внизу, так же, как и нижние листы пергамента, от которых остались лишь обрывки, хрупкие и покрытые засохшей плесне-

нюю. Поэтому я без труда удалил эту бечевку. Оставалось только снять обнаруженный под ней и скреплявший листы вместе какой-то толстый, сравнительно современного вида шнур. Вплетенная в него красная нить указывала на то, что это флотский шнур старого образца.

Освободив таким образом пачку пергамента, я снял верхний лист чистой кожи. Под ним открылся первый лист пергамента, сплошь покрытый мелкими буквами «черного письма» – старинного английского готического шрифта, столь тусклого и поблекшего, что даже умея я читать английский готический шрифт (а я не умею), то и. тогда я бы ничего не смог разобрать. Безнадежное дело! Несомненно, в этой рукописи – ключ к тайне, но она никогда не будет расшифрована ни мною, ни кем-либо другим. Леди с глазами лани явилась старому Потсу напрасно; напрасно она велела вручить мне эту рукопись.

Так думал я в то время, не зная возможностей науки. Однако позже я отнес эту толстую пачку к одному из друзей, ученому другу, чье жизненное призвание состояло в обработке и расшифровке старинных рукописей.

– Похоже, что безнадежно, – сказал он после пристального осмотра рукописи. – Все же попробуем, не попробуешь – не узнаешь.

Он подошел к шкафу, стоявшему в его рабочем кабинете, и вынул оттуда бутылку, наполненную какой-то жидкостью соломенного цвета; обмакнув в ней обыкновенную кисточ-

ку, какой пользуются живописцы, он несколько раз провел ею по первым строкам рукописи и стал ждать. Не прошло и минуты, как пред моим изумленным взором эти бледные неразборчивые буквы стали черными, как уголь, словно они были только вчера выведены самыми лучшими современными чернилами.

– Все в порядке, – сказал он торжественно. – Это были растительные чернила, а мое снадобье имеет силу восстанавливать их в том виде, какой они имели при первоначальном употреблении. Они останутся такими недели две, а потом опять поблекнут. Ваш манускрипт, мой друг, весьма древний, я бы сказал, времен Ричарда II¹, но я достаточно легко его читаю. Вот послушайте начало: «Я, Хьюберт де Гастингс, пишу это в стране Тавантинсуйу, далеко от Англии, где я родился и куда никогда более не вернусь, будучи скитальцем, как и предсказано руной на мече моего предка Торгриммера, каковой меч моя мать вручила мне в тот день, когда французы сожгли Гастингс...», – и так далее. – Здесь мой друг умолк.

– Ну, так прочтите же это, ради Бога! – сказал я.

– Дорогой друг; – ответил он, – насколько я понимаю, это работа на несколько месяцев, а за мое время – простите, что я так говорю, – мне платят жалованье. Но я скажу вам, что нужно сделать. Все это писанье нужно обработать лист за листом, и когда оно почернеет, нужно его сфотографировать,

¹ Ричард II – король Англии, 1377—1399 (прим. пер.).

прежде чем оно снова поблекнет. Затем следует пригласить опытного специалиста, – мне уже пришли в голову два имени, – который и расшифрует рукопись, тоже лист за листом. Конечно, вам это обойдется недешево, но, по-моему, дело стоит того. Кстати, черт возьми, где находится – или находилась – эта страна Тавантинсуйу?

– А я знаю, – сказал я, радуясь, что хотя бы в одном скромном пункте я оказался выше моего ученого друга. – Тавантинсуйу было туземным названием Империи Перу до испанского вторжения. Но как этот Хьюберт попал туда во времена Ричарда II? Ведь это на несколько столетий раньше, чем Писарро ступил на ее берега.

– Вот и докопайтесь, – ответил он. – Это развлечет вас на долгое время, а результаты, возможно, окупят затраты на расшифровку – если рукопись окажется достойной публикации. Я-то думаю, что нет, если сказать по правде, я прочел массу старинных рукописей и нашел, что большинство их ужасно скучны.

Итак, дело сделано – о том, какой ценой, я предпочту умолчать; и вот вам результат, более или менее модернизированный, поскольку Хьюберт из Гастингса часто выражал свои мысли в странной и архаичной форме. Иногда он употреблял также индейские слова, как будто он так долго говорил на языке этих перуанцев, или скорее на его разновидности – чанка, что начал забывать родной язык. Я лично нашел его рассказ романтическим и интересным и надеюсь, что

и многие другие присоединятся к моему мнению, Пусть судят сами.

Но как бы я хотел знать конец этой истории!

Несомненно, кое-что об этом было написано на истлевших страницах, хотя, конечно, не о той великой битве, в которой он погиб; ведь Куилла совсем не умела писать, тем более по-английски, хотя она, думаю, пережила и его, и эту битву.

Единственный намек на то, чем все закончилось, может быть, содержится в сновидении – или видении – старого Потса, но чего стоят сны и видения?

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА I. МЕЧ И КОЛЬЦО

Я, Хьюберт из Гастингса, пишу это в стране Тавантинсуйу, далеко от Англии, где я родился и куда никогда более не вернусь, будучи скитальцем, как и предсказано руной на мече моего предка Торгриммера, каковой меч моя мать вручила мне в тот день, когда французы сожгли Гастингс. Я пишу это пером, добытым из крыла большого горного орла и отточенным мною до нужной формы; чернилами, которые я приготовил из сока открытых мной определенных растений; и на пергаменте, который я получил, расщепляя кожи здешних овец собственными руками, но боюсь, что плохо, хотя я и видел, как практиковали это ремесло, когда был купцом в городе Лондоне.

Начну сначала.

Я – сын владельца рыболовецкой флотилии, и торговал рыбой в древнем городе Гастингсе, а мой отец утонул в открытом море во время лова. Будучи его единственным сыном, оставшимся в живых, я унаследовал его дело и однажды с двумя моими подручными вышел в море ловить сетями рыбу. Я был тогда молод – лет двадцати трех – и не лишен привлекательности. У меня были длинные светлые вьющие-

ся волосы и широко расставленные большие голубые глаза: они и сейчас такие же, хотя несколько впали и потемнели в этой стране палящего, яркого солнца. Нос с широкими ноздрями был довольно велик, так же, как и рот, хотя моя мать, да и некоторые другие находили, что он красивой формы. Сказать по правде, я вообще был крупного сложения, хотя и не очень высокого роста, с необыкновенно плотным и крепким телом и очень сильный; настолько сильный, что мало кто мог сбить меня с ног, даже когда я был ребенком.

В остальном, подобно царю Давиду, я, теперь такой загорелый и обветренный, что если бы не светлые волосы и борода, меня даже на небольшом расстоянии могли бы принять за одного из окружающих меня индейских вождей, – имел свежий и приятный вид, возможно, благодаря удивительному здоровью, ибо я ни одного дня не знал, что такое болезнь; и отличался легким покладистым характером, какой часто, сопутствует здоровью. Добавлю также – почему бы и нет? – что я не был глуп, а напротив, принадлежал к тем, кто преуспевает в том, к чему может приложить свой ум. Будь я глуп, я бы не был ныне властителем великого народа и мужем их царицы; скажу больше – меня бы давно не было в живых.

Но довольно обо мне и моей внешности в те годы, которые кажутся мне теперь такими далекими, как будто все это было где-то в стране сновидений.

Итак, я и двое моих подручных, таких же моряков, как я и большинство жителей Гастингса, в один летний вечер вы-

шли в море с намерением ловить всю ночь и вернуться домой на заре. Мы прибыли на место лова и забросили сеть, и тут нас посетила необыкновенная удача, ибо к трем часам утра наша большая шхуна была вся заполнена самой разнообразной рыбой. Никогда еще наши сети не приносили нам столь богатой добычи.

Оглядываясь теперь на тот обильный улов, как и на все другие, даже мелкие, события моей юности, случавшиеся со мной до того, как я стал скитальцем и изгнанником – я вижу в нем как бы некое предзнаменование. Ибо разве не было моим постоянным уделом в жизни – быть сначала обласканным Фортуной, а потом вдруг терять все собранные большие богатства, так же как мне суждено было потерять то великое множество рыбы?

Сегодня, когда я пишу это, я вновь обладаю огромным богатством величия, любви, власти, а также золота, – больше, чем я могу сосчитать. При моем появлении мои армии, которые все еще смотрят на меня как на полубога, приветствуют меня громкими криками и целуют воздух по своему языческому обычаю. Моя прекрасная жена – царица – склоняется передо мной, а женщины моего дома повергаются в прах. Люди древнего Золотого Города поворачиваются лицом к стене, а дети прикрывают глаза ладонями, не смея взглянуть на мое великолепие, когда я прохожу мимо, в то время как бросают передо мною цветы, чтобы мои ноги не ступали по голой земле. От моего суждения зависит жизнь

или смерть, и каждое мое слово, даже брошенное вскользь, воспринимается как голос с неба. Все это – мое, как и многое другое, все атрибуты власти и имущества – прерогатива Повелителя из Моря, который принес победу людям Чанка и привел их обратно на их древнюю родину, где они могли бы жить в безопасности, вдали от ярости Инка.

И все же часто, когда я сижу один среди всего этого великолепия на крыше древнего дворца или брожу под звездным небом в дворцовых садах, я вспоминаю тот богатый улов у берегов Англии и то, что было потом. Я вспоминаю также дни процветания и богатства, сделавшие меня одним из первых купцов Лондона, и то, что было потом. Я вспоминаю, наконец, как я завоевал Бланш Эйлис, столь превосходившую меня по знатности и положению, и то, что было потом. И тогда мной овладевает страх, что может последовать за нынешним часом мира, любви и благоденствия.

Одно последует несомненно, и это – смерть. Быть может, она еще далеко, быть может, – близко. Но вчера мои шпионы донесли мне, что Кари Упанки, Инка Тавантинсуйу, – тот, кто когда-то любил меня, как брата, а теперь ненавидит из-за своих суеверий и за то, что я взял в жены Деву Солнца, – собирает большое войско, намереваясь пройти той же дорогой, по которой много лет назад прошли мы, когда народ Чанка бежал от тирании Инка на свою родину, в древний Золотой Город, – прийти сюда и уничтожить нас. По слухам, это войско сможет выступить не раньше, чем через год, и еще один

год пройдет, прежде чем они сюда явятся. Однако, зная Кари, я уверен, что они выступят, и более того – что они придут сюда, и тогда начнется великая битва в горных ущельях, куда, как в старину, я уведу армии Чанка.

Может быть, мне суждено пасть в этой битве. Разве руна, начерченная на мече моего предка Торgrimмера «Взвейся-Пламя», не говорит о том, кто владеет им, что

«Став победителем, он будет побежден,

В дальнем краю уснет со мною он...»?

Что ж, если народ Чанка одержит верх, что мне до того, что я сам буду побежден? Это была бы славная и чистая смерть – погибнуть от копья Кари, зная, что и его войско тоже погибнет, – а я клянусь, что они погибнут, и да поможет мне Святой Хьюберт! Тогда, по крайней мере, Куилла и ее дети жили бы в мире и величии, поскольку никто бы им больше не угрожал.

Смерть... Что такое смерть? Я скажу, что это надежда для каждого из нас, а больше всего – для изгнанника и скитальца. В лучшем случае это слава, в худшем – сон. Более того, уж так ли я счастлив, чтобы бояться умереть? Куилла не сумеет прочесть то, что я пишу, и поэтому я отвечу: нет. Я христианин, а она и окружающие ее люди – даже мои собственные дети – поклоняются луне и небесному воинству. У меня белая кожа, а у них – с оттенком меди, хотя, правда, моя малютка, дочь Гудруда, которой я дал имя моей матери, – почти белая, как я. В их сердцах скрываются тайны, которых я

никогда не узнаю, так же как в моем сердце есть тайны, которых они никогда не разгадают, – потому что у нас разная кровь. И однако, видит Бог, я искренне полюбил их и больше всего – эту величайшую из женщин – Куиллу.

О! Истина в том, что здесь, на земле, для человека нет счастья.

Слух о предстоящем нашествии Кари с его войском и заставил меня приняться за дело, которое давно уже было у меня на уме, – написать кое-что из моей истории как в Англии, так и в этой стране – ведь я первый белый, чья нога ступила на ее землю. Наверно, это глупая затея, ибо кто же прочтет то, что я напишу, и что случится с тем, что будет мною написано? Я распорядюсь, чтобы рукопись положили в гробницу у моих ног, но кто и когда найдет эту гробницу? И все же я пишу, ибо что-то в моем сердце побуждает меня взяться за эту задачу.

Возвращаюсь к давно прошедшим дням. Когда наша шхуна наполнилась рыбой, мы с веселым сердцем подставили парус легкому ветерку, дувшему с моря к берегам Гастингса. Было еще почти темно, и над морем висел густой туман, но этого слабого ветра было достаточно, чтобы шхуна продвигалась вперед. И вдруг мы услышали голоса, как будто вокруг разговаривали люди, и скрип мачт. В это время порыв ветра на мгновение разорвал завесу тумана, и мы увидели, что находимся среди большой флотилии – французской флотилии, ибо на их мачтах развевались лилии Франции; мы увидели

также, что носы кораблей устремлены к берегу Гастингса, хотя в эту минуту они как будто замерли в своем движении, поскольку ветер, силы которого было достаточно для нашей легкой рыбацкой шхуны с большим парусом, был слишком слаб, чтобы приводить в движение тяжеловесные корабли. Как назло, нас тоже заметили, и с ближайшего корабля на нас посыпались угрозы и проклятья, а вслед за криками в нас полетели стрелы, которые лишь чудом не задели нас.

Потом туман снова сомкнулся, и под его прикрытием мы проскользнули сквозь французскую флотилию.

Прошел почти час, прежде чем мы достигли Гастингса. Едва шхуна коснулась причала, как я выскочил на мостки с криком: «Тревога! Тревога! На нас идут французы! К оружию! Мы прошли сквозь целую флотилию в тумане».

В одно мгновение сонная набережная как будто проснулась. С расположенного поблизости рыбного рынка, из других мест – отовсюду бежали моряки и разные другие люди, за ними – дети, а из дальних домов выбегали женщины с испуганными лицами, будто затравленные кролики из своих норок. Через минуту меня уже обступила толпа, все наперебой и хором засыпали меня вопросами, на которые я мог ответить только криком: «Тревога! На нас напали французы! К оружию, говорю я! К оружию!»

Туг сквозь толпу ко мне приблизился старик с белой бородой и официальной бляхой на груди, громко взывая к пре-

граждавшей ему путь массе людей: «Дорогу бейлифу!²»

Толпа послушно расступилась, и мы оказались с ним лицом к лицу.

– В чем дело, Хьюберт из Гастингса? – спросил он. – Или где-нибудь пожар, что ты так громко кричишь?

– Да, ваша милость, – отвечал я. – Пожар, и убийство, и все дары, которые французы приготовили для Англии. Флот французов приближается к Гастингсу, пятьдесят кораблей, а то и больше. Мы пробрались между ними в тумане, ибо ветер, слишком слабый для больших кораблей, нам благоприятствовал, да и они не обратили особенного внимания на рыбацкую шхуну – выпустили пару стрел, вот и все.

– Откуда они явились? – спросил бейлиф, совершенно озадаченный внезапностью события.

– Не знаю, но люди из встречной лодки крикнули нам, что эти французы грабят все побережье и направляются к Гастингсу, чтобы предать его огню и мечу. Но это и все, что мы слышали, потому что лодка исчезла в тумане; могу сказать лишь одно – не пройдет и часа, как французы будут здесь.

Не сказав ни слова, бейлиф повернулся и бросился бежать по направлению к городу, и вскоре зазвонили колокола в церквях Всех Святых и Св. Клементя, а глашатаи стали созывать всех мужчин на Рыночную площадь. Бросив печальный взгляд на свою шхуну с таким богатым уловом, я тоже

² Бейлиф (исп.) – представитель короля, осуществлял власть в данном месте (прим. пер.).

направился в город вместе с моими двумя помощниками.

Вскоре я очутился перед старинным бревенчатым домом, невысоким, длинным и обширным, с примыкавшим к нему двором, наполненным бочками, якорями и другими предметами морского промысла, снастями вроде канатов и тому подобными принадлежностями моего ремесла.

И вот я, Хьюберт, охваченный страхом, хотя и не за себя, и чувствуя то волнение в крови, которое естественно испытывает человек моих лет перед предстоящей ему первой битвой, бросился к этому дому, но на мгновение задержался у большого вяза, растущего у входа; его нижние ветви были спилены, чтобы не заслонять окна от света, Я очень хорошо помню этот вяз, прежде всего потому, что, когда я был ребенком, в его дупле гнездились скворцы, и я вырастил одного из птенцов в сплетенной из прутьев клетке и научил его говорить. Он прожил у меня несколько лет. Он стал таким ручным, что часто сопровождал меня, сидя у меня на плече, пока наконец в одну из моих прогулок за город его не спугнула кошка, и прежде чем я успел его поймать, он стал добычей ястреба; впоследствии я отомстил за него, застрелив этого ястреба из лука.

Я помню старый вяз еще и потому, что в то утро, когда я остановился возле него, я заметил, какой он густой и зеленый. А на следующее утро после пожара я вновь увидел его – обугленным и почерневшим, с завявшей, опаленной листвой. Этот контраст запечатлелся в моей памяти, и всякий

раз, когда я вижу, как удача и процветание сменяются разочарением, или жизнь – смертью, я всегда вспоминаю этот вяз. Ибо именно такие мелочи, которые мы видели сами, а не то, о чем пишут и рассказывают другие, помогают нам оценить и сопоставлять события.

Причина, побуждавшая меня спешить к этому дому, заключалась в том, что в нем жила моя вдовствующая мать. Зная, что появление французов означает зло и бедствия, ибо пролетевшая у меня над головой стрела, а может быть, и донесшиеся с одного из кораблей обрывки брани не предвещали ничего хорошего, – первое, что я решил сделать, это увести мать в какое-нибудь безопасное место. Это было нелегко, так как с возрастом моя мать сильно ослабела, и я невольно остановился, чтобы представить себе свои возможные действия. Впрочем, вторым, что задержало меня у вяза, была мысль о том, как бы не слишком испугать ее своим сообщением. Обдумав все это, я вошел в дом.

Дверь вела в общую комнату с низким оштукатуренным потолком, покоившимся на крепких дубовых балках. Там я и застал мою мать. Она стояла на коленях, придерживаясь рукой за край стола, на котором все было приготовлено к завтраку: жареная сельдь, холодное мясо и кружка эля. По своему обыкновению, мать молилась; она была очень религиозна, хотя и на новый лад, ибо следовала проповеднику по имени Уиклиф³, который в те дни будоражил и смущал Цер-

³ Английский реформатор XIV в., теолог, переводчик Библии на английский

ковь. Видимо, она уснула во время молитвы, и я с минуту молча смотрел на нее, не решаясь ее разбудить. Даже в старости (я родился, когда она прожила в замужестве лет двадцать, если не больше) она была очень красивой женщиной, с белыми волосами и тонкими чертами лица, говорившими о благородной крови: она была более высокого происхождения, чем мой отец, и поссорилась со своей родней, выйдя за него замуж.

При звуке моих шагов она очнулась и увидела меня.

– Странно, – сказала она. – Я уснула за молитвой, а ночью почти не спала – как бывает со мной, когда ты уходишь в море, да простит меня Бог; и мне приснилось, будто нас ждет какая-то беда. Не брани меня, Хьюберт. Ведь если море уже забрало отца и двух сыновей, не удивительно, что мне страшно за последнего из моих отпрысков. Помогите мне подняться, Хьюберт; кажется, мои руки и ноги налились водой, такие они тяжелые. Лекарь говорит, что однажды она доберется до сердца, и тогда все будет кончено.

Я повиновался, поцеловал ее в лоб, и когда она уже сидела за столом в своем кресле, сказал:

– Твой сон в руку, матушка. Нас ждет беда. Слышишь? Колокола Св. Клемента говорят о ней. Нас собираются посетить французы. Я знаю потому, что на рассвете прошел сквозь их флотилию.

– Вот как? – сказала она спокойно. – Я боялась худшего.

Боялась, что ты последовал за братьями в пучину. Ну что же, французы пока еще не появились, а ты здесь, слава Богу. Так что ешь и пей; ведь мы в Англии сражаемся лучше на полный желудок.

Я снова повиновался, ибо после долгой ночи был голоден и хотел пить; и только я успел поесть и выпить кружку эля, как мы услышали крики и топот бегущих людей.

– Ты слышишь, Хьюберт? Хочешь присоединиться к остальным и послать одного-двух французов в ад с помощью твоего большого лука? – спросила мать.

– Нет, – ответил я, – я спешу увести тебя из этого города, который, боюсь, будет сожжен. Близ Миннес-Рок есть одна пещера; там, думаю, ты будешь вне опасности, матушка.

– От моих предков, Хьюберт, я унаследовала одно качество, свойственное женщинам Севера, – никогда не прятаться, как за щит, за спины своих мужчин, когда долг призывает их быть где-то в другом месте. Мои ноги совсем ослабели, мне не под силу пробираться по скалам и прятаться в пещерах, а нести меня в гору слишком тяжело. Я останусь здесь, где прожила эти сорок пять лет, выживу или умру – на то воля Божья. Ступай же и выполняй свой долг. Постой! Собери наших девушек и вели им уходить из города в их деревни. Они молоды и проворны, и никакой француз их не догонит.

Я созвал служанок, которые с побелевшими от страха лицами столпились на чердаке у окна. Через три минуты их уже и след простыл, хотя одна из них, самая храбрая, и хотела

было остаться со своей хозяйкой.

Я проводил их взглядом, пока они не затерялись в потоке людей, покидавших Гастингс, и вернулся к матери. В эту минуту мощный многоголосый крик известил нас, что французский флот появился в виду Гастингса.

– Хьюберт, – сказала мать, – возьми этот ключ от комода и ступай ко мне в спальню, приподними белье, что лежит сверху, и возьми и принеси мне то, что под ним лежит, завернутое в тряпку.

Я выполнил то, что она велела, и вернулся с длинным и узким свертком. Взяв нож, она разрешила скреплявший его шнурок. Внутри оказался мешочек с деньгами и меч в старинных ножнах, покрытых грубой кожей, которую я счел кожей акулы, и местами отделанных золотом.

– Вынь его из ножен, – сказала мать.

Я повиновался, и перед глазами блеснул обоюдоострый клинок вороненой стали. Я никогда не видел такого меча, ибо на его клинке были выгравированы странные знаки, совершенно мне не приятные, хотя я умел читать и писать, еще в детстве научившись грамоте у монахов. Рукоятка в форме креста была тоже отделана золотом и увенчана шарообразной верхушкой из янтаря, потускневшего от частого употребления. В целом это было прекрасное оружие, к тому же хорошо сбалансированное.

– Что это за меч? – спросил я.

– Слушай, сын. Вместе с твоим луком, – и она указала на

прислоненные к столу лук и колчан, – этот меч прошел через руки многих поколений. Мой отец рассказывал, что он принадлежал некоему Торгриммеру, его предку-скандинаву – отец называл его викингом, – который был с теми, кто завоевал Англию до того, как ее захватили норманны. Я охотно этому верю, поскольку имя моего отца – как и мое имя до замужества – было Гриммер. Этот меч тоже имеет имя – «Взвейся-Пламя». Рассказывают, что с его помощью Торгриммер совершал великие подвиги, убивая по обыкновению язычников множество людей в битвах на суше и на море. Ибо он странствовал по свету и однажды, говорят, даже высадился на неизвестной земле далеко за океаном; наконец после многих удивительных приключений он стал одним из завоевателей Англии, где и погиб в какой-то схватке. Вот и все, что я знаю, не считая того, что один ученый человек с севера однажды растолковал отцу моего отца, что означает эта надпись на мече:

Тот, кто взметнет высоко Взвейся-Пламя,

Прожив в любви, умрет на поле брани.

Носимый бурями, моря пересечет

И в чуждых землях свой приют найдет.

Став победителем, он будет побежден,

В дальнем краю уснет со мною он.

Я запомнил эту надпись, потому что она в стихах, а также потому, что, видимо, такова и была участь Торгриммера и его меча, который его внук извлек из гробницы.

Тут я бы охотно расспросил мать о внуке Торгриммера и о гробнице, но на это ушло бы много времени, и я промолчал.

– Всю жизнь я хранила этот меч, – продолжала мать, – не давая его ни твоему отцу, ни братьям, чтобы их не постигла предсказанная в этих стихах участь: ведь эти древние северные маги, которые с таким искусством и трудолюбием ковали подобное оружие, были способны предвидеть будущее, как временами могу и я, это у меня в крови. Но сейчас, Хьюберт, что-то побуждает меня вручить тебе этот меч. Возьми его и иди туда, куда поведет тебя его пламя и твоя судьба, какова бы она ни была, – я знаю, что ты употребишь его не хуже самого Торгриммера.

После минутной паузы она продолжала:

– Хьюберт, быть может, это наша последняя разлука, ибо я чувствую, что близится мой час. Но пусть это тебя не огорчает – я рада соединиться с теми, кто ушел до меня, и со всеми другими – может статься, с самим Торгриммером. Послушай, Хьюберт: если что-нибудь случится со мной или с этим домом – не оставайся здесь. Поезжай в Лондон и разыщи там моего брата, Джона Триммера. Он богатый купец и золотых дел мастер и живет в той части города, что называется Чип⁴. Он знал тебя ребенком и любил тебя, и поскольку у него нет детей, он охотно примет тебя ради нас обоих. Мой отец не хотел вручать Джону меч, чтобы не навлечь на него

⁴ Чипсайд – ныне улица в северной части Лондона. В средние века на этом месте был главный рынок города (прим. пер.).

беды, но я знаю, что Джон будет рад приютить члена нашего рода, владеющего этим мечом. Бери же его, а заодно и это золото, оно может тебе пригодиться еще до того, как все будет кончено. Да, и еще одно – вот это кольцо: по преданию, оно перешло от предков вместе с мечом и луком, и когда-то на нем тоже была надпись, только давно уже стерлась. Возьми его и носи, пока не наступит день, когда ты, может быть, наденешь его на чью-то руку, как это однажды сделала я.

Дивясь всей этой истории, которую моя мать со свойственной ей сдержанностью до этой минуты хранила от меня в тайне, я надел кольцо на палец.

– Я отдала это кольцо твоему отцу в день нашего обручения, – продолжала мать, – и сняла его с его мертвой руки, после того как его тело нашли в море. А теперь я передаю его тебе – быть может, единственному, кто скоро останется в живых из нас обоих. Слышишь? Глашатай сзывает всех мужчин с оружием на Рыночную площадь, чтобы сразиться с врагами Англии. Еще одно слово, пока я опоясаю тебя этим мечом, как, несомненно, опоясали им твоего предка Торгриммера его женщины. Да будет на тебе мое благословение, Хьюберт. Будь таким, как Торгриммер, – ведь мы, в ком течет скандинавская кровь, не хотим, чтобы наши любимые и сыновья оказались в последних рядах, когда сверкают мечи и летают стрелы. Но будь в чем-то выше Торгриммера – будь христианином; помни, пока ты жив и Девы-Воительницы еще не отметили тебя роковой меткой, что в какой-то день ты все же

умрешь и будешь призван к ответу.

Хьюберт, ты из тех, кого любят женщины; кто боюсь, будет тоже любить женщин, ибо по законам самой природы эта слабость сопутствует всегда силе и мужеству. Будь осторожен с женщинами, Хьюберт, и если сможешь, общайся с теми, в ком нет фальши, и выбери ту, которая будет и верна тебе больше всех других. Ты будешь скитаться в дальних краях – я вижу по твоим глазам, что тебе суждены далекие странствия, – но в душе всегда оставайся англичанином. Поцелуй меня и ступай! Мальчик мой! Ты не забыл захватить запасные стрелы и кожаную куртку, что носил твой отец? И то, и другое тебе сегодня понадобится. Теперь прощай! Да хранит тебя Бог и Христос, – и стреляй ты метко, и рази крепко. Нет, нет, не надо слов – они замутят мой взгляд, а ведь я подымусь на чердак и буду смотреть из окна, как ты сражаешься.

ГЛАВА II. ЛЕДИ БЛАНШ

Яушел с тяжелым сердцем, так как помнил – хотя и был еще тогда ребенком, – что когда отец и братья утонули, это не было для моей матери неожиданностью, она предвидела их гибель, и я боялся, что она окажется права и в отношении своей собственной судьбы. Я любил свою мать. Правда, она была женщиной суровой, лишенной мягкости: я думаю, она унаследовала это качество вместе с кровью своих предков. Но она обладала великим сердцем, и ее последние слова были полны благородства. И все же, несмотря на такое чувство, я был доволен, как был бы доволен на моем месте всякий молодой человек, получив в дар удивительный меч, некогда принадлежавший Торгриммеру, моряку-скитальцу, чья кровь текла в моем теле, опоясанном этим мечом; и я надеялся, что мне представится случай воспользоваться им столь же достойно, как им пользовался Торгриммер в давно забытых битвах. Обладая живым воображением, я подумал о том, знает ли меч, что после долгого сна он вновь явился на свет, чтобы упиться кровью врагов.

Я был доволен и другим: мать сказала, что я проживу свой срок и не умру сегодня от руки француза, и что я узнаю любовь – о которой, сказать по правде, уже немного знал, ибо я был красивый малый, и женщины от меня не бегали, а если убегали, то скоро останавливались. Я хотел жить, хотел

пройти через множество приключений и завоевать великую любовь. Единственное, что мне не понравилось, это приказ, данный мне матерью: ехать в Лондон, чтобы засесть там в мастерской золотых дел мастера. Однако я слышал, что в Лондоне много интересного, и уж во всяком случае там все не так, как в Гастингсе.

Улица перед нашим домом была полна народа. Мужчины спешили к Рыночной площади, пробираясь среди цепляющихся за них и плачущих жен и детей; другие – старики, женщины и девушки, и малые дети – устремились прочь из города. Я обнаружил, что оба моряка – те, что были со мной в лодке, – ждут меня. Это были закаленные малые по имени Джек Гривз и Уильям Булл, служившие у нас со времен моего детства, и тот, и другой столь же отличные рыбаки, как и воины; один из них, Уильям Булл, даже участвовал в войнах с Францией.

– Мы знали, что вы придете, и поджидали вас здесь, – сказал Уильям Булл, который, будучи некогда стрелком, был вооружен луком и Коротким кинжалом, в то время как у Джека были только топор да нож, которым у нас чистят рыбу.

Я кивнул им, и мы направились к Рыночной площади, присоединившись к толпе мужчин, которые во множестве стекались туда, чтобы защищать Гастингс и свои дома. Мы явились как нельзя вовремя, ибо французские корабли были уже в нескольких ярдах от берега, а некоторые уже пристали, и матросы и вооруженные люди устремились к берегу в

шлюпках и вброд.

На площади царила неразбериха, ибо – как всегда бывало в Англии – к атаке неприятеля совершенно не готовились, хотя все сознавали реальную опасность нападения.

Бейлиф бегал среди толпы, выкрикивая приказания, то же делали и другие, но настоящих военачальников не было, и в конечном итоге каждый действовал по своему разумению. Одни бежали на берег и осыпали французов стрелами. Другие искали убежища в домах, третьи топтались на месте в нерешительности, ожидая приказа и не зная, что предпринять. Я и оба мои товарища были среди тех, кто устремился на берег, и я выпустил несколько стрел из моего большого черного лука, и увидел, как один человек упал, сраженный одной из них.

Но наши усилия оказались тщетными, ибо эти французы были хорошо обученными солдатами под надлежащим командованием. Они построились в роты и стали наступать, оттесняя нас с берега. Я держался, сколько мог, и, выхватив меч Взвейся-Пламя, сразился с французом, который был впереди других. Более того, нацелившись ему в голову, я промахнулся, мой удар пришелся ему по руке и отсек ее, ибо я видел, как она упала наземь. Тут на меня набросились другие, и я бежал, спасая свою жизнь.

Каким-то образом я очутился на склоне Замкового холма вместе с толпой других жителей Гастингса, которых преследовали французы. Мы достигли замка и проникли внутрь,

но решетка старых замковых ворот не опускалась, а стены в некоторых местах обвалились. Мы здесь обнаружили кучку женщин, которые взобрались на холм, надеясь, что в старом замке они будут в безопасности. Среди них была красивая знатная девушка, которую я знал по виду. Ее Отец был сэр Роберт Эйлис, бывший тогда, по-моему, смотрителем замка Левенси, и ее величали леди Бланш. Однажды я даже разговаривал с нею в связи с одним случаем, о котором слишком долго рассказывать. Тогда ее большие голубые глаза, которыми она умела искусно пользоваться, совершенно вскружили мне голову, ибо она была очень красивая, нежная и грациозная, с удивительно мягким голосом, и совершенно не походила ни на одну из знакомых мне женщин; и при всем том она совсем не была гордячкой. Но тут явился ее отец, старый дворянин, о котором во всей округе никто не сказал доброго слова и которого молва нарекла любителем золота, и быстро увлек ее прочь, спрашивая, с чего это ей вздумалось разговаривать с каким-то грубым простолюдином-рыболовом. Это случилось за несколько месяцев до описываемых событий.

И вот я вновь увидел ее – в этом старом замке и как будто одну; она сразу узнала меня и бросилась ко мне, умоляя о защите. Более того, она начала длинный рассказ (который мне некогда было слушать) о том, как она приехала в Гастингс вместе со своим отцом, сэром Робертом, и молодым лордом по имени Делеруа, который, как я понял, был ее родственником, и ночевала в городе. А также о том, как она потеряла

их в толпе, когда они пытались вернуться в замок Левенси, который ее отец должен был охранять, потому что ее лошадь испугалась и понесла, и как кто-то в конце концов взял ее за руку и привел в этот старый замок, уверяя ее, что это самое безопасное место.

– Значит, тут вы и должны остаться, леди Бланш, – сказал я, прервав ее рассказ. – Держитесь за меня, и я спасу вас, если смогу, даже если это будет стоить мне жизни.

Разумеется, она держалась за меня до конца этого ужасного дня, как вы увидите дальше.

С вершины холма мы увидели, как в Гастингсе начался пожар, когда французы подожгли город; построенный из дерева, он вскоре в нескольких местах был охвачен бушующим пламенем. Мы также видели (и слышали) страшные и отвратительные сцены насилия и грабежа, какие происходят в этом нашем христианском мире, когда мирные жители оказываются во власти свирепых захватчиков. В домах людей сжигали; на улицах их убивали, если не хуже. Да, убивали даже детей; позже я видел трупы многих из них.

Спустя некоторое время мы увидели сквозь клубы дыма, что отряды французов собираются атаковать замок. Их было, пожалуй, человек триста, а нас едва ли пятьдесят, из коих многие были почти не вооружены, и целая толпа стариков, женщин и детей. Не знаю, что случилось с другими мужчинами, но поскольку команды отдавались с разных сторон, некоторые устремились в одном направлении, другие – в другом, а

кое-кто, думаю, просто бежал, лишенный предводителей.

Поднявшись на холм, французы принялись атаковать наши слабо укрепленные ворота, тараня их толстыми деревянными балками. Те из нас, у кого были луки, сразили некоторых из нападающих, хотя враги были хорошо вооружены, и большинство стрел отскакивало от их кольчуг. Да и немногие из нас имели луки. Более того, стоило нам оказаться на виду, как нас засыпали таким количеством стрел, дротиков и пик, что многие, не имея на себе кольчуг, были убиты или ранены. Наконец враги разбили восточные ворота и через них, а также через проломы в стенах, ворвались внутрь. Мы сражались, как могли; я сам убил двоих мечом Взвейся-Пламя, разрубив одному шлем, – так крепка была сталь моего меча. Рядом со мной был убит Джек Гривз; он был сражен ударом пики и умер, призывая меня бороться за старую Англию и город Гастингс; под конец он сказал что-то насчет пива и испустил дух.

Все завершилось тем, что оставшиеся в живых были вытеснены из замка вместе с женщинами и детьми, причем французские убийцы добивали каждого раненого тут же на месте и пытались захватить любую женщину, которая казалась им достаточно молодой и красивой. Особенно опасным было положение леди Бланш, потому что она была не только прекрасна, но и знатна. Но, по счастливой случайности, я спас ее от этой участи.

Мы оказались среди последних, кто покинул замок, отку-

да, по правде говоря, я не хотел уходить, ибо кровь во мне кипела, и я вместе с несколькими другими сражался до тех пор, пока нас окончательно не вытеснили за ворота. Я умолял леди Бланш бежать вместе с остальными женщинами. Но она упорствовала, твердя, что не верит никому, кроме меня, и останется со мной даже под угрозой смерти, – как будто это могло помочь хоть одному из нас.

Поэтому и случилось, что высокий французский рыцарь, заметив ее, обогнал своих товарищей, которые устали и перестраивали свои ряды на склоне холма, и, схватив ее поперек талии, попытался унести прочь. Я настиг его, и мы схватились. На нем была кольчуга, в руке – щит, у меня же не было ни того, ни другого, но я имел меч, а он – лишь короткую алебарду. Я знал, что, если он нанесет мне удар этой алебардой, мне конец, ибо моя кожаная куртка не защитит меня. Поэтому моей задачей было держаться вне пределов его досягаемости. Я был молод и подвижен, и по большей части мне это удавалось, тем более что он не мог двигаться достаточно быстро в тяжелых доспехах. В конце концов я ранил его в руку, и он ринулся на меня, выкрикивая проклятья на своем языке.

Я отскочил в сторону и изо всех сил ударил его мечом. Удар пришелся между шеей и плечом, как бы сзади, и такова была закалка этого меча под именем Взвейся-Пламя, что он прошел сквозь кольчугу и проник глубоко в тело – наверное, до самого позвоночника. Во всяком случае француз рухнул

наземь – я помню и сейчас, как загремели его доспехи, когда он упал, – и остался недвижим. Тогда мы бросились бежать вниз по крутой тропинке, в одной руке я держал окровавленный меч, другой поддерживая леди Бланш, которая благодарила меня взглядом.

Наконец мы снова были в городе, и на моей улице. По обе стороны горели дома, позади появился новый отряд французов. Смерд ел глаза, и мы то и дело спотыкались о тела убитых или потерявших сознание людей.

Взглянув налево, я увидел вяз, о котором уже говорил, – тот вяз, что рос перед нашим домом, – и за ним языки пламени: наш дом горел. Да, я увидел нечто большее – у распахнутого окна чердака, окруженная как бы огненной аркой, сидела моя мать. Более того, она пела. Я услышал ее голос и какие-то дикие непонятные слова – как ни странно было, но женщина пела перед лицом такой смерти. Она тоже увидела меня и узнала, так как замахала мне руками, а потом указала в сторону моря, – почему, я не понял в ту минуту. Я приостановился, намереваясь спасти ее, хотя такая попытка стоила бы мне жизни, ибо весь фасад дома был объят пламенем. Но в этот миг крыша рухнула, выбросив огненные струи вверх и в стороны, и это был последний раз, что я видел свою мать. Правда, позже мы нашли ее тело и предали его земле вместе с телами других жертв.

Однако нельзя было медлить, так как победоносные французы уже появились в начале улицы позади нас, стреляя

на ходу и убивая всех, кто не успел скрыться. Мы побежали дальше, поднимаясь по крутому склону Миннес-Рок. Я предпочел бы бегство в глубь страны, но леди Бланш совсем лишилась сил. Дважды она падала наземь, сраженная ужасом и слабостью, и каждый раз умоляла меня не бросать ее, да я и не собирался ее покинуть. В конце концов Уильям Булл и я подхватили ее и с большими трудами, пробираясь по скалам, понесли в ту пещеру, о которой я говорил матери. На это ушло много сил и времени, так как местами не за что было даже уцепиться. Более того, группа французов, заметив наше бегство, бросилась преследовать нас. Возможно, кто-то из них догадался, кто эта молодая леди, которая была с нами, и они решили захватить ее и потребовать выкупа.

Во всяком случае они двигались следом за нами и теми немногими женщинами, которые присоединились к нам, не имея сил бежать дальше, а может быть, веря в то, что Уильям Булл и я сможем защитить их.

Мы достигли пещеры, и, пропустив женщин внутрь, мы с Уильямом остались у входа и стали ждать. У него не было лука, а у меня осталось только три стрелы, но я был хорошим стрелком и решил употребить их наилучшим образом. Я вынул их из колчана, натянул тетиву и присел, чтобы перевести дух. Французы наступали, крича и угрожая перерезать нам горло и захватить прекрасную даму как свою добычу.

– Она будет моей! – вопил огромный малый с плоским носом и широким ртом. Он бежал впереди других и был уже

не далее чем в пятидесяти ярдах от нас.

Я поднялся и, обратясь с молитвой к моему покровителю, доброму Св. Хьюберту, чье имя мне дали, раз я впервые увидел свет в его день, 23 ноября, – натянул тетиву моего большого лука до отказа, прицелился и спустил стрелу. Любитель меткой стрельбы, Св. Хьюберт не покинул меня в моей нужде: стрела попала французу прямо в его большой рот и пригвоздила язык к шейному позвонку.

Он рухнул как подкошенный, и, ободренный этим зрелищем, я спустил вторую стрелу в следующего. И этого она сразила, и он упал почти на своего товарища.

Я приладил третью – последнюю – стрелу и переждал мгновение. Позади первых двух бежал коренастый приземистый человек, вероятно, рыцарь, ибо на нем были латы, панцирь и шлем, а в руке щит с изображением петуха. Этот человек, испуганный судьбой своих товарищей, но в то же время не желая уступить добычу тем, кто следовал за ним, согнулся почти вдвое и, заслонив шлем щитом, ринулся вперед.

Я выждал, пока между нами не осталось ярдов двадцать пять, надеясь, что он споткнется о неровности почвы, и щит, сдвинувшись, откроет его голову. Но он не споткнулся, и наконец, вновь помолившись Св. Хьюберту, я натянул тетиву так, что она коснулась моего уха, и отпустил ее. Стрела с наконечником из вороненой стали ударила прямо в центр щита и, клянусь Богом, пробила его и прикрываемую им плоть,

так что и этот тоже нашел свою смерть.

– Вот это выстрел! – сказал Уильям. – Ни один лук в мире не дал бы такого.

– Неплохо, – ответил я, – Но это была последняя стрела. Теперь у нас только меч и алебарда – будем держаться, как сможем, пока нас не прикончат.

Уильям кивнул, а женщины в пещере стали плакать и причитать, увидев, что я прячу свой лук в футляр, – скорее, наверно, по привычке, ибо я не надеялся когда-нибудь снова взять его в руки.

Именно в этот момент с французских кораблей в гавани донеслись сигналы тревоги, и французы неожиданно запнулись, повернулись и бросились бежать к берегу. Мы с Уильямом выглянули из пещеры.

Там, на море, приближаясь с востока под хорошим ветром, шли корабли, и на их мачтах развевались флаги Англии – их золотые леопарды сияли на солнце.

– Это наш флот, Уильям, – сказал я. – Сейчас они побеседуют с этими французами.

– Хотел бы я, чтобы они сделали это раньше, – ответил Уильям. – Но все-таки лучше поздно, чем никогда.

Так мы были спасены благодаря Амо де Оффингтону, настоятелю Бэтл Эбби, как мне сказали впоследствии, который собрал войско на суше и на море и отогнал французов, хотя и после того, как они разграбили остров Айн-оф-Уайт, атаковали Уинчелси и сожгли большую часть Гастингса. Так что в

конечном счете эти пираты извлекли мало пользы из своих злодейств, поскольку они потеряли целый ряд кораблей со всем, что было на борту, а другие отчалили так поспешно, что их люди остались на берегу и были убиты разъяренной толпой, как только стало понятно, что они брошены своими товарищами. Тем более что действия толпы были поддержаны отрядом настоятеля, прибывшим из Бэтла. Но при всем этом я бездействовал, потому что теперь, когда сражение закончилось, я чувствовал себя, как ребенок, и видел перед собой только образ матери, гибнущей в огне пожара.

Вскоре, однако, случилось нечто, пробудившее меня в моем горе и снова оживившее во мне кровь. Узнав, что опасность миновала, леди Бланш вышла из пещеры, у входа в которую все еще стоял я, прислонясь к скале и сжимая рукоятку меча Взвейся-Пламя, обнаженного для последней смертельной схватки. Какими только нежными словами она меня не называла – и героем, и своим спасителем, и Бог весть как еще.

Наконец, не получив ответа, – ведь я был как в тумане, да и удар, нанесенный мне в грудь французом, которого я убил еще возле замка, уже дал себя почувствовать, – она сделала нечто большее. Обхватив меня руками, она трижды поцеловала меня в щеки и губы; несомненно, она была возбуждена и в порыве благодарности забыла девическую сдержанность, хотя, как потом сказал мне Уильям Булл, эта забывчивость не проявилась в отношении него, несмотря на то, что Уильям

тоже помогал ей добраться до пещеры.

Ее поцелуи действовали на меня, как вино; даже странно, какое влияние, по установлению природы, оказывает на нас в юности первое прикосновение уст прекрасной женщины, если мы ее любим. Мы можем забыть все, что угодно, но его мы помним всегда, как бы фальшивы ни оказались впоследствии эти уста. Значит, когда воск еще мягкий, штамп врезается глубоко, столь глубоко, что никакой жар не может потом расплавить его отпечатка, и ничто не может стереть его, пока мы живем на земле.

Итак, молодая кровь во мне взыграла, и я собирался вернуть эти поцелуи с процентами и уже приступил было к делу, как вдруг услышал грубый голос, изрыгавший непонятные проклятья, и хихиканье женщин, которые с нами прятались в пещере, а теперь на минуту забыли о своих несчастьях, как часто бывает с представителями их пола, когда дело доходит до поцелуев.

– Черт побери! – произнес грубый голос. – Кто это лапает там мою дочь, как будто они час как обвенчались? А ну, убери свои губы, парень, не то я отсеку их от твоей физиономии!

Изумленный, я оглянулся и увидел сэра Роберта Эйлиса, восседающего на сером коне, в сопровождении отряда вооруженных людей, которыми, по-видимому, командовал самоуверенный молодой капитан с темными глазами и длинными волосами и в самом диковинном одеянии, какого я ни-

когда не видел. Набрось он на свои латы одеяние Иосифа, то и тогда бы не получилось такой яркости красок; и я заметил также, что носки его туфель так сильно загнуты кверху, что я невольно подивился, как он мог попасть в стремена, и что было бы с ним, если бы его выбили из седла.

Растерявшись, я не ответил, но Уильям Булл, хотя и грубоватый малый, был находчив и не лез за словом в карман.

– Если хотите знать, – сказал он по-сассекски растягивая слова, – я скажу вам, кто этот человек, сэр Роберт Эйлис. Это мой достойнейший хозяин, Хьюберт из Гастингса, владелец судов, дома и торгового дела в этом городе. Или был им, по крайней мере, так как его суда и дом, кажется, сгорели, как и его мать. А что касается торговли, то пройдет немало дней, прежде чем она снова появится в Гастингсе.

– Возможно, – сказал сэр Роберт, добавив несколько ругательств, – но почему он целует мою дочь?

– Может быть, потому, что он хочет отдать лучшее, что у него есть, – таков закон среди честных купцов, благородный сэр Роберт. Или потому, что он больше, чем любой другой из людей, имеет право целовать ее: если бы не он, она была бы сейчас зловонным трупом или бросовой вещью для француза.

Здесь нарядный молодой капитан прервал его, говоря:

– Что бы ни потерял этот достойный торговец, в трубаче он не нуждается.

– Совершенно верно, милорд Делеруа, – ответил Уильям,

ничуть не смутившись, – ибо когда я нахожу хорошую песню, мне нравится ее петь. Взгляните-ка вон на тех трех человек, что лежат на склоне, и вы увидите, что на сразивших их стрелах метка моего хозяина. А потом ступайте на Замковый холм и найдите там рыцаря, у которого голова почти отсечена от плеч, и проверьте, не этим ли вот мечом это сделано. И на других тоже посмотрите – они были все убиты для того, чтобы спасти эту прекрасную леди. Ступайте и поглядите – вы, в вашей нарядной, незапятнанной одежде, а потом возвращайтесь и болтайте о трубачах.

– Вот еще! – произнес лорд Делеруа, пожав плечами. – Просто леди слишком потрясена и ухватилась за какого-то простолюдина, как женщина, которая целует ноги деревянной статуи святого, воображая, что тот спас ее от беды.

Слушая все это как во сне, при последних словах я как бы очнулся, ибо сказанное уязвило меня. Кроме того, я слышал, что этот роскошный Делеруа был из тех, кто получил свой пост и чин милостью короля, так же как и свое имя, будучи, как говорили, незаконным сыном одного князя, родственника сэра Роберта, которого он поэтому называл кузенком.

– Сэр, – сказал я, – вам лучше знать, кто из нас имеет больше оснований называться простолудином. Оставим это. По крайней мере, я держу в руках меч, принадлежавший предку моих предков сотни лет назад, некоему Торгриммеру, который в свое время был великим человеком. Сегодня я уже достаточно сражался, а вы – несомненно, не по своей вине, –

совсем не участвовали в битве. Будьте же любезны сойти с этого коня и сразиться со мной, хотя я и устал, и доказать мое простолюдинство на моем теле. Сделайте это в вашей знатности, ибо в конце концов мы все из одной плоти. Уязвленный в свою очередь, он сделал движение, как бы намереваясь выполнить мое требование, но в этот момент, взглянув на своего отца, который, не двигаясь, сидел на коне, видимо, озадаченный, леди Бланш впервые подала голос.

– Не сходите с ума, кузен, – сказала она. – Говорю вам, этот джентльмен сегодня дважды спас мою жизнь и честь. Неужели после этого удивительно, что я отблагодарила его наилучшим образом, каким может женщина, и этим навлекла на него ваши оскорбления?

Он колебался, хотя один из его загнутых вверх носков уже освободился от стремени, как вдруг сэр Роберт заговорил своим мощным голосом:

– Святая правда, кузен, вы поступите лучше всего, если оставите этого молодого петушка в покое, мне не нравится вид его красной шпоры, – и он взглянул на мой меч Взвейся-Пламя. – Хотя он, возможно, и устал, в нем наверняка сохранились кое-какие силенки.

Потом он повернулся ко мне и добавил:

– Сэр, вы отлично дрались; многие получали рыцарское звание за меньшее, и если красивая девушка отблагодарила вас на свой лад, вы в этом не виноваты. Я, ее отец, тоже благодарю вас и желаю вам всяческих удач до той поры, когда

мы снова встретимся. Прощайте. Дочка, садись на мою лошадь вместе со мной – и в путь, в замок Левенси, куда, может статься, этим французам завтра захочется нанести визит.

Спустя минуту их уже и след простыл, и я заметил не без боли, как, помахав мне на прощанье, леди Бланш быстро заговорила с кузеном Делеруа, и как он взял ее за руку, поддерживая ее на коне ее отца.

ГЛАВА III. ХЬЮБЕРТ ПРИЕЗЖАЕТ В ЛОНДОН

Когда леди Бланш исчезла из виду, а следом за ней и женщины, прятавшиеся в пещере, Уильям и я отправились к известному нам ручью, протекавшему неподалеку, и утолили мучившую нас жажду. Потом мы пошли к тем троим, кого я убил из моего большого лука, надеясь вернуть мои последние стрелы. Однако это оказалось невозможным: одна из стрел – третья – была сломана, а две другие так глубоко впились в плоть и кость, что высвободить их могла только пила хирурга.

Поэтому мы оставили все как есть; и пока убитых не зарыли, многие приходили подивиться на это зрелище, считая почти чудом, что я убил этих троих тремя стрелами, и что лук, согнутый человеческой рукой, мог выпустить последнюю из стрел с такой силой, что она пробила железный щит и нагрудник.

Должен заметить, что эти доспехи Уильям взял себе, поскольку они были ему по росту. Я тоже, вернувшись на следующее утро на Замковый холм, снял с рыцаря, убитого мечом Взвейся-Пламя, его великолепную миланскую кольчугу, нагрудник которой был выложен золотом, и которая прикрывалась как бы короткой мантией из сетки, защищавшей швы; именно через такой шов меч врезался в плечо рыцаря.

По странной случайности герб, или эмблема, на щите рыцаря представлял собой изображение трех зазубренных стрел, но имени рыцаря я так никогда и не узнал. Эти доспехи, которые, должно быть, стоили большой суммы денег, бейлиф отдал мне в дар, поскольку я убил их владельца и хорошо показал себя в битве. Более того, я сделал эти три стрелы своей эмблемой, хотя, по правде сказать, не имел права ни на какой герб, будучи в те дни только торговцем. (Если бы я знал тогда, какую службу мне сослужат эти доспехи в последующие годы!)

Приближалась ночь, и так как от устья пещеры нам было видно, что та часть Гастингса, которая расположена в направлении деревни Сент-Ленардс, по-видимому, уцелела от пожара, туда мы и направились, выбрав путь вдоль берега, подальше от жара и падающих обломков горящего города. По пути мы встречали других жителей и от них узнали о том, что произошло. Похоже было, что французы потеряли убитыми больше, чем мы, поскольку многие из них оказались отрезанными на берегу, когда их корабли снялись с якоря, а последние не все смогли отойти от берега или были частично потоплены вместе с находившимися на борту людьми подошедшими английскими судами. Но ущерб, нанесенный Гастингсу, был столь велик, что едва ли одно поколение могло справиться с его последствиями, ибо большая часть города сгорела дотла или все еще была охвачена пожаром. Многие, как моя мать, погибли в пламени – больные, старики, роже-

ницы, а также те, кто по той или иной причине были забыты или неспособны покинуть помещения. Сотни людей собрались на берегу, охваченные отчаянием, и не только женщины и дети плакали в этот вечер.

Что до меня, то мы с Уильямом миновали пожарище и пришли в дом к одному старому священнику, который был моим духовником, а до меня исповедовал моего отца; и там мы нашли стол и кров, а он вознес благодарственную молитву Богу за мое спасение и постарался утешить меня, потерявшего мать и лишившегося всего имущества.

В ту ночь я почти не спал, как не могут спать те, кто утомлен сверх меры. К тому же это было мое боевое крещение, и я вновь и вновь видел в воображении, как падают эти люди от моего меча и стрел, я гордился тем, что убил их, этих жестоких грабителей, и радовался тому, что с мальчишества учился владеть мечом и луком, так что мог сразиться с кем угодно и, пожалуй, стал самым метким стрелком в Гастингсе и завоевал серебряную стрелу на последнем состязании, один среди лучников всех возрастов. Однако картины смерти убитых мною захватчиков преследовали меня, и я представлял себе, как легко их участь могла быть моей, если бы они опередили меня, нанеся удар мечом или выпустив стрелу первыми.

– Где они теперь? – думал я. – В раю или в аду, о которых рассказывают священники? Признаются ли они в своих грехах какому-нибудь ангелу, в то время как тот со строгим

замкнутым лицом проверяет их по своей книге, напоминая им о многих прегрешениях, о которых они забыли? Или они крепко спят вечным сном, как один тонкий мыслитель, которого я знал, говорил мне по секрету, признаваясь в своем убеждении, что такова судьба каждого из нас, что бы ни говорили нам и во что бы ни верили священники? И где сейчас моя мать, которую я так любил и которая любила меня, хотя внешне и была суровой женщиной, – моя мать, которая на моих глазах сгорела заживо и пела, охваченная пламенем? О, как порочен и мерзок этот мир, и как странно, что Бог заставляет мужчин и женщин появляться на свет для того, чтобы прийти к такому жестокому концу. Однако кто мы такие, чтобы сомневаться в Его установлениях, о которых мы не знаем ни начала, ни конца?

Во всяком случае я радовался тому, что я жив, ибо теперь, когда все позади, меня мучили страх и дрожь, чего я совершенно не испытывал во время битвы, даже когда казалось, что настал мой последний час.

И наконец, эта знатная леди, Бланш Эйлис, с которой так странно свела меня в тот день судьба. Ее голубые глаза пронзили мое сердце, как стрелы, и никакими усилиями я не мог вытеснить из головы мысли о ней и звук ее мягкого голоса из моего слуха, а ее поцелуи, казалось, все еще горели у меня на губах. Меня мучила мысль о том, что, быть может, я никогда больше ее не увижу, а если увижу, то не смогу говорить с ней, – ведь я был настолько ниже, чем она, по своему

положению и уже успел навлечь на себя гнев ее отца и (как я догадывался) возбудить ревность ее надушенного кузена, которого, говорили, король любил, как родного брата.

Что велела мне моя мать? Покинуть эти места и уехать в Лондон, найти там моего дядю Джона Триммера, купца и золотых дел мастера, который был моим крестным отцом, и попросить его взять меня в свое дело. Я помнил моего дядю, потому что лет семь или восемь тому назад, когда я был еще подростком, он навестил нас в Гастингсе в то время, когда Лондон постигла чума. Однако он прожил у нас всего неделю; по его словам, морской воздух плохо действовал на его желудок, и лучше рискнуть заболеть чумой, имея здоровый желудок, чем избежать ее, но с больным желудком. Правда, по-моему, он думал о своем деле, а вовсе не о желудке.

Странный он был старик, чем-то похожий на мою мать, но только нос у него был более горбатый, глаза маленькие, а лысая голова прикрыта бархатной шапочкой. Даже в летнюю жару ему всегда было холодно, и он носил старую, облезшую по краям шубу (меховую накидку), громко жалуясь на сквозняки. Он даже ходил на старого еврея, хотя и был добрым христианином, и посмеивался про себя, поскольку, по его словам, это было выгодно для его торговли – евреи всегда боялись и считали, что обмануть и переспорить их просто невозможно.

В остальном я помню только, что он проэкзаменовал меня насчет моей учености и остался недоволен, и что он обошел

наши владения, оценивая наши товары и показывая матери, как нас обманывают и как мы могли бы получать больше денег, чем мы имеем. Уезжая, он подарил мне золотой слиток и сказал, что жизнь – не более чем суета сует, и что я должен молиться за упокой его души, когда он умрет, так как он уверен, что она будет нуждаться в такой помощи; а также, что я должен употребить этот слиток золота с выгодой для себя. Это я и сделал – купил огромного свирепого дога, привезенного на корабле из Норвегии, которого я страстно хотел приобрести; этот дог укусил одного большого человека в нашем городе, и тот потащил мать в суд к бейлифу и добился уничтожения бедного зверя, к моей великой ярости.

Перебирая все это в памяти, я подумал, что в сущности мне ведь нравился дядя Джон, хотя он и отличался от всех окружающих. Почему бы мне не поехать к нему? Потому что я, любя море и свежий воздух, не хотел сидеть в лондонской лавке, а также из страха, что он может спросить меня, что я сделал с тем слитком золота, и поднять меня на смех из-за собаки. Однако мать велела мне ехать, и это было ее последнее приказание, предсмертное слово, послушание которого могло бы привести к несчастью. К тому же наши корабли и дом сгорели, и мне придется долго и упорно трудиться, прежде чем я смогу восстановить утраченное. И наконец, в Лондоне я не буду видеть леди Бланш Эйлис и постепенно забуду огоньки в ее голубых глазах. Поэтому я решил, что уеду, и, наконец, заснул.

На следующее утро я исповедовался старому священнику, прося его среди прочих вещей снять с меня грех пролитой крови, на что он, будучи в душе убежденным англичанином, ответил, что этот поступок не нуждается в прощении ни Бога, ни человека. Я посоветовался с ним о том, что мне следует делать, и он сказал, что мой долг – повиноваться желаниям моей матери, поскольку предсмертные слова такого рода часто бывают внушены свыше и выражают волю неба. Далее он подчеркнул, что не мешало бы мне избегать леди Бланш Эйлис, которая намного выше меня по положению, и поэтому попытки видаться с ней могли бы кончиться для меня бедой и даже смертью. И кроме всего прочего, сказал он, я мог бы вернуть себе утраченное состояние с помощью моего дяди, по слухам – очень богатого человека, которому он напишет обо мне письмо.

Таким образом, вопрос был решен.

Однако прошло несколько дней, прежде чем я смог покинуть Гастингс: нужно было дожидаться, пока остынет пепел на месте нашего дома, чтобы найти останки моей матери. Те, кто наконец нашли ее тело, говорили, что она обгорела гораздо меньше, чем можно было ожидать, но об этом я не могу судить, так как я не мог заставить себя взглянуть на нее, – ведь она хотела, чтобы я помнил ее такой, какой она была при жизни. Ее похоронили рядом с утонувшим отцом, на кладбище церкви Св. Клементя, и когда все удалились, я немного поплакал на ее могиле.

Оставшаяся часть дня прошла в приготовлениях к путешествию. Оказалось, что часть хозяйственных построек в дальнем конце двора уцелела от пожара, и в стойлах я обнаружил двух живых лошадей – серого жеребца для верховой езды и кобылу, которая возила на берег сети и снасти, а с берега – улов рыбы. Обе лошади, хотя и напуганные и одичавшие, были целы и невредимы. Я обнаружил также некоторые запасы – сетей, вяленой рыбы в бочках и еще каких-то вещей, в которых я не стал разбираться. Лошадей я оставил себе, а все остальное, включая и территорию, на которой стоял дом и хозяйственные постройки, передал Уильяму, а тот обещал выплатить мне стоимость всего этого, когда настанут лучшие времена и он сможет зарабатывать достаточно денег.

На следующее утро я выехал в Лондон на моем сером жеребце, погрузив доспехи убитого мною рыцаря и кое-какое оставшееся имущество на кобылу, которую я вел на веревке. Никто не пришел проститься со мной, кроме Уильяма, ибо отчаяние гастингцев было столь глубоко, что все были поглощены собственными переживаниями или оплакивали своих мертвецов. Я не жалел, что так получилось, поскольку мне было так тяжело покидать места, где я родился и жил всю жизнь, что я бы, наверно, разразился слезами, если бы кто-нибудь из моих бывших друзей обратился ко мне с добрым словом, – а мужчине не подобает плакать. Никогда еще я не чувствовал себя столь одиноким, как в ту минуту, когда, въехав на холм, я оглянулся на руины Гастингса, над которы-

ми еще висела тонкая пелена дыма. Мужество, казалось, совсем меня покинуло; со страхом смотрел я в будущее, думая, что я рожден неудачником, что мне нечего ждать от жизни, и что, наверно, я кончу свои дни простым солдатом или рыболовом, а может быть, в тюрьме или на виселице. Я страдал от таких приступов мрачности с детства, но никогда еще мое отчаяние не было столь безнадежным и глубоким.

Наконец взошло и засияло солнце, и мое настроение изменилось. Я вспомнил, что я не только вышел живым из боя, но и невредим, молод и здоров, что у меня есть меч, лук и доспехи, да в придачу еще сколько-то золотых монет в мешочке, который мне дала матушка, вручая меч Взвейся-Пламя. Во мне вспыхнула надежда, что мой дядя примет меня как родного; а если нет, то найдется немало рыцарей, которые будут рады иметь оруженосца, умеющего стрелять не хуже любого лучника и владеющего мечом наравне с лучшими воинами.

Итак, вознеся бесхитростную молитву Св. Хьюберту, я взбодрил своего коня и, воспрянув духом, добрался до конца длинного подъема и очутился почти лицом к лицу с веселой кавалькадой, которая, судя по тому, что всадники держали на запястьях соколов, а за лошадьми бежали собаки, направлялась охотиться на болотах Левенси. Еще на расстоянии я узнал их – это были сэр Роберт Эйлис, его дочь Бланш и фаворит короля, молодой лорд Делеруа, в сопровождении слуг. Я хотел было уклониться в сторону, но, вспомнив, что имею

такое же право, как они, ездить по дорогам короля, и призвав на помощь свою гордость, решил проехать мимо, не обращая на них внимания, разве что они заметили бы меня сами. Но они тоже узнали меня, ибо, имея острый слух, я уловил восклицание сэра Роберта: «Опять этот молодой рыбак! Проезжай мимо, дочка, не говори ни слова!»; услышал также пренебрежительное замечание лорда Делеруа; «Кажется, он обобрал убитых и теперь, как хороший коробейник, везет их доспехи для тайной распродажи».

Однако леди Бланш не ответила ни тому, ни другому, а смотрела прямо перед собой, делая вид, что разговаривает с соколом, сидевшим у нее на руке. Теперь, когда она пришла в себя и была спокойна, она показалась мне еще прекраснее, чем тогда, в отблесках пожара.

Так мы встретились и разъехались снова; я равнодушно взглянул на них, объезжая их по обочине дороги. Когда нас разделяло уже ярдов десять, я вдруг услышал возглас леди Бланш:

– О, мой сокол!

Я оглянулся и увидел, что ее сокол каким-то образом оказался на земле, и так как голова его была накрыта колпачком, он бился, хлопая крыльями, между копытами лошадей, в то время как одна из собак пыталась схватить и растерзать его. Поднялась суматоха, и в то время как все взоры устремились на сокола и собаку, леди Бланш с невозмутимым спокойствием обернулась, подняла руку, как бы стараясь понять, каким

образом сокол мог упасть с нее, и быстрым движением, приложив пальцы к губам, послала мне воздушный поцелуй.

Я ответил таким же быстрым поклоном и продолжал свой путь; сердце мое сильно билось. Несколько мгновений меня переполняла радость, так как я не мог сомневаться в значении этого поцелуя. Но затем, подобно апрельской туче, налетела печаль; моя рана, которая была близка к заживлению, вновь открылась. Я уже начал забывать леди Бланш, или, скорее, усилием воли изгонять ее из головы, как велел мой исповедник. Но теперь на крыльях этого воздушного поцелуя она снова проникла в мои мысли и поселилась там на много дней.

Ночь я провел в Торнбридже, в уютном и спокойном трактире, где хозяин долго взирал на золотую монету, которую я вынул из мешочка, расплачиваясь за ночлег, и ни за что не хотел принять ее, потому что на ней была изображена голова какого-то древнего короля. Наконец один купец из Торнбриджа, зашедший в трактир, чтобы выпить свою утреннюю кружку эля, убедил его, что это настоящие деньги, так что все благополучно уладилось.

Около двух часов я достиг Саутварка – города, который оказался мне столь же большим, каким был Гастингс до его разрушения. В Саутварке был прекрасный трактир под названием «Табард», в котором я и остановился, чтобы накормить лошадей и подкрепиться пищей и кружкой эля. Потом я отправился дальше и переехал через великую реку Тем-

зу, по которой сновало множество кораблей и лодок. Я пересек ее по Лондонскому мосту, сооружению столь удивительному, что трудно было представить себе, как рука человека могла создать его, и такому широкому, что по обе стороны проезжей части умещались лавки, полные самых разнообразных товаров. Расспросив, как мне попасть в Чипсайд, я наконец добрался туда, прокладывая путь сквозь несметную толпу людей, – по крайней мере, так мне казалось, ибо я еще никогда не видал такого скопища мужчин и женщин, устремляющихся каждый в свою сторону и как будто не замечающих друг друга.

Я выехал на длинную и многолюдную улицу, по обе стороны которой теснились дома под островерхими крышами, демонстрируя всевозможные товары и ремесла. По ней я и потрусил, то и дело навлекая на себя проклятия, потому что моя выючная кобыла, которую я вел на веревке, испуганно шарахалась из стороны в сторону и преграждала путь телегам, вынуждая их останавливаться и ждать, пока я распутаю веревку и приберу мою лошадь к рукам. После третьей такой заминки я отъехал к краю пешеходной дорожки, остановился позади повозки с бочками и огляделся, вконец ошеломленный.

Налево был дом, немного отстоявший от общей линии домов, и перед ним небольшой садик, в котором рос неухоженный и чахлый на вид кустарник. Очевидно, это был не просто жилой дом, потому что на железном пруте, укрепленном на

фасаде, виднелась странная фигура – изображение лодки с приподнятыми кормой и носом и высоким бикхедом в форме головы дракона.

В то время как я разглядывал эту своеобразную вывеску, праздно размышляя о том, что это за судно и какой народ выходил на нем в море, на садовой дорожке показался человек, подошел к калитке и, облокотясь на нее, в свою очередь уставился на меня. Он был стар и выглядел как-то странно, в выцветшем и порыжевшем плаще с капюшоном, надвинутым на голову так, что были видны только острая белая бородка и пара блестящих черных глаз, которые, казалось, пронзали меня, как шило сапожника пронзает кожу.

– Что это вы, молодой человек, – сказал он высоким тонким голосом, – загородили мои ворота своими клячами? Или вы желаете продать эти доспехи? Если так, то я не интересуюсь такими вещами, хотя, кажется, ваш товар и неплохого качества. Так что ступайте куда-нибудь в другое место.

– Нет, сэр, – ответил я, – мне нечего продавать, я только ищу в этом улье торговцев одну пчелу и не могу ее найти.

– В улье торговцев! Поистине, богатые купцы Чипсайда были бы польщены. Так они уже успели ужалить тебя, молодого деревенского простофилю, каков ты есть, коли я не ошибаюсь? Но какую пчелу ты ищешь? Постой, я, кажется, догадываюсь. Уж не старого ли мошенника по имени Джон Гриммер, что торгует золотом, бриллиантами и другими драгоценностями и которому, если воздать по заслугам, самое

место в тюрьме?

– Да, да, именно его, – сказал я.

– Он тоже будет наверняка польщен, – воскликнул старик, посмеиваясь. – Это мой друг, и я расскажу ему про твою шутку.

– Лучше бы сказали, где мне его найти.

– Все в свое время. Но сперва, мой юный сэръ, откуда у вас эти прекрасные доспехи? Если вы их украли, вам следовало бы спрятать их получше.

– Я – украд? – начал я гневно. – Что я, лондонский король-бейник?..

– Думаю, что нет, во всяком случае – пока, но кто из нас знает, какие злые шутки может сыграть с нами Фортуна? Ну ладно, если вы их не украли, то, может быть, вы прикончили того, кто их носил, и тогда вы – убийца; вон я вижу на стали черные пятна от крови.

– Убийца! – воскликнул я, едва не задохнувшись.

– Ага, такой же убийца, как Джон Гриммер – мошенник. Но если нет, то, возможно, вы сняли их с французского рыцаря, которого вы убили на Гастингском холме, прежде чем выпустить три стрелы у пещеры в Миннес-Рок.

Тут я уставился на него в изумлении.

– Закройте рот, молодой человек, а то у вас выпадут зубы. Удивляетесь, откуда я знаю? Ну так вот, мой друг Джон Гриммер, этот ювелир-мошенник, имеет магический кристалл, который он купил у одного человека, приехавшего с

Востока. В этом кристалле я все и увидел.

Говоря так, он как бы случайно откинул капюшон, закрывавший его голову, и я увидел старческое морщинистое лицо и насмешливый рот с одним слегка опущенным уголком, – рот, который я сразу узнал, хотя с той поры, когда я был мальчишкой, прошло много лет.

– Вы – Джон Гриммер! – пробормотал я.

– Да, Хьюберт из Гастингса, я и есть этот мошенник! А теперь скажи мне, что ты сделал с тем золотым слитком, который я дал тебе лет двенадцать тому назад?

Я хотел было солгать, так как этот старик внушал мне какое-то чувство страха. Но, устыдившись, я признался, что потратил его на собаку. Он искренне рассмеялся и сказал:

– Молись, чтоб не отправиться вслед за этим слитком к чертям собачьим! Ну что ж, мне нравится, что ты говоришь правду, несмотря на соблазн лжи. Ты не погнушаешься найти на время пристанище под крышей купца-мошенника Джона Триммера?

– Вы смеетесь надо мной, сэръ, – произнес я, заикаясь.

– Возможно, возможно! Но ведь в каждой шутке есть доля правды; если ты еще не знаешь, то впоследствии узнаешь, что все мы, каждый по-своему, мошенники, и если не обманываешь других, то обманываешь себя, и я, пожалуй, больше, чем остальные. Суета сует! Все на свете – суета.

Не ожидая ответа, он вынул из-под своего старого плаща серебряный свисток и приложил его к губам, и на его звук –

столь быстро, что я невольно подумал, уж не ждал ли он поблизости, – явился коренастый слуга, которому старик сказал:

– Отведи этих лошадей в стойло и обиходь их, как моих собственных. Разгрузи это выючное животное, почисть доспехи и отнеси их вместе с остальной кладью в ту комнату, что приготовлена для этого молодого господина, Хьюберта из Гастингса, моего племянника.

Не сказав ни слова, слуга увел лошадей прочь.

– Не бойся, – сказал, посмеиваясь, Джон Триммер, – хоть я и мошенник, собака не съест собаку, и никто – ни я, ни те, кто мне служат, – не возьмет ни одной из твоих вещей. А теперь – входи, – и он ввел меня в дом, открыв ключом, который вынул из кармана, дубовую дверь, украшенную железными шишечками.

Мы оказались в лавке, где я увидел много драгоценных вещей, таких, как меха и золотые украшения.

– Крошки для приманки птиц, особенно пташек-милашек⁵, – сказал он, указав на разложенные вокруг сокровища; потом провел меня через лавку в коридор, а оттуда – в комнату направо. Комната была небольшая, но такой обстановки я никогда в жизни не видел. В центре стоял стол черного дуба с изощренными резными ножками; на столе были расставлены серебряные чашки, а посередине – видимо,

⁵ Непереводимая игра слов Birds и Zadybirds; Birds – птица, Zadybirds – ледяная птица, устар. поэтич. «любимая», «возлюбленная» (прим. пер.).

золотая ваза благородной формы. С потолка свисали серебряные светильники, уже зажженные (ибо уже смеркалось) и распространяющие сладостный аромат. В комнате был также очаг с дымоходом – что было большой редкостью, – и в нем горел маленький костер из дров; стены были увешаны гобеленами и расшитыми шелками.

Пока я с увлечением и удивлением оглядывался вокруг, дядя сбросил свой плащ, под которым оказался богатый, но довольно поношенный костюм; голову дяди покрывала бархатная шапочка. Он велел мне тоже снять плащ, и когда я повиновался, оглядел меня с головы до ног.

– Юноша что надо, – бормотал он про себя, – и я отдал бы все, чтобы быть молодым и таким, как он. Эти руки и мускулы, полагаю, у него от отца, ибо я всегда был худым и поджарым, как мой отец. Племянник Хьюберт, я слышал всю историю о том, как ты в Гастингсе расправился с французами, да падет на них божья кара; и могу прямо тебе сказать, что горжусь тобой: не знаю, как в будущем, но сейчас горжусь. Подойди ко мне.

Я приблизился, и он, взяв меня тонкой рукой за выющиеся волосы, притянул к себе мою голову и поцеловал меня в лоб, бормоча: «Ни сына у меня, ни дочери – один только этот потомок древней крови. Да будет он ее достоин».

Потом он жестом велел мне сесть и позвонил в серебряный колокольчик, который взял со стола. Как и давеча со слугой, ответ последовал немедленно, из чего я заключил, что

у Джона Триммера хорошие слуги. Не успело замереть эхо колокольчика, как отворилась скрытая за гобеленом дверь, и появились две молодые служанки, обе красивые, высокие и стройные, которые принесли ужин.

– Красивые женщины, племянник, неудивительно, что ты на них засмотрелся, – сказал он, когда они ушли, чтобы принести еще другие блюда. – Я люблю, чтобы в старости вокруг меня были такие. Женщины в доме, мужчины во дворе – таков закон природы, и несчастным будет тот день, когда он изменится. Однако остерегайся красивых женщин, племянник, и, пожалуйста, не целуй этих служанок, как ты целовал леди Бланш Эйлис в Гастингсе, не то весь мой уклад перевернется вверх дном, и служанки станут госпожами.

Я не ответил, смущенный тем, что дядя так много знает обо мне и моих делах; впоследствии я обнаружил, что эти сведения, по крайней мере частично, он получил от старого священника, моего духовника, который написал ему обо мне и моей истории и послал свое письмо с нарочным короля, выехавшим в Лондон на следующее утро после того, как начался пожар.

Но дядя и не ждал от меня ответа, а велел сесть к столу и приступить к ужину, угощая меня разными блюдами с самыми гонкими приправами, которые я не успевал поглощать, и наливая мне такие редкие вина, каких я ни разу до того не пробовал – их он доставал из шкафа, где они хранились в причудливых стеклянных сосудах. Однако сам он, как я за-

метил, ел очень мало, пощипав от грудинки жареной курицы и отпив лишь половину из маленького серебряного кубка, наполненного вином.

– Appetit, как и все другие хорошие вещи, – это для молодых, – сказал он со вздохом, наблюдая, с каким удовольствием я ем. – Однако помни, племянник, что настанет день – если ты до него доживешь, – когда твой аппетит будет так же мал, как сейчас мой. Суета сует, сказал праведник, все на свете суета!

Наконец, когда я не мог больше съесть ни кусочка, он снова позвонил в серебряный звоночек, и те же красивые служанки, одинаково одетые в зеленое, появились и убрали все со стола. Когда они ушли, дядя подсел, сгорбившись, к огню, потирая худые руки, чтобы согреть их, и неожиданно сказал:

– А теперь расскажи о смерти моей сестры, и все остальное, что с тобой было.

И я, насколько мог лучше, рассказал ему все, что произошло, начиная с той минуты, когда я увидел французский флот с борта моей шхуны, и до самого конца.

– Ты не глуп, – сказал он, когда я умолк, – если можешь говорить, как любой образованный человек, и преподносить вещи так, что слушатель будто видит их своими глазами; я заметил, что на это способны весьма немногие. Значит, вот так все это было... Ну что ж, у твоей матери была великая душа, и смерть ее тоже была великой – такой, какая любя нашему северному народу и какой даже я, старый мошен-

ник-купец, желал бы умереть, но не умру, ибо мне суждено умереть, подобно корове, на соломе. Молись Всеобщему отцу Одину – нет, это ересь, за которую меня сожгли бы на костре, если бы ты или мои девушки рассказали об этом священникам, – я хочу сказать, молись Богу, чтобы он даровал тебе лучший конец, такой, какой он даровал Торгриммеру, если это правда, – Торгриммеру, чей меч ты носишь и уже применил так умело, – об этом знает тот рыцарь-француз, который сейчас в аду.

– Кто был Один? – спросил я.

– Великий Бог скандинавов. Разве твоя матушка не рассказывала тебе о нем? Да нет, она была слишком хорошей христианкой. И все же, племянник, – он жив! Я хочу сказать, что Один живет в крови каждого воина, так же как Фрейя живет в сердце каждого юноши и каждой девушки, которые любят. Боги сменяют свои имена, но – молчок! Молчок! Не болтай об Одине и Фрейе, я ведь сказал, что это – ересь или язычество, что еще хуже. Что ты собираешься делать? Почему приехал в Лондон?

– Потому что так велела матушка. И чтобы попытать счастья.

– Счастье, – что есть счастье? Молодость и здоровье – вот это счастье. Хотя если знать, как пользоваться богатством, то многие, кто его имеет, могут пойти дальше других. Красивые вещи тоже приятны для глаз, и собирать их большая радость. И, однако, в конечном счете все это не имеет значения, ибо

нагими вышли мы из тьмы и нагими туда вернемся. Суета
сует, все на свете – суета!

ГЛАВА IV. КАРИ

Так началась моя жизнь в Лондоне, в доме моего дяди Джона Триммера, прозванного Золотых-Дел-Мастером. В действительности, однако, его деятельность была намного значительнее. Он давал деньги займы под проценты большим людям, которые в них нуждались, и даже королю Ричарду и его двору. Он имел корабли и вел оживленную торговлю с Голландией, Францией, – да, и с Францией, а также с Испанией и Италией. Хотя внешне он и выглядел весьма скромно, его богатство было велико и постоянно росло, как снежный ком, катящийся с горы. Более того, он владел большими участками земли, особенно близ Лондона, где было больше вероятности, что она повысится в цене.

– Деньги тают, – говорил он. – Меха портятся от моли и времени, богатство растаскивают воры. Но земля – если на нее имеешь право – остается. Поэтому покупай землю, ее никто не унесет; лучше всего близ торгового или растущего города; а потом сдавай ее в аренду дуракам, которые любят копаться в ней, или же продавай ее другим дуракам, которые желают строить огромные дома и тратят свои богатства, кормя множество бездельников-слуг. Дома требуют пищи, Хьюберт, и чем они больше, тем больше они съедают.

О том, чтобы я поселился у него, он не сказал ни слова, тем не менее здесь я и остался, как бы с обоюдного согла-

сия. На следующее утро явился портной, чтобы снять с меня мерку и сшить мне одежду, какая, по мнению дяди, приличествовала моему положению; и поскольку с меня не потребовали платы, об этом, очевидно, позаботился сам дядя. Он также предложил, чтобы я обставил мою комнату по своему вкусу, так же, как и вторую комнату в глубине дома, которая была намного больше, чем казалась, и, по его словам, предназначалась мне для работы, хотя о том, какую именно работу мне предстояло в ней выполнять, не было сказано ни слова.

Несколько дней я бездельничал, бродя по Лондону с широко открытыми глазами и встречаясь с дядей только за едой, иногда наедине, а иногда в компании морских капитанов и ученых людей или же других купцов. Все они относились к нему с большим почтением и, как я скоро понял, фактически служили ему. Вечерами, однако, мы всегда были одни, и тогда он изливал на меня свою мудрость, в то время как я внимал ему, не говоря почти ни слова. На шестой день, устав от безделья, я осмелился спросить у него, не найдется ли для меня какой-нибудь работы.

– Еще бы не найтись, если ты расположен поработать, – ответил он. – Вот, садись сюда, возьми перо и бумагу и пиши, что я тебе скажу.

Затем он продиктовал мне короткое письмо насчет доставки вина из Испании и, посыпав лист песком, внимательно прочел написанное.

– Все правильно, – сказал он, явно довольный, – и почерк у тебя четкий, хотя немного детский. Видно, тебя неплохо учили в Гастингсе – не только тому, как обращаться с канатами и стрелами? Работа? Да тут уйма работы, особенно частного характера: я не могу ее дать первому попавшемуся писцу, который мог бы выдать мои секреты. Ибо знай, – добавил он суровым тоном, – что одного я не прощаю никогда, и это – предательство. Об этом помни, племянник Хьюберт, даже в объятиях твоих любимых или даже во хмелю.

Говоря так, он подошел к железному шкафчику, отпер его и, достав оттуда пергаментный свиток, велел мне отнести его в мою рабочую комнату и переписать с него копию. Я засел за работу и обнаружил, что это перечень всех его товаров и владений, и – о, каким длинным был этот список! Прежде чем я дошел до конца, я чуть ли не пожалел, что мой дядя так богат. Весь этот долгий день я трудился, оторвавшись лишь в полдень, чтобы перекусить, пока наконец у меня не заболели пальцы и не пошла кругом голова. И, однако, я испытал чувство гордости, догадываясь, что дядя поручил мне эту работу по двум причинам: во-первых, чтобы выказать мне свое доверие, и, во-вторых, чтобы познакомить меня с состоянием своих дел, но не просто со стороны, а как бы в виде рабочего поручения. К вечеру я закончил и сверил копию с оригиналом, спрятав и то, и другое в своей одежде, когда девушка в зеленом платье позвала меня ужинать.

За столом дядя спросил меня, что я сегодня видел, и я

ответил – ничего, только цифры и неразборчивые надписи, и передал ему оба свитка, которые он сверил пункт за пунктом.

– Я доволен тобой, – сказал он наконец, – так как нашел одну-единственную ошибку, да и та не твоя, а моя. Кроме того, ты сделал двухдневную работу за один день. И все же не годится тому, кто привык работать на открытом воздухе, все время корпеть над актами и описями. Поэтому завтра я дам тебе другое поручение, тем более что и лошадь твоя застоялась.

Так оно и было, и на следующее утро он послал меня из Лондона в сопровождении двух слуг осмотреть одно из его владений у берегов Темзы, посетить его арендаторов и потом доложить о состоянии их хозяйства, а также о состоянии определенного леса, где он собирался рубить дуб для постройки корабля. Все это я выполнил с помощью посланных со мною слуг, которые познакомили меня с арендаторами; вечером после возвращения домой я рассказал дяде все, что тот рад был услышать, поскольку он, видимо, не был на этом участке целых пять лет.

В другой раз он послал меня на корабли, которые загружались его товарами, а однажды взял меня на распродажу мехов, прибывших с далекого севера, где, как мне рассказывали, никогда не тает снег, а море всегда сковано льдом.

Он также представил меня купцам, с которыми торговал; своим агентам, которые были весьма многочисленны, хоть и

действовали большей частью секретно; и другим ювелирам, которые получали от него займы и в некотором смысле были партнерами, образуя род товарищества, гарантирующего получение больших сумм в случае внезапной нужды. Наконец, его клеркам и подчиненным было дано понять, что если я отдаю приказ, он должен быть выполнен, – хотя это случилось несколько позже, когда я пробыл у дяди уже некоторое время.

Таким образом, через год я знал все нити большого дела Джона Триммера, а на протяжении второго года оно стало все больше переходить в мои руки. Последним, с чем он меня познакомил, были займы, которые он предоставлял сильным мира сего и даже государству. Но наконец я освоился и с этим и узнал ближе некоторых из этих людей, которые наедине с нами были смиренными должниками, но, встречая нас на улице, проходили мимо с кивком, каким высшие удостоивают низших. В таких случаях мой дядя низко кланялся, не отрывая глаз от земли, и велел мне поступать таким же образом. Но когда они были уже далеко и не могли нас услышать, он посмеивался и говорил:

– Рыбки в моих сетях, золотые рыбки! Посмотри, как они сияют, а ведь через минуту будут биться и извиваться на берегу. Суета суета! Все вообще – суета, и Соломон в свое время, конечно, это знал.

Я работал все упорнее и упорнее, ворочая рычагами всех этих больших дел, и, чтобы поддерживать свое здоровье,

по возможности урывал время для участия в соревнованиях лучников, где никто не мог меня превзойти, или упражнялся во владении мечом в школе военного искусства, которую содержал мастер этого дела из Италии. По праздникам и по воскресеньям после мессы я выезжал верхом из Лондона осматривать дядины поместья, где иногда и ночевал, а время от времени сопровождал партии его товаров в Голландию или Кале.

Однажды – это было месяцев восемнадцать спустя после моего приезда в Лондон – он вдруг сказал мне:

– Ты пашешь и сеешь, Хьюберт, а урожай не собираешь, довольствуясь тем, что уделает тебе хозяин. Отныне бери у него сколько хочешь. Я не требую отчета.

Итак, я оказался богачом, хотя, говоря по правде, тратил на себя очень мало, отчасти потому, что вкусы мои были просты, а также потому, что частью дядиной политики было держаться скромно и не выставлять напоказ свое богатство, чтобы, как он говорил, не возбуждать к себе зависти. С этого времени он постепенно стал отходить от дел. Истинная причина, однако, заключалась в том, что возраст брал свое, и он понемногу терял силы. Он предоставил мне самые важные дела, лишь спрашивая о результатах и по временам давая советы. Но, не желая оставаться праздным, он занимался своей лавкой, которую он шутя называл силками для птиц, торгуя мехами и украшениями с таким жаром, как будто от каждой вырученной монеты зависел его хлеб насущный, и руководя

изготовлением драгоценностей и прекрасных кубков, образцы которых он, как истинный художник, создавал для своих опытных и высокооплачиваемых работников, среди которых были и иностранцы.

– Мы пришли к тому, с чего начали, – говорил он, бывало. – Мастером был я с детства, мастером и умру. Что за судьба для потомка Торгриммера! И, однако, я, кажется, продаю тебя в такое же рабство. А впрочем, как знать? Как знать? Мы предполагаем, а Бог располагает.

Следует заметить, что когда старики отходят от занятий, заполнявших их жизнь, очень часто они вскоре уходят и из самой жизни. Так случилось и с моим дядей. День ото дня он хирел, пока наконец, с наступлением третьей зимы, что я жил с ним, не слег, все больше слабея, и в час рождения нового года он умер.

До самого конца он сохранил ясность и силу мысли, и никогда ум его не был яснее, чем в ночь его смерти. В тот вечер, поев, я, как обычно, пошел к нему в комнату и застал его за чтением прекрасной рукописной копии с книги мудрости царя Соломона под названием «Экклезиаст», – произведения, которое он предпочитал всем другим, так как высказанные в нем мысли совпадали с его мыслями. «Я собирал серебро и золото, и сокровища, достойные королей, – прочел он вслух то ли для себя, то ли обращаясь ко мне, и продолжал: – и стал я выше и богаче всех, кто был до меня... Потом посмотрел я на творения рук моих и на труды, мною

затраченные; и увидел, что все это суета и смущение духа, и что никто ничего не выгадывает в этом мире».

Он закрыл книгу и сказал:

– К этому же придешь и ты, племянник, как приходит всякий в горькие дни старости, – когда ты скажешь: «Я больше не нахожу в них удовольствия». Хьюберт, я ухожу в вечную обитель, но я не печалюсь. В молодости я познал горе, ибо – хотя я никогда тебе не рассказывал, – я был женат, и у меня был сын – умный, живой мальчик. Как я любил его и его мать! Чума унесла обоих. Никого у меня не осталось, а по природе я из тех, кто может научиться жить без женщин – чего, боюсь, нельзя сказать о тебе, Хьюберт. И вот, видя, как много в мире страданий и горя, и как те, что зовутся благородными и кого я ненавижу, топчут незнатных и бедных, я занялся добрыми делами. Половину моих доходов я отдавал и отдаю тем, кто помогает бедным и больным; ты найдешь их список, когда я умру, – если, конечно, захочешь продолжать: я тебя ничем не обязываю. Но знай, Хьюберт, – я оставил тебе все, что имею: золото и корабли и все движимое и недвижимое имущество – в полное твое владение, а земли, главное богатство, – пожизненно, а после твоей смерти – твоим детям или, если ты умрешь бездетным, – определенным приютам, где заботятся о больных.

Я хотел поблагодарить его, но он отмахнулся от моих слов и продолжал:

– Ты говорил, что твоя мать предсказала тебе участь ски-

тальца. Странно, но сейчас я подумал то же самое. Мне кажется, я вижу тебя где-то далеко отсюда – в сражении, в любви, в роскоши, – с поднятым Взвейся-Пламя, который когда-то сверкал в руке Торгриммера, нашего родоначальника. Ну что же, иди, куда влечет тебя душа, или куда поведут обстоятельства, хотя тебе и есть ради чего жить дома. Я бы хотел, чтобы ты женился, ведь брак – это якорь, с которого срывается редко какой корабль. Да только я не уверен, – как знать, на ком ты захотел бы жениться; а этот якорь, раз его бросишь, уже не поднять никаким воротом, одна лишь смерть может разрубить его цепь. Еще одно слово, Хьюберт. Хотя ты так молод и силен, помни, что когда-нибудь ты станешь таким же, как сейчас я. Сегодня я, а завтра – ты, сказал один мудрый старик, так всегда было и есть.

Хьюберт, я не знаю, почему мы рождаемся – чтобы бороться и страдать, пока наконец судьба не затянет на нас свою петлю. И все-таки я надеюсь, что священники правы и что есть вторая жизнь, хотя Соломон этого не думал, – то есть, конечно, если мы продолжаем жить там, где нет ни греха, ни скорби, ни страха смерти. Если это правда, то будь уверен, что в каком-то ином мире мы встретимся снова, и там я спрошу у тебя отчета, о том как ты употребил доверенное тебе богатство. Думай иногда обо мне с добрым чувством, ибо я полюбил тебя как родного; ведь пока мы живем в сердцах тех, кого любим, мы воистину не умерли. Подойди сюда, чтобы я мог тебя благословить в твоих делах и поступ-

ках, пока ты еще ходишь под солнцем.

И он благословил меня в прекрасных и нежных словах и поцеловал в лоб, после чего попросил оставить его и прислать смотревшую за ним женщину, ибо ему хочется соснуть.

Когда она в полночь взглянула на него – как раз когда колокола возвестили приход нового года – он был уже мертв.

Согласно его желанию, Джона Триммера – последнего, кто носил это имя – похоронили в приделе церкви, которая была в двух шагах от его дома, ибо здесь же покоились останки его всеми забытой жены и ребенка, покинувших этот свет более пятидесяти лет тому назад. Также по его желанию, погребение совершилось без пышности и великолепия, однако на похороны собралось много народу, и среди них кое-кто высокого звания, хотя день был холодный, и шел снег. Кроме того, я заметил, что теперь, когда стало известно, что я – наследник покойного, многие из тех, кто раньше никогда не заговаривал со мной, обращались со мной почтительно, а некоторые, улучив подходящую минуту, отзывали меня в сторону и выражали надежду, что я, в свою очередь, буду поддерживать дружбу, которая издавна существовала между ними и моим дядей.

Позже я нашел их имена в его записной книжке и обнаружил, что те, кто говорил со мной, были все без исключения его должниками.

Когда завещание было утверждено под присягой и я ока-

зался обладателем такой массы денег, земель и других богатств, какая мне даже не снилась, я сначала был склонен отказаться от дел и поселиться в одном из моих поместий, где я мог бы жить в довольстве и изобилии до конца своих дней. Однако я этого не сделал, отчасти потому, что избегал новых лиц и новой обстановки, а отчасти из-за уверенности в том, что это было бы вопреки желанию моего дяди.

Вместо этого я поставил своей целью продолжать и даже повести дальше его игру. Он умер богатым человеком; я решил, что, умирая, буду в пять или шесть раз богаче, если возможно – самым богатым человеком в Англии, и не потому, что я жаждал денег – я тратил на свои нужды очень мало, – а потому, что добывание их и власть, которую они давали, казались мне высшим видом игры. Настроившись на такой лад, я удваивал и утраивал свои усилия в разных направлениях и выигрывал вновь и вновь даже там, где не хватало умения и предусмотрительности, словно сама Фортуна помогала мне с такой странной настойчивостью, что наконец я стал чувствовать суеверный страх перед ее дарами. Я стал также старательно скрывать свои богатства от посторонних глаз, помещая деньги на имя тех, кому я мог доверять, и ведя скромную жизнь в старом доме, чтобы не стать предметом зависти для голодных и добычей для знатных мотов и расточителей.

Это случилось в первое лето после смерти дяди. Я поехал в доки на Темзе, чтобы присутствовать при разгрузке кораб-

ля из Венеции, доставившего среди прочих и закупленные мной товары с Востока, такие, как слоновая кость, шелка, пряности, стекло, ковры и многое другое. Закончив свои дела и проследив, чтобы эти сокровища были перенесены на склад, я передал их список соответствующему работнику и оглянувшись, ища мою лошадь.

В этот момент я и увидел, что толпа подростков и других бездельников издевается над человеком, который стоял среди них, закутавшись в плащ, с виду как будто из потрепанной овчины, но на самом деле, очевидно, из чего-то другого, ибо мех на нем имел красноватый оттенок и выглядел длинным и мягким; человек натянул на голову капюшон, так что лица почти не было видно. Он стоял, высокий и молчаливый, терпеливо, как мученик у столба, в то время как эти мерзкие парни швыряли в него всякие отбросы вроде рыбьих голов и гнилых фруктов, которыми была усеяна набережная, и выкрикивали оскорбительные слова. Одно я уловил: «черномазый».

Подобные сцены были достаточно обычны, но меня привлекло спокойное достоинство жертвы этого издевательства, и я подошел к разнузданной черни и велел им разойтись. Один из них, грубый мужлан, не зная, кто я, оттолкнул меня в сторону, посоветовал не соваться не в свое дело, на что я ответил ему таким ударом между глаз, что он рухнул, как поверженный бык, и остался лежать, ошеломленный. Его товарищи начали было мне угрожать, но я вынул свисток, и тот-

час прибежали двое моих слуг, без которых я редко выходил из дому в те смутные времена, и схватились за короткие мечи; при виде их бездельники пустились наутек.

Когда они скрылись, я повернулся и взглянул на незнакомца. Капюшон спал у него с головы, и я увидел, что это человек лет тридцати, со смуглым и благородным лицом, безбородый, но с прямыми черными волосами, с черными сверкающими глазами и орлиным носом. И еще одно бросилось мне в глаза – мочка его уха была проколота, и притом странным образом, так что в проколе могло бы поместиться маленькое яблочко. Он был так худ, что отовсюду торчали кости, как у голодающих, на руках виднелись порезы и царапины, а на лбу темнела большая ссадина. Он был, видимо, совсем сбит с толку, и почти лишился сил, однако понял, как мне показалось, что я дружески расположен к нему, ибо он поклонился мне и трижды поцеловал воздух – но тогда я еще не знал, каков смысл этого жеста.

Я заговорил с ним по-английски, но он мягко покачал головой, показывая, что не понимает меня. Потом, как бы сообразив что-то, он несколько раз похлопал себя по груди, каждый раз повторяя до странности мягким голосом: «Кари». Я решил, что это слово – его имя. По крайней мере, с этой минуты и всегда я звал его «Кари».

Теперь возник вопрос о том, что с ним делать. Оставить его здесь на посмешище или на погибель я не мог, отослать его тоже было некуда. Оставалось только одно – взять его с

собой. И вот, осторожно взяв его за руку, я увел его с набережной туда, где стояли наши лошади, и знаками предложил ему сесть на одну из них, велел слуге, который на ней ездил, дойти до дому пешком. Однако при виде лошадей незнакомца охватил дикий ужас, он задрожал всем телом, на лице выступил пот, и он вцепился в меня, словно ища защиты; очевидно, он никогда не видел подобных животных. В самом деле, ничто не могло убедить его сесть на лошадь. Он отрицательно качал головой и показывал на ноги, давая мне таким образом понять, что он предпочитает пойти пешком, несмотря на всю свою слабость.

В конце концов он действительно пошел пешком, от Темзы до Чипсайда, а вместе с ним и я, потому что я не решился оставить его одного из боязни, что он сбежит. Странное это было зрелище – я и этот смуглый странник, которого я вел по лондонским улицам; и я порадовался, что уже вечер и лишь немногие могут нас видеть, а те, кто нам встречался, вероятно, думали, что я поймал вора-иноземца и теперь веду его в тюрьму.

Наконец мы достигли «Корабельного дома», как называли мое жилище, по изображению судна древних викингов, которое мой дядя вырезал из дерева и прикрепил над входом; и я провел его в дом и вверх по лестнице в пустовавшую комнату для гостей. По пути он озирался вокруг, смотря во все глаза, которые на его худом лице казались огромными, как глаза совы, а лестница и вовсе озадачила его, так что он

брал как бы приступом каждую ступеньку, задирая ногу высоко вверх.

В комнате, кроме кровати и другой мебели, был еще серебряный умывальник с полагавшимся к нему кувшином – прекраснейшие вещи, которые среди прочих – не знаю, откуда – привез в свое время Джон Гриммер. Они тотчас приковали к себе взгляд Кари, и он смотрел на них при свете зажженных мною свечей с таким выражением, как будто они были для него старыми знакомыми. Более того, – взглянув на меня, как бы прося разрешения, – он подошел к кувшину, наполненному водой в ожидании посетителей, которые часто приходили ко мне по делу, поднял его и, пролив на пол несколько капель воды, как бы принося некую жертву, стал жадно пить, показывая тем самым, насколько его изнурила жажда.

Потом он, не спеша, наполнил умывальник и, сбросив свой истрепанный плащ, стал мыться до пояса, ниже которого на нем осталось лишь нечто похожее на женскую нижнюю юбку, как мне показалось, из грязной хлопчатобумажной ткани. Наблюдая за ним, я заметил две вещи: во-первых, что его бедное тело было так же исцарапано и покрыто шрамами, словно от шипов, как его лицо и руки, а также испещрено синяками и ссадинами, будто от пинков и ударов; и, во-вторых, что на шнурке вокруг шеи он носил удивительную фигурку из золота длиной примерно в четыре дюйма. Это было грубо сделанное изображение человека с поджаты-

ми под подбородок коленями, но лицо, с глазами из крошечных изумрудов, выражало глубокое и торжественное достоинство.

Эту фигурку Кари вымыл прежде, чем плеснул на себя хоть каплю воды, и при этом кланялся ей, а увидев, что я наблюдаю за ним, поднял глаза к небу и произнес какое-то слово, звучавшее как «Пачакамак»; из чего я заключил, что это некий идол, которому бедняга поклоняется. Последним, что я на нем заметил, был привязанный у пояса кожаный мешочек, наполовину чем-то заполненный.

Я нашел моющий шарик⁶, изготовленный из оливкового масла и золы бука, и показал, как им пользоваться. Сначала он отшатнулся от этого странного предмета, но, поняв его назначение, охотно им воспользовался, улыбаясь тому, как хорошо он очищает его кожу. Потом я достал шелковую рубашку и пару домашних туфель, подбитый мехом халат, принадлежавший дяде, а также штаны, и показал ему, как их надеть; это он освоил достаточно быстро. С гребенкой и щеткой, лежавшими на столе, он уже познакомился, когда еще до умывания приводил в порядок свои спутанные волосы.

Когда все было в некотором роде закончено, я снова повел его вниз, в столовую, где нас ждал ужин, и подвинул ему еду, при виде которой глаза его заблестели, ибо он уже просто умирал от голода. Сесть на стул он отказался, то ли из

⁶ Вероятно, мыло, которое, каким мы теперь его знаем, в то время еще не было известно (прим. пер.).

почтения ко мне, то ли потому, что этот предмет был ему не знаком, – не знаю, но заметив обитую ковром скамеечку, на которую дядя, бывало, клал усталые ноги, он устроился на ней, и так, сгорбившись, съел все, что я ему давал, – очень деликатно, несмотря на то, что был очень голоден. Потом я налил в кубок вина, полученного из Португалии, и немного отпил сам, чтобы показать ему, что оно безвредно, после чего, попробовав глоток, он выпил все до последней капли.

Закончив ужин (который я счел нужным сократить, из-за того что голодному и ослабевшему человеку много есть опасно), он снова поднял глаза к небу, как бы в знак благодарности, а потом – возможно, из благодарности ко мне, – опустился передо мной на колени, взял мою руку и прижал ее к своему лбу: тем самым (но тогда я этого не знал) он поклялся служить мне. Видя, как сильно он утомлен, я проводил его обратно в его комнату и указал ему на кровать, закрывая при этом глаза, чтобы он понял, что на этой кровати он будет спать. Он, однако, наотрез отказался от кровати и упорствовал до тех пор, пока не стянул на пол все постельное белье; из этого я заключил, что, к какому бы народу он ни принадлежал, он и его соплеменники имели обыкновение спать на земле.

Снова и снова я задавался вопросом, кто этот человек и к какому народу он принадлежит, так как никогда и нигде я не встречал человеческое существо, которое хоть чем-нибудь было на него похоже. Лишь в одном я был уверен – в том,

что он человек высокого ранга, поскольку ни один представитель знати в тех странах, которые я знал, не вел себя с такой мягкой деликатностью и не обладал столь утонченными манерами. Я не раз видел черных людей, которых называли неграми, и других, повыше сортом, которых называли маврами, – по большей части это были грубые, вульгарные малые, готовые в состоянии раздражения перерезать вам горло, но я никогда не встречал такого, как этот Кари.

Прошло много времени, прежде чем я смог удовлетворить свое любопытство, но и тогда я узнал сравнительно мало. Медленно и постепенно Кари выучил, хотя бы в какой-то мере, английский язык, но не настолько, чтобы бегло говорить на нем: казалось, что в уме он всегда переводит на английский с какого-то другого языка, полного странных образов и выражений. Когда спустя много месяцев он уже достаточно освоился с нашим языком, я попросил его рассказать мне свою историю, и он попытался это сделать. Однако все, что я извлек из его рассказа, сводилось к следующему.

Он сказал, что он – сын царя, который властвует над могучей империей далеко-далеко отсюда, за тысячи миль морского пути, в той стране неба, где садится солнце. По его словам, он – самый старший законный сын, родившийся от сестры царя (что, по моим представлениям, совершенно ужасно, – хотя он, быть может, имел в виду двоюродную сестру или родственницу), однако, кроме него, у его отца еще десятки других детей, что показывает, что этот царь, долж-

но быть, человек весьма свободного нрава, напоминающий в своей домашней жизни мудрого Соломона, которого так любил мой дядя.

Далее из рассказа следует, что этот царь, отец Кари, имел еще одного сына от другой жены, и что он его любил больше, чем моего гостя. Этого сына звали Урко, и он ревновал и ненавидел Кари – законного наследника. Более того: как часто бывает, в этом была замешана женщина. Дело в том, что Кари имел, жену, самую прелестную женщину в стране, хотя, как я понял, из другого племени или рода, и Урко влюбился в эту жену Кари. И так пламенно он желал ее, – кстати, у него было множество собственных жен, – что, будучи полководцем царских войск, он с согласия царя послал Кари командовать армией, которая должна была справиться с народом одной отдаленной и дикой страны; он надеялся, что Кари будет убит, так же как надеялся Давид в истории с Урией и Катшебой, о которых рассказано в Библии. Но случилось иначе: вместо того чтобы погибнуть в сражении, как Урия, Кари одержал победу и через два года вернулся ко двору царя. Здесь он обнаружил, что брат его Урко увлек его жену и взял ее к себе в дом. Разгневанный Кари вернул свою жену по приказу царя, но предал ее смерти за ее измену.

За это царь, его отец, – человек весьма суровый – изгнал его из страны, раз он нарушил ее законы, запрещающие личную месть по отношению к женщине, которая не принадлежит к царском роду, будь она даже самая красивая из всех

женщин. Однако прежде чем Кари покинул родину, Урко, в ярости от потери своей любимой, велел тайно подмешать Кари яд, который хотя и не убивает (на это Урко не решился из-за высокого положения брата), но приводит к потере разума, иногда полностью, а иногда на год или больше. После этого, рассказывал Кари, он ничего или почти ничего не помнил, кроме долгих странствий по морю и через леса, а потом – снова по морю на плоту или в лодке; и на этот раз он был один в течение многих и многих дней, имея при себе только кувшин с водой и сушеное мясо, которое он ел вместе с удивительным зельем, известным его народу; это зелье обладает способностью неделями поддерживать в человеке жизнь, даже если этот человек изнемогает от тяжелого труда. Немного этого зелья еще осталось в кожаном мешочке, который я видел у Кари.

Наконец, сказал он, его подобрал большой корабль, такого корабля он никогда не видел, но плохо его запомнил. В сущности, он ничего не помнил до того, как очутился на набережной Темзы, где я его и обнаружил, и тут вдруг разум как будто вернулся к нему. Но ему казалось, что его привезли на берег в лодке, в которой были рыбаки и в которую его ссадили с большого корабля, державшего курс в какое-то другое место, и что он долго шел по берегу какой-то реки. Эта история отчасти объяснила ссадины у него на лбу и теле, но многое оставалось неясным, а к тому времени, когда я услышал эту историю, обнаружить какие-либо следы рыбаков и

их лодки было невозможно. Я спросил его, как называется его страна. Он отвечал, что ее название – Тавантинсу́йу. Он добавил, что это чудесная страна, в которой есть города и церкви, и высокие горы с покрытыми снегами вершинами, плодородные долины и плато, и жаркие леса, через которые текут широкие реки.

У всех ученых людей, которых мне доводилось встречать, и особенно у тех, кто совершал далекие путешествия, я спрашивал о стране под названием Тавантинсу́йу, но никто даже не слышал такого названия. Они заявляли, что мой смуглый гость, должно быть, прибыл из Африки и, будучи не в своем уме, просто придумал эту диковинную страну, которая, по его словам, лежит далеко на западе, где заходит солнце.

Пришлось на этом поставить точку, хотя лично я был уверен, что Кари не сумасшедший, чем бы он ни был в прошлом. Он был большим мечтателем, это правда, уверяя, что подсыпанный ему братом яд «проел дырку у него в мозгу», и через эту дырку он может видеть и слышать то, чего не могут другие. Так, он был способен с удивительной ясностью читать тайные мотивы мужчин и женщин, так что иногда я спрашивал его, смеясь, не может ли он дать мне немного этого яда, чтобы я мог сам проникать в сердца тех, с кем я имею дело. Еще в одном он был всегда уверен – в том, что непременно вернется в свою страну Тавантинсу́йу, о которой он думал день и ночь, и что я должен сопровождать его. В ответ я смеялся, говоря, что если это и так, это случится после нашей

смерти.

Постепенно он вполне овладел английским языком и даже научился читать и писать на нем; в свою очередь, он научил меня многому, что было характерно в его собственном языке, который он называл куичуа: это мягкий и прекрасный язык, хотя, говорил он, в его стране существует и много других, в том числе секретный язык, известный только царю и его семье. Кари не имел права разглашать его, хотя хорошо им владел. Со временем я настолько освоился с его «куичуа», что мог перекидываться с Кари короткими фразами, когда мне не хотелось, чтобы окружающие поняли, о чем я говорю.

Сказать по правде, пока я изучал этот язык и слушал чудесные рассказы Кари, во мне возникло страстное желание увидеть эту страну и завязать с ней торговые отношения; по его словам, золото было там так же обычно, как у нас железо. Я подумал даже о том, чтобы плыть на запад в поисках неведомой земли, но когда я рассказал о своем намерении кое-кому из капитанов, даже самые смелые и предприимчивые мореплаватели посмеялись надо мной, говоря, что подождут с этим путешествием до той поры, когда им самим придется «идти на запад», что на их морском жаргоне, которому они выучились в Средиземноморье, означало «умереть»⁷.

Когда я поделился этим с Кари, он улыбнулся своей зага-

⁷ Из обычая древних египтян, которые перевозили своих умерших через Нил и хоронили на западном берегу (изд.).

дочной улыбкой и ответил, что все равно мы – я и он – совершим это путешествие вместе еще до того, как умрем; что и случилось на самом деле, хотя не по моей и не по его воле.

В остальном Кари очень заинтересовало изготовление украшений, предназначенных для продажи знатым людям, и особенно дамам двора. Видя, как мои мастера обрабатывают золото и оправляют им драгоценные камни, он попросил разрешить ему заняться этим искусством, в котором, по его словам, он тоже кое-что смыслил, – и таким образом зарабатывать свой хлеб. Я ответил согласием, ибо понимал, как тяготит его гордую натуру зависимое положение, и предоставил ему серебро и золото и небольшое помещение с плавильной печью, где он мог успешно работать. Первое, что он сделал, была странная вещица около двух дюймов в поперечнике, круглая и с желобком на обратной стороне, в то время как лицевую сторону украшало изображение солнца в виде человеческого лица с расходящимися от него лучами. Я спросил его, что означает этот предмет. Он взял его у меня из рук и вставил себе в ухо, в тот разрез, сделанный в его мочке, который я ранее описал. Потом он объяснил мне, что в его стране все люди благородного происхождения носят такие украшения и называются поэтому «ушниками» в отличие от престолярда. Он рассказал мне также много других подробностей, пересказ которых здесь занял бы слишком много места, но которые еще больше разожгли мое желание увидеть эту империю своими глазами; в том, что это импе-

рия, именно Кари убедил меня своими рассказами.

Впоследствии Кари делал много таких украшений, которые я продавал в качестве брошей, снабженных булавкой на обратной стороне. Он создавал и другие вещи – чашки и тарелки необычных образцов и с богатым орнаментом, которые успешно продавались по высокой цене, ибо искусство Кари было удивительно. Но всякий раз в центре или какой-нибудь другой части его произведения присутствовало изображение солнца. Я спросил его, почему. Он ответил: потому что солнце – его Бог, ибо его народ поклоняется солнцу. Я напомнил ему, как он говорил, что его Бог – некий Пачакамак, чье изображение он носит на шее. На это он сказал:

– Да, Пачакамак – это Бог над всеми богами, Созидатель, Мировой Дух, но Солнце – это его зримый дом и одеяние, в котором все могут его видеть и поклоняться ему.

Я подумал, что в этом утверждении есть доля правды, поскольку вся Природа – это одеяние, в котором Бог являет себя нам.

Я пытался обучить Кари нашей вере, но хотя он терпеливо слушал и, как мне казалось, понимал меня, он не стал христианином, ясно дав мне понять, что, по его мнению, человек должен жить и умереть в той вере, в какой он родился, и что все увиденное им в Лондоне не убеждает его в том, что христиане чем-то лучше тех, кто поклоняется Солнцу и Великому Духу – Пачакамаку. Поэтому я отказался от своих попыток, хотя и сознавал, что положение его как языч-

ника может в любой момент стать опасным. И в самом деле, два-три раза священники осведомлялись насчет его вероисповедания, проявляя любопытство ко всему, что его касалось. Однако я заставил их замолчать, отговорившись тем, что сам наставляю его по мере сил и умения, и что он еще слишком, плохо знает английский язык, чтобы воспринять их святые речи. А когда они попытались все же настоять на своем, я послал щедрые дары их монастырям, а если это были приходские священники – их церквам и приходам.

И все-таки этот вопрос меня беспокоил, ибо некоторые из этих священнослужителей были весьма свирепы и нетерпимы, и я был уверен, что со временем они вновь возьмутся за это дело.

Я заметил еще одну черту Кари – он избегал женщин и даже как будто ненавидел их. Служанки, оставшиеся со мной после смерти дяди, почувствовали это, по своей женской натуре, и в отместку стали отказываться служить ему. В конце концов, боясь, что они донесут на него священникам или причинят ему еще какое-либо зло, я заменил их мужчинами. Такую неприязнь Кари к женщинам я приписывал страданиям, которые доставила ему его неверная красавица-жена; я думаю, я был прав.

ГЛАВА V. ПОЯВЛЕНИЕ БЛАНШ

Однажды – это было в последний день года, годовщину смерти моего дяди, о доброте и мудрости которого я все чаще и больше думал, – я, освободившись на время от более важных дел, сидел в лавке, которую Джон Гриммер называл силками для ловли «пташек-милашек» и которая продолжала существовать, – таково было бы желание дяди. Я с удовольствием разглядывал прекрасные вещицы, приготовленные для продажи, в то время как старший мастер объяснял мне некоторые детали, так как я все еще мало знал об искусстве их изготовления.

В это время в лавку вошли двое – очень нарядная и утонченная леди и еще более нарядный молодой лорд. Правда, в своих одинаковых, подбитых горностаем плащах с капюшонами они казались столь похожими друг на друга, что с первого взгляда трудно было различить, кто мужчина, а кто женщина, но когда они сбросили плащи, так как после улицы в лавке было тепло, сердце мое на миг остановилось, ибо я не только отличил их друг от друга, но увидел, что это не кто иные, как леди Бланш Эйлис и ее родственник лорд Делеруа.

Если в те давние дни сожжения Гастингса ее можно было сравнить с лилейным бутоном, то теперь она была раскрывшимся цветком и поражала красотой: поистине в своем стиле она была прекраснейшей женщиной, какую я когда-либо

видел. Высокая и величественная, как цветок лилии, она, как лилия, сияла белизной, подчеркивавшей ее чудесные голубые глаза с загнутыми темными ресницами. Столь же совершенной была ее фигура – с полной, но не слишком полной, грудью, тонкой талией и изящными руками, – настоящая Венера, как та, что я видел воплощенной в древнем мраморе, которую привезли из Италии, как я полагаю, в дар королю, любителю подобных вещей, и которая украшала его дворец.

Милорд тоже выглядел лучше, чем прежде, – красивее, крепче и мужественнее, хотя он по-прежнему одевался и щеголевато, и ярко, а носки его башмаков, загнутые кверху, закреплялись под коленями тонкими золотыми цепочками. И все-таки это был красивый мужчина с живыми черными глазами, подвижным ртом и острой бородкой, от которой, как и от его волос, пахло духами. Увидев меня в купеческом обличье – ибо я помнил дядины советы относительно манеры одеваться – он заговорил со мной тоном, каким большие люди говорят с лавочниками.

– Вот так встреча, мистер! – сказал он своим звучным, хорошо поставленным голосом. – Я бы хотел сделать новогодний подарок вот этой леди, а мне сказали, что у вас можно найти лучшие образцы изделий из серебра и золота: золотые чашки, бриллианты в богатой и редкой оправе, и все с изображением солнца, – очень кстати в такой день, как сегодня. Однако позовите Джона Триммера. Я не привык иметь дело с мелкими сошками. Или проводите меня к нему.

Я поклонился ему, потирая руки, и, поддаваясь настроению, ответил:

– Тогда, боюсь, мне придется отвести милорда гораздо дальше, чем ему сейчас хотелось бы; хотя кто знает? Может быть, милорд, как и любой из нас, отправится в это путешествие раньше, чем он думает.

При звуке моего голоса леди Бланш пристально взглянула на меня, пытаясь рассмотреть мое лицо, закрытое в этот холодный день наброшенным на голову капюшоном.

Делеруа вздрогнул и отрывисто спросил:

– То есть?

– Очень просто, милорд. Джон Триммер умер, и где он сейчас пребывает, я не знаю, ибо он унес эту тайну с собой. Но я, его достойный продолжатель, к вашим услугам.

Я повернулся и велел приказчику передать Кари, чтобы он пришел и принес с собой самые лучшие из наших кубков, чашек и драгоценных камней.

Приказчик ушел, а я пригласил знатных покупателей отдохнуть у огня. Когда я ставил для них кресла, я случайно коснулся руки леди Бланш, которая опять попыталась заглянуть под мой капюшон. Как будто сама природа в ней узнала это прикосновение, как узнает инстинктивно каждая женщина, если губы коснувшегося хоть раз приближались к ее губам, хотя бы это было и много лет назад. Но я лишь отвернулся и еще глубже натянул капюшон.

Явился Кари, а с ним и приказчик, который нес драгоцен-

ный товар. На Кари был шерстяной плащ, очень простой, который, однако, так шел ему, что Кари с его тонким лицом и сверкающими глазами выглядел как переодетый восточный принц. Он сразу привлек внимание этой утонченной пары, ибо они никогда еще не видели подобного человека, но тот не обратил на это никакого внимания и с многократными поклонами стал показывать им драгоценности, одну за другой. Среди них была одна брошка, особенно высокой стоимости – большой, имеющий форму сердца рубин, который Кари оправил золотом в виде переплетающихся змеек с поднятыми головами, как бы готовых ужалить, и с глазами из крошечных алмазов. Леди Бланш не могла отвести глаз от этой броши и, отодвинув в сторону все остальные украшения, любовалась и играла ею до тех пор, пока лорд Делеруа, наконец, не спросил о цене. Я посоветовался с Кари, объяснив, что сам не занимаюсь этой отраслью своего дела, и затем небрежно назвал цену; это была очень большая сумма.

– Ей-богу, Бланш, – сказал Делеруа, – этот купец воображает, что я сделан из золота! Ты должна выбрать что-нибудь подешевле, хотя это и новогодний подарок, иначе ему придется подождать, пока я смогу заплатить.

– На что я, возможно, и согласился бы ради покупателя вашего сорта, милорд, – прервал я его, поклонившись.

Он взглянул на меня и сказал:

– Могу я поговорить с вами наедине?

Я снова поклонился и провел его в столовую, где он с

изумлением оглядел богатую обстановку. Я подвинул ему резной стул и, смиренно стоя перед ним, пока он обводил взглядом комнату, ждал, что он скажет.

– Мне говорили, – начал он наконец, – что Джон Гриммер вел и другие дела, кроме торговли ювелирными изделиями.

– Да, милорд, торговлю с некоторыми странами.

– И внутри страны тоже. Я имею в виду денежные займы.

– По временам, милорд, под солидное поручительство и под определенный процент. Может быть, милорд перейдет прямо к делу?

– Коротко и просто: те из нас, кто бывает при дворе, всегда нуждаются в деньгах, или, по крайней мере, в золоте, чтобы добиться продвижения и заработать королевскую милость через того, кто не платит.

– Будьте любезны, милорд, назвать сумму и имя поручителя.

Он назвал и то, и другое. Сумма была большая, а поручительство – сомнительное.

– Есть ли кто-нибудь еще, достаточно состоятельный, кто мог бы реально поручиться за вас, милорд?

– Да, человек большого состояния, сэра Роберт Эйлис – у него обширные земли в Сассексе.

– Я слышал это имя, и если милорд соизволит поручить своим адвокатам изложить все это на бумаге, я велю оценить эти земли и дать вам ответ как можно скорее.

– Для молодого человека вы слишком осторожны, купец.

– Увы! Без этого нельзя, если хочешь сохранить в наши смутные времена войн и потрясений свои скромные доходы. Сумма, которую вы назвали, равна всем нашим сбережениям, которые стоили Джону Триммеру и мне многих лет труда.

Он снова оглядел обстановку комнаты и пожал плечами, потом сказал:

– Хорошо. Это будет сделано, ибо вопрос не терпит отлагательства. Кому адресовать письмо?

– Джону Триммеру, Корабельный Дом, Чипсайд.

– Но вы сказали, Джон Гриммер умер?

– Так и есть, милорд, но имя его остается.

После этого мы вернулись в лавку, и пока мы шли, я сказал:

– Если вашей леди, милорд, так понравился этот рубин, я могу некоторое время подождать с оплатой – я понимаю, как трудно отказывать жене в ее желаниях.

– Да она мне вовсе не жена, а дальняя родственница, Я бы рад жениться, но как могут пожениться двое знатных нищих?

– Может быть, ради этого милорд и хочет получить ссуду?

Он опять пожал плечами, и мы вошли в лавку. Войдя, я откинул капюшон и остался в бархатной шапочке, какие обычно носят люди купеческого звания. Леди Бланш увидела меня и вздрогнула.

– Конечно же, конечно, – начала она, – вы тот, кто выпу-

стиль знаменитые три стрелы у пещеры в Гастингсе.

– Да, миледи, а как ваш сокол? Удалось спасти его от собак тогда, на лондонской дороге?

– Нет, его покалечили, и он погиб... И это было первой из многих неприятностей, и моя удача уехала в тот день вместе с вами, мистер Хьюберт из Гастингса, – добавила она со вздохом.

– Соколов много, а удача возвращается, – ответил я, поклонившись. – Может быть, эта безделушка вернет вам ее, миледи, – и с этими словами я подал ей рубиновое сердце, обвитое змейками.

– О! – произнесла она, и ее голубые глаза просияли от удовольствия. – О, она прекрасна, но где же взять деньги для такой дорогой вещи?

– Думаю, это тот случай, когда с деньгами можно подождать.

В этот момент лорд Делеруа вмешался со словами:

– Так это вы убили французского рыцаря старинным мечом, а потом застрелили еще трех французов, пробив одной стрелой щит, и кольчугу, и тело – об этом после много рассказывали, даже в Лондоне. Ей-богу, вам следовало бы служить королю в его войсках, а не самому себе, стоя за прилавком.

– Служить можно разными способами, милорд, – отвечал я, – не только сталью и стрелами, но также пером и товаром. Для меня лично настала очередь вторых. Хотя может стать-

ся, что древний меч и черный лук только ждут своего времени.

Он уставился на меня и пробормотал почти про себя:

– Станный купец и безжалостный, как, может быть, подумали те мертвые французы. Признаться, господин торговец, от ваших речей и взглядов этого мавра у меня по спине бегут мурашки; такое чувство, будто кто-то прошел по моей могиле. Пойдем, Бланш, пора, а то как бы наши лошади не продрогли, как я. Мастер Гриммер или Гастингс, я вам напишу, если не найду другого способа устроить свои дела. А на эту безделушку напишите мне счет, когда вам будет удобно.

Засим они уехали; но, выходя из лавки, леди Бланш за что-то зацепилась плащом, и, задержавшись на миг, обернулась и метнула на меня один из тех нежных взглядов, которые я так хорошо помнил.

Кари проводил их до двери и проследил, как они вскочили на своих лошадей у ворот, потом опустил глаза, словно разглядывая землю у своих ног.

– За что она зацепилась? – спросил я.

– За мечту, или за воздух – здесь больше не за что зацепиться. Те, что бросают копьа за спину, должны сначала оглянуться назад.

– Что ты думаешь об этой парочке, Кари?

– Думаю, что они не заплатят за ваш рубин, но, возможно, это была приманка на крючке.

– А что еще, Кари?

– Думаю, что эта леди очень красива и вероломна, и что сердце этого большого лорда так же черно, как его глаза. А еще думаю, что они дороги друг другу и хорошо подходят один другому. Но, видимо, вы встречали их и раньше, мастер, так что знаете их лучше, чем ваш раб.

– Да, встречал, – ответил я резко, расстроенный тем, что он сказал о Бланш, и добавил: – Я заметил, Кари, что у тебя никогда не найдется доброго слова о тех, кто мне нравится. Ты ревнив от природы, Кари, особенно в отношении женщин.

– Вы спрашиваете, я отвечаю, – смиренно возразил он, нарушая правила английской грамматики, как всегда в минуты волнения, – и это правда, что кто много влюблен, много ревнив. Это недостаток моего народа. А также я не люблю женщин. А теперь я иду делать другую брошь вместо той, что мастер отдал леди. Только в этот раз это будет все – змея, и никакого сердца.

Он ушел, захватив с собой поднос с драгоценностями, а я отправился в столовую и стал думать.

Какой странной была эта встреча. Я никогда не забывал леди Бланш, но в каком-то смысле всем своим образом жизни заставил себя приглушить память о ней и, помня дядин совет, не искал встречи с ней, отчего и держался вдали от Гастингса, думая, что она по-прежнему там. И вот она в Лондоне, и в моем доме, словно сама судьба привела ее ко мне. И это еще не все, ибо ее голубые глаза пробудили угасший

огонь в моем сердце, и, сидя теперь наедине с собой, я знал, что люблю ее; более того, никогда не переставал любить. Для меня она была дороже, чем все мои богатства, дороже всего на свете, а между нами – увы! – все та же глубокая бездна.

Правда, она не замужем, но она – знатная леди, а я всего лишь купец, который даже не может назвать себя сквайром или законно носить одежду из определенных тканей, которыми я ежедневно торгую в своей лавке. Как же перейти через эту бездну?

Потом среди этих размышлений в моей памяти всплыли некоторые высказывания моего дяди, мудрого старика, а вместе с ними и ответ на этот вопрос. Золото перекидывает мосты через самые широкие реки, разделяющие людей друг от друга. Эти отпрыски знати, кичащиеся своим высоким положением, на самом деле бедны. Они приходят ко мне занять денег, чтобы позолотить свои гербы и удовлетворить назойливых кредиторов, осаждающих их пороги, – иначе их выбросят с их высоких мест и оттеснят в ряды тех, кто составляет простое стадо, потому что они уже не могут ни давать, ни платить тем, кто дает.

И, в конце концов, уж так ли велика разница между ними и мною? Прадед сэра Роберта Эйлиса, как мне рассказывали, накопил свои богатства посредством торговли и ростовщичества в пору прежних войн; говорили даже, что он был из тех, кто разводил и продавал скот; а лорд Делеруа, как утверждают, – незаконный сын, хотя и голубой крови, такой

голубой, что она приближается к королевской крови. Ну, а моя? Со стороны отца – саксы, потомки танов, которые попали под власть норманнов и в дальнейшем превратились в скромных землевладельцев более мелкого пошиба. На стороне матери – древние властители морей, которые сражались и побеждали во всех концах известного им мира. Намного ли я ниже нынешней знати? Нет, конечно; но, подобно моему отцу и дяде, я тот, кто покупает и продает, а рука красильщика всегда запятнана краской из его чана.

Итак, все ясно. Я, человек упорный, не обойденный природой и Фортуной, принесшей мне богатство, я решил завоевать эту женщину, которая, как мне казалось, смотрела на меня благосклонно с тех пор, как я избавил ее от грозивших ей опасностей. Не сходя с места, я поклялся себе, что я ее завоюю. Вопрос лишь в том, как это сделать? Я мог бы поступить на службу к королю и сражаться в его битвах и, несомненно, заслужить рыцарское или даже более высокое звание, которое открыло бы мне запертые ворота.

Но нет. Это слишком долго, а что-то во мне говорило, что время не терпит. Этот непонятный чужестранец Кари сказал, что леди Бланш увлечена своим родственником Делеруа; и хотя я негодовал против Кари и приписывал его слова ревности ко всякому, на кого я смотрел с симпатией, я хорошо знал его дар проницательности. Если я стану мешкать, эта редкая белая птица упорхнет из моей руки в клетку другого хозяина. Я должен либо действовать немедленно, либо оста-

вить все как есть. Ну что ж, у меня есть богатство – так пусть богатство будет мне другом. А если оно не поможет, я всегда успею попытаться счастья на войне.

На третий день нового года в разгар придворных пирушек и увеселений – что показывало, насколько велика нужда Делеруа в деньгах, – я получил указанные мной сведения вместе со списком земель и имущества, которые сэр Роберт Эйлис был готов отдать мне в залог ради своего друга и родственника Делеруа. Почему он идет на это? – думал я. Ответ может быть лишь один: потому что именно он, а не Делеруа, должен получить эти деньги или большую их часть.

Но нет, есть еще одна вероятная причина: потому что он смотрит на Делеруа как на своего наследника, каким тот будет, когда женится на леди Бланш. А если так, то я должен действовать, и притом быстро, иначе я никогда больше не увижу леди Бланш; и единственная дорога к ней – этот выложенный золотом путь. Я стал изучать списки земель. Оказалось, что большая часть их мне известна, так как они лежали в окрестностях Левенси и Гастингса; и я увидел, что они едва ли стоят тех денег, которые у меня просят. Ну и что же? Суть этого дела ведь не в торговой выгоде, и как бы велика ни была эта сумма, я готов был рискнуть ею ради возможности получить Бланш.

Кончилось тем, что, не дождавшись результатов оценки, я написал о своей готовности выдать золотом названную сумму, поскольку право поручителя на эти земли и имущество

не вызывает сомнений.

Это мое письмо оказалось только началом долгого дела, подробности которого можно опустить. На следующий же день меня вызвали в дом сэра Роберта Эйлиса, расположенный в Вестминстере, недалеко от дворца и от Вестминстерского аббатства. Я нашел, что этот грубоватый старый рыцарь еще больше поседел и приобрел какой-то затравленный вид. Тут же находились лорд Делеруа и двое адвокатов, которые мне очень не нравились – в них проглядывало что-то хитрое, лисье. С первой же минуты я заподозрил, что меня обманывают, и если бы не Бланш, я бы тут же отказался от этого соглашения. Из-за нее я этого не сделал, но, вновь изложив свои условия и указав сумму и сроки выплаты процентов, долго сидел, стараясь говорить как можно меньше, и слушал, как адвокаты, разворачивая пергаментные свитки, говорили и говорили, не всегда соглашаясь друг с другом, – пока, наконец, лорду Делеруа, которому было явно не по себе, все это не надоело, и он вышел из комнаты. Но в конце концов все, что можно было сделать на этом заседании, было сделано, и поскольку подошло время обеда, меня пригласили откусать с ними, и я остался в надежде увидеть Бланш.

Дворецкий, или особый слуга, провел меня в столовую, где было накрыто два стола: один на возвышении, или помосте, а другой – возле него, но внизу, и усадил меня вместе с адвокатами за нижний стол. Между тем на помосте появились сэр Роберт Эйлис, его дочь Бланш, лорд Делеруа и

еще восемь-десять знатных особ, которых я никогда не видел. Осмотревшись, леди Бланш тотчас заметила, что я здесь и сижу внизу, и, обернувшись к отцу и Делеруа, видимо, стала их в чем-то убеждать, и особенно последнего. И действительно, в наступившем внезапно минутном молчании я уловил кое-что из ее слов. Она говорила: «Если вы не стыдитесь брать у него деньги, вы не должны стыдиться сидеть с ним за столом».

Делеруа топнул ногой, но кончилось тем, что меня пригласили к высокому столу; леди Бланш подвинулась и усадила меня рядом с собой, а Делеруа сел в конце стола между двумя роскошными дамами.

Так я и остался рядом с Бланш, которая, как я про себя отметил, приколола на платье рубиновую брошь – сердце, обвитое змейками. Собственно говоря, это было первое, с чем она обратилась ко мне, сказав:

– Хорошо выглядит на платье, не правда ли, и я очень благодарна вам за нее, мастер Хьюберт: я ведь знаю, что этот подарок – вовсе не от Делеруа, а от вас, потому что вы никогда не увидите тех денег, которых она стоит.

Вместо ответа я посмотрел на великолепные серебряные блюда и на пышное убранство стола, на обилие яств и число слуг. Читая мои мысли, она сказала:

– Да, но все заложено, решительно все. Знайте, мастер Хьюберт, что мы – голодные псы, хоть и живем на псарне с золотой решеткой. А теперь они собираются заложить вам и

эту псарню.

Пока я обдумывал, что на это сказать, она заговорила о наших переживаниях минувших дней, вспоминая все случившееся до мельчайшей детали и каждое сказанное слово – кое-что из этого я уже успел забыть. Об одном только она не упомянула – о поцелуях, которыми мы обменялись на прощание. Когда среди прочего она говорила о том, как старинный меч прорубил доспехи французского рыцаря, я рассказал ей, что этот меч имеет имя – Взвейся-Пламя, что он перешел ко мне от моего предка, викинга Торгриммера, и о том, что написано на его лезвии, все это она с жадностью выслушала.

– И они еще смели думать, что вы недостойны сидеть за их столом, – вы, потомок такого древнего рода и такой замечательный воин, как вы доказали в тот день. И только вам я обязана жизнью и даже больше, чем жизнью, вам, а не им.

Говоря так, она бросила на меня взгляд, который пронзил меня насквозь, так же как мои стрелы пронзили французов; тем более что под скатертью ее тонкая рука на миг легла на мою руку.

После этого мы некоторое время молчали, лично я не мог произнести ни слова. Но потом наша беседа возобновилась, и нам никто не мешал: слева от меня никого не было, так как я сидел с краю, а соседом Бланш справа был толстый старый лорд, который был туг на ухо и интересовался напитками больше, чем ему было полезно. Я многое рассказал ей

о себе, о том, что мне говорила мать в день пожара, и как она предсказывала, что я буду скитальцем; на это Бланш со вздохом ответила:

– И, однако, мастер Хьюберт, вы, кажется, плотно росли в Лондон и в его плодородную почву.

– Да, конечно, госпожа. Но это не моя родная почва; и вообще мы идем туда, куда, ведет нас судьба.

– Судьба! О чем напоминает мне это слово? Ах, да: вашего мавра, который делает эти драгоценные вещицы. У него глаза, как глаза самой Судьбы; я боюсь его.

– Это странно, госпожа, а впрочем, не так уж и странно, ибо в этом человеке действительно есть что-то роковое. Он все время клянется, что я буду сопровождать его в какую-то таинственную страну, где он родился и был принцем.

Тут я рассказал ей историю Кари, которую она выслушала с широко раскрытыми от удивления глазами.

– Значит, вы спасли и этого бедного скитальца, – сказала она, когда я кончил. – Несомненно, он вас очень любит.

– Да, госпожа, может быть, даже слишком, если он ревнует меня, – хотя, видит Бог, я ничего для него не сделал, только вызволил его из беды на набережной.

– Да, я заметила, как он следил за вами тогда, в лавке. И все-таки это странно; я думала, что только женщины могут ревновать мужчин, и мужчины – женщин. Но тише! Кажется, над нами смеются из-за того, что мы так по-дружески беседуем.

Я посмотрел по направлению ее взгляда и увидел, что Делеруа и обе его дамы, уже приняв свою долю вина, указывают на нас. И в самом деле, в наступившем вдруг молчании, какое по временам случается на пирах, я услышал, как одна из них сказала:

– Смотрите, как бы ваша красивая белая голубка не выскользнула из ваших рук и не стала ворковать в чье-то чужое ухо, лорд Делеруа! – и как он ответил:

– О нет, я крепко ее держу! Да и кому нужна крылатая голубка, если ее перья украшают чью-то чужую шапку?

Пока я вдумывался в тайный смысл этих фраз, все встали из-за стола, и леди Бланш ускользнула в боковую дверь, а за ней, как я заметил, поспешил Делеруа, явно разгоряченный и разгневанный.

Много раз я посещал этот роскошный дом, казавшийся мне притоном для людей, которые, занимая даже самое высокое положение и пользуясь благосклонностью при дворе, проявляли ту же распущенность в жизни, какую позволяли себе в разговорах. Право же, я не святой, но мне они резко не нравились, особенно мужчины – с их надушенными волосами, задранными носками башмаков и яркими пестрыми нарядами. Не нравились они, кажется, и сэру Роберту Эйлису, который при всех своих недостатках был грубоватым рыцарем более старого толка и с честью сражался в войнах с Францией. И, однако, я замечал, что он беспомощен в их руках, вернее, в руках Делеруа, королевского фаворита и гла-

вы всей этой банды. Казалось, будто этот веселый молодой человек имеет какую-то власть над старым воином, да и над его дочерью тоже, хотя я не мог понять ни сущности, ни источника этой власти.

А теперь продолжу свой рассказ. В свое время документы были подписаны и вручены мне, и деньги было выплачены чистым золотом от моего имени, после чего пышная жизнь большого дома в Вестминстере стала еще роскошнее, но когда подошел срок уплаты процентов, я не получил ни гроша. Потом начались разговоры о том, чтобы я взамен этой суммы согласился принять некоторые из земельных участков. Предложил это сэр Роберт, и я согласился, потому что Бланш сказала мне, что это поможет ее отцу. И только когда этому делу дали ход, мои адвокаты обнаружили, что эти земли уже давно заложены, и их владелец не имеет права передавать их кому-либо другому.

Тогда между сэром Робертом и лордом Делеруа произошла яростная ссора, при которой я присутствовал. Осыпая своего кузена градом проклятий, сэр Роберт обвинил его в том, что во время его пребывания во Франции тот подделал его имя, на что Делеруа заявил, что он воспользовался именем сэра Роберта, имея на то законные полномочия. Они уже схватились было за мечи, но наконец Делеруа отвел Эйлиса в сторону и со свирепой усмешкой сказал ему что-то на ухо, отчего старый рыцарь почти упал в кресло и закричал:

– Уходите прочь, вы, лгун и мошенник! Прочь из этого

дома! Да, да, и из Англии. Если я снова вас встречу, клянусь кровью Господа нашего, я зарежу вас, как борова!

На что Делеруа ответил с издевкой:

– Хорошо! Я уеду, мой милый кузен, тем более что по поручению короля у меня есть дела во Франции. Да, да, я уеду и предоставлю вам одному улаживать дела с этим достойным торговцем, который может считать, что вы оставили его в дураках. Делайте что хотите, кроме одного, но об этом вы знаете. А теперь одно слово моей кузине Бланш, одно слово – во дворце, и я уезжаю в Лувр. Прощайте, кузен Эйлис. Прощайте, почтенный купец, – ваши потери огорчили бы меня, если б я не знал, что вскоре вы возместите их из благородных карманов. И не хороните меня раньше времени, я весьма скоро вернусь, можете не сомневаться!

Тут кровь моя вскипела, и я ответил:

– Не спешите с возвращением, милорд, а то как бы не случилось, что я встречу вас со щитом и мечом в руках вместо пера и процентного купона!

Услышав мои слова, он воскликнул:

– Ей-богу, этот торговец возомнил себя рыцарем! И с издевательским смехом удалился.

ГЛАВА VI. ЖЕНИТЬБА, И ЧТО БЫЛО ПОТОМ

Сэр Роберт Эйлис и я молча смотрели друг на друга – ярость лишила нас дара речи. Наконец он сказал хриплым голосом:

– Извините, мистер Гастингс, за оскорбления, которые этот низкий лордишка нанес вам, честному человеку. Говорю вам, это распущенный и беспринципный подлец, – вы бы убедились в этом, если б знали всю его историю, – василиск, которого я, видно, за свои грехи взрастил на своей груди. Это он растратил все мое имущество; это он злоупотребил моим именем, так что в результате вас ввели в заблуждение. Он пользуется моим домом, как своим собственным, приводит сюда мерзких придворных женщин и мужчин – еще более мерзких, хоть они и носят высокие имена и пестрые одежды... – Тут ярость перехватила ему дыхание, и он умолк.

– Почему же вы все это терпите, сэр? – спросил я.

– Черт возьми, потому что я вынужден, – ответил он угрюмо. – Он держит меня и моих друзей в руках. Этот Делеруа имеет большую силу, мистер Гастингс. Стоит ему шепнуть королю одно слово – и я, или вы, или любой другой, – можем оказаться в Тауэре по обвинению в государственной измене, а оттуда уже не выходят.

Затем, словно желая уйти от разговора о власти над ним

Делеруа, он продолжал:

– Боюсь, что ваши деньги или большая часть их в опасности, ибо обязательство Делеруа недействительно, а поскольку земля уже заложена без моего ведома, мне неоткуда взять золота. Поверьте, я честный человек, хотя и попал в дурную компанию, и эта подлость режет меня без ножа, ибо я просто не знаю, как вам заплатить.

Меня осенила одна мысль, и по своей привычке действовать немедленно в любом деле, я тут же ею воспользовался.

– Сэр Роберт Эйлис, – сказал я, – если бы вы и кто-то еще отнеслись к этому благосклонно, я вижу один способ погасить этот долг, не нанося вам бесчестья и все же с выгодой для меня.

– Так скажите же, ради Бога! Ибо я не вижу никакого выхода.

– Сэр, было время – там, в Гастингсе, – когда я смог оказать некоторую услугу вашей дочери, и в то время она покорила мое сердце.

Он вздрогнул, но сделал мне знак продолжать.

– Сэр, я преданно люблю ее и больше всего на свете хотел бы жениться на ней. Я знаю, она намного выше меня по положению, но хотя я и купец, я из хорошего рода и могу это доказать. Более того, я богат, а те деньги, которые я одолжил вам, или лорду Делеруа, или вам обоим, – лишь малая доля моего богатства, а оно растет день ото дня в честной торговле. Сэр, если бы мое предложение было принято, я был

бы готов не только помогать вам и дальше на определенных условиях, но и завещать большую часть всего богатства леди Бланш и нашим детям. Сэр, что вы на это скажете?

Сэр Роберт теребил рыжую бородку и смотрел в пол. Потом он поднял голову, и я увидел его расстроенное лицо, лицо человека, который борется с собой или, как я подумал, со своей гордостью,

– Честное предложение, честно изложенное, – сказал он, – но вопрос не в том, что скажу я, а в том, что скажет Бланш.

– Не знаю, сэр, я никогда ее не спрашивал. Однако по временам мне казалось, что она относится ко мне не без симпатии.

– Правда? Ну что ж, пожалуй, теперь, когда он... Впрочем, оставим это. Мастер Гастингс, я разрешаю вам попытаться счастья и говорю вам прямо – я надеюсь, что все будет хорошо. С вашим богатством вы можете быстро улучшить свое положение, а человек вы честный; я был бы рад приветствовать вас как сына – мне осточертели эти придворные мошенники и накрашенные распутницы. Но если ваше отношение к Бланш действительно таково, как вы говорите, мой совет вам – не теряйте времени, действуйте сейчас же. Помяните мое слово, для такой лебедушки в грязной воде двора расставлена не одна сеть.

– Чем скорее, тем лучше, сэр.

– Отлично. Сейчас я вам ее пришлю. Еще одно слово – не робейте, не принимайте за ответ первое же «нет» или ка-

кие-нибудь там фантазии насчет прошлого, какие свойственны всем женщинам.

Внезапно он вышел из комнаты, оставив меня в недоумении: в его словах и в тоне, каким он произнес все это, было что-то непонятное. Одно я понял несомненно: сэръ Роберт хочет, чтобы я женился на Бланш. Принимая во внимание все обстоятельства, мне это показалось странным, хотя я и был богат, а у нее ничего не было. Вероятно, подумал я, он согласился, потому что тайное злоупотребление его именем задело его самолюбие. Остановившись на этом, я стал думать о том, что я скажу Бланш.

Я ждал довольно долго, но она все не являлась, так что я наконец решил, что ее нет дома или что она отказалась меня видеть. Однако она все же пришла, но так тихо, что я, уставившись на видневшееся из окна аббатство, не слышал, как открылась и закрылась дверь. Должно быть, я почувствовал ее присутствие, потому что вдруг обернулся и увидел, что она стоит передо мной. Она была вся в белом, ее сияющие светлые волосы, увенчанные диадемой, были заплетены в косы. Короткая накидка, отделанная горностаем, была схвачена у шеи единственным украшением – рубином, обвитым змейками, который я ей подарил. В таком виде она выглядела особенно прелестной и нежной, и никогда я еще не любил ее с такой тоской и страстью.

– Отец сказал мне, что вы хотите поговорить со мной, и вот я пришла, – сказала она тихим и ясным голосом, с лю-

бопытством устремив на меня свои большие глаза.

Я наклонил голову и промолчал, не зная, как начать.

– Что я могу сделать для вас после того плохого, что с вами сделали? – продолжала она с легкой улыбкой, как будто ее забавляло мое смущение.

– Только одно, – воскликнул я, – выйти за меня замуж. Только этого я хочу, и не меньше.

Ее прекрасное лицо, до сих пор бледное, вспыхнуло румянцем, и она опустила глаза, словно пытаясь что-то рассмотреть среди устилающего пол тростника.

– Выслушайте меня, прежде чем ответить, – продолжал я. – Помните, в тот кровавый день в Гастингсе – вы были еще почти девочкой – я впервые заговорил с вами и полюбил вас, и поклялся тогда, что умру, но спасу вас. Я вас спас, и мы поцеловались, и нас разлучили. Потом я старался забыть вас, зная, что вы недосыгаемы для такого, как я, хотя ради вас я не искал брака ни с какой другой женщиной. Эти годы прошли, и судьба опять свела нас, и что же? Прежняя любовь стала еще сильнее! Я знаю, я недостойн вас – вы такая недоступная, добрая, чистая. И все-таки... – и я запнулся, не находя слов.

Она сделала движение, как будто от внезапной боли, и краска отхлынула от ее лица.

– Подумайте, – произнесла она с какой-то жесткой ноткой в голосе. – Может ли женщина, которая живет такой жизнью, как моя, и водится с такой компанией, оставаться столь свя-

той и незапятнанной, как вы вообразили? Та лилия, которую вы ищете, растет в деревенском саду, а не в духоте и копоти Лондона.

– Не знаю и знать не хочу, – отвечал я; казалось, вся кровь во мне пылала огнем. – Но одно я знаю: где бы вы ни росли, на какой почве, – вы тот цветок, который я бы сорвал.

– Все же подумайте хорошенько; что, если мою белизну запачкал уродливый слизняк?

– Тогда честный дождь и солнце вымоют и возродят ее, а я, как садовник, засыплю слизняка известью.

– Если этот довод вас не убедил, то выслушайте еще один. Может быть, я не люблю вас. Вы бы взяли в жены ту, которая не любит?

– Может быть, вы смогли бы полюбить, а если нет, то моей любви хватило бы на двоих.

– Поистине это было бы нетрудно с таким честным и удачливым человеком. И все же – еще одно возражение. Мой кузен Делеруа обманул вас. (Тут лицо ее помрачнело.) И я думаю, мой отец предлагает вам меня во спасение своей чести, точно так же, как люди, не имеющие золота, предлагают дом или лошадь, чтобы погасить свой долг.

– Это не так. Я просил вас в жены у вашего отца. А если я что-то потерял, то в торговле это бывает, я рискую чем-то каждый день. Однако, скажу вам прямо и откровенно, я шел на этот риск с открытыми глазами, не обольщаясь насчет результата, – только для того, чтобы приблизиться к вам.

Тут она села на стул, закрыв лицо руками, и я увидел, что ее тело содрогается от рыданий. Пока я думал, как мне поступить – ведь это зрелище потрясло меня, – она стала отнимать руки от лица; щеки ее блестели от слез.

– Рассказать вам всю мою историю, добрый вы, простодушный джентльмен?

– Нет. Только две вещи. Вы не замужем?

– Нет. Хотя, быть может, я была близка однажды к этому. Ваш второй вопрос?

– Возможно, вы любите другого, и ваше сердце говорит вам, что вы никогда бы не смогли полюбить меня?

– Нет, не люблю, – ответила она почти с ненавистью, – но клянусь распятием, одного я ненавижу!

– Что меня совершенно не касается, – сказал я, засмеявшись. – А прочее – Бог с ним. Мало кто выходит из битвы жизни без единого шрама, который не пришлось бы прятать, и я не из таких счастливиц; хотя, если говорить по правде, самую глубокую рану нанесли мне ваши губы – там, в пещере у Гастингса.

Услышав это, она залилась краской и, забыв про свои слезы, искренне рассмеялась. А я продолжал:

– Поэтому забудем прошлое и, если вам угодно, обратим наши взоры в будущее. Только одно обещайте мне – что вы никогда больше не останетесь наедине с лордом Делеруа. Ведь тот, кто одним росчерком пера похитил имя, может украсть и что-нибудь другое.

– Клянусь душой! Меньше всего я желаю быть наедине с моим кузеном Делеруа.

Тут она поднялась со стула, и мы немного постояли, глядя в глаза друг другу. Потом с легким движением, словно желая обнять меня, она приблизила ко мне лицо.

Так Бланш Эйлис и я обручились, хотя позже, обдумывая это событие, я вспомнил, что она ни разу не сказала, что выйдет за меня замуж. Однако это меня мало тревожило, поскольку в таких случаях важно не то, что женщины говорят, а то, что они делают. Кроме того, я был безумно влюблен в нее, и мне казалось – и тогда, и в последующие дни – что она все увереннее идет по той же дороге любви. Если нет, то, право же, она хорошо играла свою роль.

Прошло не более месяца, и в один октябрьский день нас обвенчали в церкви Св. Маргариты, в Вестминстере. Как только согласие было достигнуто, все хотели, чтобы этот брак поскорее осуществился, и Бланш желала этого не меньше других. Сэр Роберт Эйлис стремился как можно скорее уехать из Лондона в свое поместье в Сассексе, говоря, что двор и его нравы ему надоели и что его горячее желание в том, чтобы спокойно прожить остаток дней; я, сгорая от любви к моей невесте, жаждал видеть ее рядом с собой, а сама Бланш клялась, что ей не терпится стать моей женой, утверждая, что период ухаживания, начавшийся еще в Гастингсе, был достаточно долгим. Кроме того, не было никаких причин для промедления. Я аннулировал долг сэра Роберта и,

написав завещание в пользу его дочери и ее детей, вручил копию, его адвокату; и теперь мне оставалось только подготовить свое жилище к ее приему, тем более что я мог располагать большими денежными суммами.

Никто не делал события из этой женитьбы, так как ни родня сэра Роберта, ни он сам не желали предавать гласности тот факт, что его единственное дитя, последний отпрыск его рода, выходит замуж за купца, чтобы спасти своего родителя от краха. Да и я, этот купец, не хотел вызвать толки среди людей моего сословия, – уже и так было известно, что я предоставил заем этим знатым господам при дворе. Поэтому лишь немногие были приглашены на церемонию, назначенную на ранний час, и из приглашенных пришли не все из-за разразившейся в этот день страшной бури с дождем и ветром – такой бури в октябре я не помню ни до, ни после.

Вот и получилось, что мы венчались в почти пустой церкви, и неистовый ветер, от которого дрожали и звенели стекла, заглушал слабый голос старого священника так, что тот выглядел как актер, играющий в пантомиме. От густой пелены дождя тьма была такая, что я едва различал прелестное лицо моей невесты и с трудом надел кольцо ей на палец.

Наконец церемония завершилась, и мы направились к выходу, чтобы сесть на коней и отбыть в мой дом, где должно было состояться празднество для моих подчиненных и для тех из моих немногих друзей, которые хотели прийти – и среди которых не было ни одной важной особы из Вестминсте-

ра. Мы были почти у самых дверей, когда я заметил среди присутствующих тех двух разодетых дам, между которыми сидел Делеруа на обеде в день обсуждения контракта о займе. Более того, я услышал, как одна из них сказала:

– Что же будет делать Делеруа, когда вернется и обнаружит, что его любимая исчезла? – и как ответила вторая:

– Поищет другую, конечно, или займет у этого купца, еще денег и... – но тут открыли дверь, и конец ее фразы затерялся в шуме ворвавшегося ветра.

На паперти нас ждал старый сэр Роберт Эйлис.

– Матерь Божья! – закричал он. – Да будет ваша семейная жизнь спокойнее, чем ваша свадьба! А я – прямо домой, какой уж там Чипсайд в эту дьявольскую погоду. Прощай, сын Хьюберт, желаю тебе всяческого счастья. Прощай, Бланш. Учись быть послушной женой и не спускай с мужа глаз – таков тебе мой совет. До новой встречи на Рождестве в Сас-сексе – завтра же я туда выезжаю. А пока мое вам последнее прости.

И действительно, это было последнее прости, и ни один из нас никогда больше его не увидел.

Закутавшись в плащи, мы пробивались сквозь бурю и, наконец, почти задыхаясь, достигли моего дома на Чипсайте, где ветер сорвал и разбросал гирлянды осенних цветов и листьев, которыми я велел украсить двери. Здесь я приветствовал мою жену, как только мог, поцеловав ее, когда она переступила порог дома, и сказал ей нежные слова, которые зара-

нее подготовил; она ответила мне улыбкой. Затем женщины увели ее в ее комнату, чтобы она отдохнула и переоделась; а потом началось пиршество, которое было подобающе пышным, несмотря на то, что непогода помешала некоторым гостям прибыть на него.

Едва все мы уселись за стол, как явился Кари, который последнее время выглядел печальным и задумчивым, и шепнул мне, что мой помощник приехал из гавани и хочет видеть меня по срочному делу. Извинившись перед Бланш и всей компанией, я вышел в лавку, где он меня ждал, и сразу увидел, что он сильно встревожен. Оказывается, одно из моих судов, переименованное мною в честь моей жены в «Бланш» и стоящее на реке в ожидании отплытия, находится в большой опасности: разыгравшийся в море шторм грозит сорвать корабль с якоря, и если не бросить еще пару якорей, есть опасность, что его отнесет к берегу и разобьет о причал. Причина, почему это не было сделано, заключалась в том, что на борту остались только капитан и один из матросов, все другие пировали на берегу, празднуя мою свадьбу, и отказались вернуться на корабль, утверждая, что ветер и волны опрокинут шлюпку, и она пойдет ко дну.

Между тем этот корабль, хотя и не очень большой, был самым лучшим и самым крепким из моих судов и почти новым; к тому же находившийся на борту груз предназначался для средиземноморских стран и обладал настолько высокой ценностью, что его потеря нанесла бы мне чувствительный

ущерб. Я тотчас принял решение, поняв из сообщения своего слуги, что эти непокорные матросы послушаются только меня самого. Если я хочу спасти корабль и его груз, я должен немедленно ехать на пристань.

Вернувшись в столовую, я вкратце объяснил Бланш ситуацию и попросил самого старшего из гостей временно занять мое место рядом с моей молодой женой, что тот сделал весьма неохотно, проворчав что-то насчет несчастливого свадебного пира.

И тут Бланш поднялась и стала горячо и почти со слезами умолять меня взять ее с собой. Я посмеялся над ней, как и вся компания, но она просила меня об этом с такой настойчивостью, что мне показалось, будто она чего-то боится, хотя все другие наперебой уверяли меня, что это только любовь и страх за меня.

В конце концов я заставил ее выпить со мной кубок вина, но рука ее так дрожала, что она расплескала его, и густое красное вино пролилось ей на грудь, окрасив белое платье. Это вызвало ропот среди женщин, кто-то пробормотал, что это – дурное предзнаменование. Наконец, поцеловав ее, я вырвался из ее объятий, ибо медлить дольше было невозможно, и лошади стояли наготове у ворот. Через минуту я уже мчался во весь опор, борясь с ветром, который срывал с крыш черепицу и, обламывая ветки деревьев, расшвыривал их вокруг нас. Должен сказать, что Кари хотел сопровождать меня, но я велел ему остаться дома на случай, если понадо-

бится его присутствие, и взял с собой одного из слуг.

Наконец мы благополучно прибыли на пристань, где все оказалось так, как описал мой помощник. Корабль «Бланш», стоявший посреди реки, был в большой опасности, каждую минуту грозя сорваться в направлении причала. Матросы все еще пировали в кабаке вместе со своими портовыми девицами, и многие были уже наполовину пьяны. Я обратился к ним, стараясь пристыдить их, и сказал, что если они снова откажутся, я и мой слуга отправимся на корабль одни – и это в день моей свадьбы! Тогда они понурились и пошли за нами.

С великим трудом и поминутно подвергаясь опасности, мы все же достигли корабля, где капитан был почти вне себя от страха и сомнений относительно исхода, а матрос лежал, раненный свалившимся на него ящиком. Бедный капитан судорожно вцепился в поручни, следя за тем, как натягивается и дрожит якорная цепь, и каждый миг ожидая, что она вот-вот сорвется.

Остальное можно рассказать в нескольких словах. Мы бросили еще два якоря и сделали все, что делают опытные моряки в подобных случаях. Убедившись, что теперь корабль вне опасности, я, мой слуга и четверо матросов сошли в лодку, после того как я обещал капитану вернуться на следующее утро. Ветер и волны подгоняли лодку, мы благополучно причалили и вышли на берег, и я тотчас же поехал домой.

Хотя я рассказал об этом кратко, все это, конечно, заняло много времени, да и обратный путь по городу в такую бурю был нелегким. Поэтому было уже около десяти, когда, возблагодарив Бога, я спешил к калитке и велел слуге отвести лошадей в конюшню. Не успел я дойти до двери, как она распахнулась, к моему удивлению, и в освещенном пространстве я увидел Кари. И что меня еще больше удивило, в руке он держал большой меч Взвейся-Пламя, правда, в ножнах, который обычно хранился вместе с доспехами французского рыцаря и щитом, украшенным эмблемой из трех стрел.

Приложив палец к губам, Кари бесшумно закрыл дверь и сказал, понизив голос:

– Мастер, у вашей жены – человек.

– Какой человек? – спросил я.

– Тот самый лорд, который однажды приходил с ней сюда покупать драгоценности и занимать деньги. К вечеру, когда все кончилось и гости ушли, госпожа – ваша жена – поднялась в комнату, которую вы называете солярий – солнечной комнатой – ту, что наверху и с видом на улицу. Примерно через час слышу – стучат в дверь. Я был настороже и сразу открыл дверь, думая, что это вы, а там стоит это лорд. Он обратился ко мне и говорит:

– Мавр, знаю, твоего хозяина нет дома, но его жена здесь. Я бы хотел с ней поговорить.

Ну, я, конечно, прогнал бы его, но в этот момент вниз сошла сама госпожа, – видимо, она ждала его, – очень бледная,

и сказала: «Кари,пусти лорда в дом. Я должна поговорить с ним о некоторых вещах, касающихся интересов твоего хозяина». Поэтому, зная, что вы одолжили денег этому лорду, я повиновался, хотя мне все это и не понравилось. И на всякий случай я захватил меч и стал ждать.

Такова суть его рассказа, хотя говорил он гораздо сбивчивее, ибо до конца так и не овладел английским и часто вставлял слова своего языка, которому я, как уже было сказано, отчасти научился.

– Не понимаю, – воскликнул я, когда он кончил. – Несомненно, это какой-то пустяк. Впрочем, дай мне меч – ведь кто знает?.. И пойдем.

Кари повиновался; а я, поднимаясь по лестнице, пристегнул к поясу Взвейся-Пламя. Кари нес две зажженные свечи итальянского воска, вставленные в медные подсвечники. Подойдя к двери солярия, я хотел открыть ее, но она была на запоре.

– Воистину, – сказал я, – это странно! – И стал стучать в дверь кулаком.

Она открылась, но прежде чем войти, я заглянул в комнату, боясь какой-нибудь ловушки. Солярий освещался висячей лампой, и в очаге горел огонь, ибо ночь была холодная. В дубовом кресле у огня, устремив взор в пламя, сидела Бланш, неподвижная, как статуя. Оглянувшись, она увидела меня и вновь уставилась на огонь. На полпути между нею и дверью стоял Делеруа, как всегда изысканно одетый, хотя

я заметил, что он без плаща, который был перекинут через спинку стула, как бы для просушки. Я заметил также, что он вооружен мечом и кинжалом. Я вошел в комнату, сопровождаемый Кари, закрыл за собой дверь и задвинул засов. После этого я спросил:

– Почему вы здесь с моей женой, лорд Делеруа?

– Как ни странно, господин купец, но я вам собирался задать этот же вопрос: почему моя жена в вашем доме?

От этих слов я содрогнулся, как от удара, а Бланш, не поворачивая головы, произнесла:

– Он лжет, Хьюберт. Я ему не жена.

– Почему вы здесь, лорд Делеруа? – повторил я.

– Ну, если хотите знать, господин купец, я принес вам один документ, вернее – копию его, так как сам он будет предъявлен вам завтра офицерами короля. По этому документу за королевской печатью вас отправят в Тауэр за торговлю с врагами короля, – за измену, которая, как вы знаете, – или скоро узнаете, – карается смертью.

И с этими словами он небрежно бросил на стол какой-то манускрипт.

– Узнаю интригу, – ответил я холодно. – Недостойный фаворит короля, вор и подделыватель подписей использует авторитет короля, чтобы по ложному обвинению схватить и осудить на смерть честного королевского подданного. Обычный трюк в наши дни. Но оставим это. В третий раз спрашиваю – почему вы здесь, с моей молодой женой, в этот позд-

ний час?

– Столь учтивый вопрос требует учтивого ответа, господин купец, но для этого мне придется побеспокоить вас, рассказав одну историю.

– Тогда пусть она будет столь же краткой, как мое терпение, – сказал я.

– Непременно, – сказал он, издевательски поклонившись. Затем, четко и спокойно, указывая даты и обстоятельства, он рассказал ужасную историю. Не стану ее излагать здесь. Суть ее заключалась в том, что он женился на Бланш, когда она достигла соответствующего возраста, и что она родила ему ребенка, который умер.

– Бланш, – сказал я, когда он кончил. – Вы слышали? Это правда?

– Многое из этого правда, – произнесла она странным холодным тоном, не отрывая глаз от огня. – Только брак был фальшивый, я была обманута. Тот, кто венчал нас, был друг лорда Делеруа, переодетый священником.

– Не будем пререкаться по этому поводу, – сказал Делеруа, надевая плащ, словно собираясь уйти. – Человек, который вращается в обществе, как вы, господин купец, конечно, знает, что женщины, если их к стенке припереть, всегда найдут какие-то отговорки. Допустим даже, что были нарушены некоторые формальности, – тем лучше для Бланш и для меня. Если она ваша законная жена, то по вашему завещанию она, как я узнал, получит все ваше богатство. Вряд

ли вам удастся опротестовать этот пункт, а если и удастся, то мне обещано, что состояние некоего изменника перейдет ко мне – его разоблачителю. А вас, господин купец, в ваши последние минуты пусть утешит воспоминание, что леди, которую вы почтили своей привязанностью, будет проводить свои дни в богатстве и комфорте в компании с тем, кого она почтила своей любовью.

– Защищайтесь! – сказал я кратко, выхватывая из ножен меч.

– Мне – драться с каким-то низким ростовщиком и торговцем? – спросил он, все еще издеваясь надо мной, хотя мне показалось, что в тоне его прозвучало сомнение.

– Отвечай на свой вопрос сам, вор! Сражайтесь, если хотите, или умрете, не сражаясь. Ибо знайте, что пока я жив, вы из этой комнаты живым не выйдете!

– И пока я жив – тоже, мой лорд! – произнес Кари своим мягким голосом, поклонившись с отличавшей его особенной, не английской, учтивостью.

Внезапным и быстрым движением он сбросил плащ, и я впервые увидел, что он вооружен длинным и острым полумечом-полукинжалом с обнаженным стальным клинком.

– Ах, вот как! – сказал Делеруа, – меня заманили в ловушку? И вы, Бланш, лгали мне, сказав, что этот человек сегодня не вернется, и мы можем спокойно побыть вдвоем. Ну, погодите же, миледи Бланш, вы еще за это заплатите!

Говоря так – медленно, как бы стараясь выиграть время, –

он оглядывался, и с последним словом, слетевшим с его губ, он бросился к окну, зная, что дверь закрыта, и надеясь, как я полагаю, выбраться на крышу или, если это невозможно, позвать на помощь. Но Кари, который поставил свечи на стол, где лежала брошенная Делеруа копия, Кари прочел его мысли. Стремительнее, чем мангуст, наступающий свою добычу, и чем я мог вообразить когда-либо, он очутился между ним и окном, так что Делеруа чуть не наскочил на острую сталь в вытянутой руке Кари. Возможно даже, что клинок оцарапал его, так как он с проклятием остановился и выхватил свой меч – обоюдоострое оружие с острым концом – такой же длинный, как мой, но не такой тяжелый.

– Видимо, придется мне прикончить вас обоих. Может быть, Бланш, вы прикроете меня с тыла, как полагается любящей жене, пока я не разделаюсь с этим подонком? – проговорил он с наглостью, не покинувшей его даже в эти последние минуты.

– Кари, – приказал я, – поддержи свечи повыше, чтобы было светлее, и предоставь этого человека мне.

Кари поклонился и, взяв в каждую руку по свече, поднял их высоко над головой. Однако он не заткнул свой кинжал обратно за пояс, но зажал его между зубами, рукояткой к правому плечу. Только сейчас я со странным чувством отметил, как ужасен вид этого угрюмого, смуглого человека с горящими свечами в руках и клинком, зажатым между белыми зубами.

Делеруа и я стояли лицом к лицу в открытом пространстве между очагом и дверью. Бланш повернулась в кресле и следила за нами, не произнося ни звука. Но я громко рассмеялся, ибо уже наверняка знал, чем все это кончится. Будь передо мной десять Делеруа, я бы убил их всех. Однако тут же я сам убедился, что есть причина для сомнений, ибо когда я парировал его первый удар и атаковал его, собрав все силы, древний меч Взвейся-Пламя, вместо того чтобы пронзить его насквозь, согнулся у меня в руке, как натянутый лук, и я понял, что под шелковой одеждой у Делеруа кольчуга.

Тогда я крикнул: «А-хой!», как, вероятно, восклицал мой предок Торггриммер, сражаясь этим же мечом, и не успел еще Делеруа опомниться от моего удара, как я, схватив Взвейся-Пламя обеими руками, круговым взмахом нанес еще один удар. Он поднял левую руку, обернутую плащом, пытаясь защитить голову, но меч прошел сквозь плащ и запястье, так что кисть его руки, сверкая украшавшими ее кольцами, упала на пол.

И снова я обрушил на него свой меч, ибо мы оба знали, что эта схватка – не на жизнь, а на смерть, и Делеруа упал мертвым с рассеченной головой. Кари спокойно улыбнулся и, подняв плащ с пола, встряхнул его и набросил на то, что только что было лордом Делеруа. Потом он взял у меня меч и, в то время как я в бездействии следил за ним, обтер его устилавшим пол тростником.

Вдруг я услышал какой-то звук и, вспомнив о Бланш, по-

вернулся, чтобы заговорить с ней, хотя, что именно я собирался сказать ей, знает теперь один Бог.

То, что я увидел, было ужасно и, словно выжженное огнем, навеки запечатлелось в моей душе. Бланш откинулась в кресле, так что ее длинные светлые локоны свесились через спинку, и на платье у нее, на груди, было красное пятно. Я вспомнил, как во время пиршества она пролила на платье вино, и на миг мне показалось, что это то самое пятно, как вдруг я заметил, что оно увеличивается, и понял, что это вино совсем другого рода – ее кровь. Я заметил также, что из середины этого пятна, как раз под рубиновым сердцем, обвитым змеями, поблескивала в свете лампы маленькая рукоятка кинжала.

Я бросился к ней, но она подняла руку и жестом остановила меня.

– Не касайся меня, – прошептала она, – я не выдержу, а рана смертельна. Если вынешь нож, я сразу умру, а я хочу тебе сказать... Хочу, чтобы... ты знал, что я люблю тебя и надеялась быть тебе хорошей женой. То, что я говорила, – правда. Этот человек обманул меня, – тогда я была почти девочкой; наш брак был фальшивым, и позже он не исправил этого честным союзом. Может быть, он уже был женат, или по другой причине, – не знаю. Мой отец о многом догадывался, но не обо всем. Я пыталась предупредить тебя, когда ты предложил мне свою любовь, но ты остался глух и слеп и не хотел ни видеть, ни слышать. И тогда я уступила, – ты мне

правился, и я подумала, что у тебя я найду покой, как оно и вышло; подумала также, что буду богата и смогу золотом купить молчание этого злодея. Я не знала, что он сюда явится, даже что он вернулся из Франции, но он появился неожиданно, узнав, что тебя нет дома, и собирался уйти, когда ты вернешься. Он приходил за деньгами, считая, что ради них я вышла замуж, и надеясь, что я вернусь к нему от человека, которого он обрек на смерть своей клеветой. Остальное ты знаешь, а мне оставалось только сделать последний шаг. Радуйся, что я больше не обременю тебя, и попытайся найти счастье в объятиях более удачливой или лучшей женщины, чем я. Беги, и не медли, ведь у Делеруа было много друзей, и сам король любил его, как брата. Беги, говорю тебе, и прости меня, прости! Хьюберт, прощай!

Так говорила она, все медленнее, все тише, и с последним словом жизнь отлетела из ее уст.

Так закончилась история моей женитьбы на Бланш Эйлис.

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА I. НОВЫЙ МИР

Теперь они оба навсегда умолкли, хотя всего одно мгновение тому назад в них была жизнь и волновались мирские страсти; Делеруа – мертв, на полу под плащом, Бланш – мертва в дубовом кресле. Мы, оставшиеся в живых, тоже молчали. Я взглянул на Кари; его лицо казалось лицом надгробной статуи, и только большие глаза светились, подмечая все до мелочи и – как представилось моей расстроенной фантазии – выражая торжество и пророческое предвидение. Отметив это с тем странным спокойствием, какое иногда нисходит в душу в момент великих и ужасных событий, вырывающих ее у смертной оболочки и позволяющих ей свободно удивляться ничтожности всего, что кажется нам необходимым и грандиозным, я подумал, какое же выражение может быть сейчас у меня самого.

Сейчас я, пережив в этот день столько эмоций, – чувства любовника, стремящегося к молодой жене, которую он наконец обрел, чтобы вновь потерять; ощущение неотложности необходимого и важного дела; издревле свойственную человеку радость битвы и отмщения, покаравшего порочно-го злодея; боль сознания жестокой правды, вспыхнувшей ад-

ским пламенем перед моими прозревшими глазами; потрясение при виде самоубийства и превращения в безжизненную плоть той, кого я надеялся заключить в объятия честной любви, – пережив все это, повторяю, я чувствовал в этот момент, будто я тоже умер. Действительно, все во мне было мертво, только оболочка-плоть продолжала жить, и в моем сердце, как эхо, звучали слова моего старого дяди и того, кто был мудрее, чем он, и жил до него: «Суета сует! Все на свете – суета!»

Кари первым прервал молчание – Кари, как всегда спокойный и сдержанный, – сказал на своем ломаном английском языке (передаю здесь только суть его речи):

– Случилось нечто, думаю, нечто хорошее, хотя вы, вероятно, думаете сейчас иначе. Однако в этой грубой стране дикарей и скудной справедливости эти события могут навлечь неприятности. Этот лорд принес предписание, – и он кивнул в сторону документа, лежавшего на столе, – и говорил о вашей, а не о своей смерти. И леди тоже, пока еще жила, говорила вам: «Бегите, бегите, или вы умрете!» И вот теперь? – И он бросил взгляд на мертвые тела.

Я смотрел на него отсутствующим взглядом; оцепенение, сковавшее мои чувства после первого шока, уже проходило, и жестокая агония утраты начала терзать своими клыками мое сердце.

– Куда мне бежать? – спросил я. – И зачем? Я ни в чем не виновен, а в остальном – чем скорее я умру, тем лучше.

– Мой господин должен бежать, – быстро заговорил Кари, – потому что он еще жив и свободен. И еще: горе позади, радость впереди. Кари, который ненавидит женщин и читает сердце; Кари, который испил такой же горькой воды в прошлом, угадал наступление этих событий и думал, думал... Незачем господину неприятности, Кари все устроит и говорит господину, что если он сделает так, как скажет Кари, все кончится хорошо.

– Что же я должен сделать? – спросил я со стоном.

– Вывести «Бланш» на большую воду, чтобы она была наготове. До рассвета господин и Кари выйдут в море. Все, что здесь, бросить. Много земли, много богатств – какое значение? Жизнь больше, чем эти вещи, которые можно добыть снова. Идемте. Нет, постойте – одну минуту.

Он подошел к трупу Делеруа и, с поразительной быстротой сняв с него кольчугу, которая была у того под одеждой, надел ее на себя. Он взял также его меч и пристегнул его к поясу, а пергамент с предписанием о моем аресте бросил в огонь. Потом он погасил висячую лампу и дал мне одну из свечей, взяв себе другую.

У двери я поднял свечу и при ее мерцающем свете в последний раз посмотрел на пепельно-бледное лицо Бланш, которое, как я знал, будет сопутствовать мне до последнего дня моей жизни.

Кари запер крепкую дубовую дверь солярия на ключ и повел меня в мою комнату, где хранились доспехи убитого

мною французского рыцаря, которые я велел подогнуть под свой рост и размер. Кари быстро надел их на меня, накинув сверху длинный темный плащ из тех, что обычно носят купцы. Из шкафа он достал также мой большой черный лук и колчан со стрелами, мешочек с золотыми монетами и тот кожаный мешок, который был при нем, когда я впервые увидел его на набережной.

Мы прошли в комнату, где происходило пиршество, и выпили немного вина, хотя о еде я не мог и подумать. Кубок, из которого я пил, оказался тем самым, из которого я выпил за здоровье Бланш на свадебном пиру. Теперь я выпил за упокой ее души, прося Бога о милосердии к ней.

Мы вышли из дому и, пройдя в конюшню, выбрали и оседлали двух самых сильных и спокойных лошадей. Потом через задний двор мы выехали в ночную тьму. Никто не видел нас, так как все уже давно спали, а непогода загнала под крышу и тех, кто иногда бродил по темным улицам, так что последние были пусты и безлюдны.

Не знаю, сколько времени прошло, пока мы достигли набережной; мысли, переполнявшие мой ум, вытеснили из него все остальные впечатления. Какой странной была моя жизнь, думал я. За несколько лет я достиг большого богатства и завоевал женщину, о которой мечтал. А нынче – где это богатство и эта женщина, и чем я стал? Беглецом, покидающим ночью свою родину, беглецом с руками, обгагреными кровью королевского фаворита, который, останься он

жив, послал бы меня на виселицу. Какой разительный контраст между утром и полночью этого пережитого мною дня! «Суета сует, Все на свете – суета!»

Думаю, что в какой-то момент мысли мои смешались, как в бреду, ибо, когда душа моя погрузилась в самые глубины ада, мне почудилось, что рядом с моим конем шагает тот, кому я поклонялся как своему небесному покровителю, – святой Хьюберт с сияющим ликом, и говорит мне:

– Мужайся, мой крестник, и вспомни слова твоей матери – скитальцем ты будешь, но где бы ты ни был, добрый твой лук и твой меч защитят тебя от опасностей, а я буду рядом с тобой в твоих странствованиях. И любовь тоже тебя не покинет, ибо любовь не умирает с кончиной одной женщины.

Это фантастическое видение как бы срезало острие моей боли, и на некоторое время мне стало легче, во мне родилась даже какая-то надежда, я перестал ждать смерти и хотел найти забвение скорее в жизни, чем в смерти.

Мы достигли набережной и поставили лошадей в сарай, служивший конюшней, расседлав и освободив их от сбруи, так, чтобы они могли спокойно есть заготовленное здесь сено. То, что подобная мысль пришла мне в голову, показывало, что мой мозг снова действует, если я могу думать о нуждах других существ. Потом мы пошли на пристань, где была пришвартована наша лодка, в которой я вернулся на берег не знаю сколько часов тому назад. Меж плывущих туч время от времени проглядывала луна, и в ее мягком сиянии я увидел,

что «Бланш» мирно покачивается на своих якорях совсем недалеко от берега. С появлением луны ветер, как это часто бывает, стал намного слабее и тише, так что Кари и я благополучно добрались до корабля, хотя лодка и была слишком велика и тяжела для двух гребцов.

На борту мы сразу же увидели одного из матросов, он стоял на вахте и очень удивился нашему появлению. С его помощью мы подняли лодку и закрепили ее на корме буксирным тросом.

После этого я велел разбудить капитана и объяснил ему кратко, что, поскольку шторм утих и ветер благоприятствует отплытию, я хочу выйти в море, не откладывая. Он уставился на меня, думая, вероятно, что я сошел с ума, – он ведь знал, что я только накануне женился.

Конечно, сказал он, я дождусь рассвета, тем более что нужно собрать тех членов команды, которые еще остались на берегу. Я ответил, что не буду ждать ни минуты, а когда он спросил, почему, я, как будто по вдохновению, сказал, что еду по делу короля, имея приказ его величества доставить письмо его послам в южных странах, и что это дело не терпит отлагательства, ибо от него зависит, быть миру или войне.

– И горе вам, – сказал я ему, – если вы или кто-нибудь из вас осмелитесь не выполнить волю короля, вы знаете, что ждет непокорных: краткий приказ и длинная веревка.

Капитан испугался и, созвав матросов, уже успевших выспаться после вчерашних возлияний, сообщил им мой при-

каз. Они возроптали было, указывая на небо, но когда увидели меня, облаченного в рыцарские доспехи и с суровым видом держащего руку на рукоятке меча, и когда к тому же я передал им через Кари, что заплачу за этот переход вдвое против обычного, – они тоже испугались и, подняв паруса, снялись с якоря.

Таким образом, прошло немного более часа с тех пор, как мы взошли на борт, а корабль уже скользил – так быстро, как позволяли прилив и ветер – в направлении моря. И как раз вовремя, ибо едва пристань скрылась во мгле, как я увидел замелькавшие на набережной огоньки фонарей и подумал, что, вероятно, уже подняли тревогу, и эти люди явились следом за нами, чтобы меня схватить.

Капитан хорошо знал реку и с помощью одного из матросов благополучно вел корабль к устью. К рассвету мы миновали Тилбери, и когда рассвело, оставили позади Грейвзэнд и приближались уже к выходу в море. Тогда мы и заметили, что штормовой ветер, затихший было в течение ночи, поднялся снова и дует с еще большей силой в восточном направлении. Матросами вновь овладел страх, и они вместе с капитаном клялись и божились, что выходить в море в такую погоду просто безумие, и что мы должны бросить якорь или, если возможно, пристать к берегу,

Я отказался их слушать, и они как будто бы отступились. В этот момент меня позвал Кари. Я подошел к нему, и он указал на берег, и я увидел группу всадников, которые дви-

гались в том же направлении, что и мы, и махали платками, как бы призывая нас остановиться.

– Мне кажется, – сказал Кари, – что кто-то уже побывал в «солнечной комнате» у вас в доме.

Я кивнул, продолжая следить за скачущими и подающими нам сигналы всадниками. Прошло несколько минут, как вдруг я заметил, что корабль меняет курс, так что его нос обращается то в одну сторону, то в другую, как будто потеряв управление. Мы бросились узнать, в чем дело, и вот что выяснилось.

Наша трусливая команда, а с ней и капитан отвязали лодку, в которой мы с Кари прибыли на борт корабля и которую закрепили на корме, и спускали ее на воду, собираясь, пока не поздно, вернуться на берег. Кари улыбнулся, как будто совсем не удивившись, но я в приступе ярости стал кричать на них, называя их трусами и изменниками. Думаю, капитан услышал мои слова, потому что отвернулся и стал смотреть в другую сторону, как бы устыдившись, чего нельзя сказать об остальных. Они были заняты поисками весел, но так и не нашли их, – видимо, их смыло волной, или они просто упали за борт.

Тогда они попытались соорудить что-то вроде паруса, но в этот момент лодку отнесло в сторону; большие волны, которые ветер вздымал на середине реки, подхватили ее, и она перевернулась. Я видел, как несколько человек цеплялись за лодку, а двое или трое пытались взобраться на ее киль, но

что случилось с ними и со всеми другими, я не знаю, так как бросился к рулевому управлению, чтобы вернуть корабль на курс, иначе его постигла бы та же участь, а мы бы утонули либо попали в руки преследователей. Так я больше никогда не увидел команду «Бланш».

Между тем корабль выровнялся и лег на курс, подгоняемый все более яростным ветром, унося на борту нас с Кари, – двух слабых, одиноких людей.

– Кари, – сказал я, – что нам делать? Попытаться высадиться на берег или плыть дальше?

Он немного подумал и затем ответил, указывая на всадников, казавшихся теперь крошечными фигурками на далеком берегу:

– Господин мой, там – смерть, верная смерть; а там, – он показал вперед, – смерть возможная. У вас есть Бог, и у меня, Кари, тоже есть Бог; может быть, и тот же самый, только под другим именем. Я скажу – доверимся нашим богам и продолжим путь, потому что боги лучше, чем люди. Может быть, мы умрем в воде, ну так что же? Вода мягче, чем веревка. Но думаю – не умрем.

Я кивнул: его рассуждения показались мне убедительными. Лучше утонуть, чем попасть в руки тех, на берегу; они поволокли бы меня обратно в Лондон. а там меня казнили бы, как преступника.

Поэтому я налег на румпель, чтобы вывести «Бланш» на стрежень, и направил ее нос в сторону моря. Все шире и ши-

ре становилась река, все дальше и дальше отступали берега по мере того, как «Бланш» под малыми парусами шла под ветром, воплотившим всю силу бури, и наконец перед нами открылось бескрайнее море.

В нескольких футах от румпеля находилась рубка, в которой матросы ели; она была построена из прочного дуба и скреплена железом. Здесь в изобилии хранилась пища, а также эль, и мы позавтракали. Кроме того, я передал Кари румпель и, сняв доспехи, переоделся в грубую матросскую одежду и высокие, смазанные жиром сапоги, а потом велел Кари сделать то же самое.

Вскоре земля исчезла из виду, и мы то вздымались, то опускались вместе с огромными волнами, чьи гребни бурлили и пенились на бесконечных просторах моря. Не в состоянии взять определенный курс, мы были вынуждены двигаться по воле ветра все дальше и дальше, сами не зная куда. Как я уже говорил, «Бланш» была новым и крепким судном, лучшим из всех судов, на каких мне доводилось выходить в бурное море. К тому же после того, как мы подняли якорь, матросы задраили все люки, так что теперь она держалась на воде как утка, не подвергаясь опасности повреждений. Какое счастье, что я с детства привык иметь дело с кораблями и выходить в море! Теперь я мог, убегая от каждой следующей волны, маневрировать и удерживать корму «Бланш» прямо под ветром, хотя он, казалось, дул то с одной, то с другой стороны.

Мои воспоминания о том, что было дальше, крайне сбивчивы и окрашены чувством изумления: какие-то фрагменты, разобщенные и отделяющиеся друг от друга как бы долгими промежутками времени – днями, а может быть, и неделями. Было ощущение бесконечных ревуших волн, гнавших корабль все дальше и дальше под непрерывным ветром, который, как я смутно помню, дул сначала с северо-запада, а потом упорно с востока.

Я вижу себя очень отчетливо в тот момент, когда я ремнями привязываю румпель к железным кольцам, ввинченным в палубу, и знаю, зачем я это сделал: я слишком ослабел и, уже не в силах удерживать румпель в руках, хотел закрепить его так, чтобы «Бланш» продолжала бежать прямо под ветром. Я вижу себя в рубке, о которой уже говорил: я лежу, а Кари кормит меня и дает мне воды, и время от времени всовывает мне в рот маленькие пилюльки, доставая их из кожного мешка, который он всегда носил при себе. Я помнил этот мешок. Он был пристегнут к поясу Кари в тот момент, когда я спас его от толпы на набережной. Я увидел этот мешок, когда Кари впервые умывался у меня в комнате, и подивился тому, что может быть в этом мешке. Позже я вновь увидел его в руках Кари, когда мы покидали мой дом после смерти Бланш. Я замечал, что всякий раз, когда он заставлял меня проглотить такую пилюлю, я на время чувствовал прилив сил, а потом впадал в глубокий и продолжительный сон.

Прошло еще несколько дней – или недель, – и я стал ви-

деть чудесные явления и слышать странные голоса.

Мне казалось, что я разговариваю с матерью и с моим покровителем, Св. Хьюбертом; что Бланш приходит ко мне и объясняет, как все было, показывая, сколь мало она повинна в том, что произошло со мной и с нею. Все это убедило меня, что я умер, и я радовался тому, что уже мертв, потому что знал, что теперь уже не будет ни мук, ни страданий; что все попытки и усилия, из которых ежечасно складывается жизнь, прекратились, и наконец достигнут покой, И тогда явился мой дядя, Джон Гриммер. Обратившись ко мне, он произнес свое любимое изречение: «Суета сует, все на свете – суета», – сказал он и добавил: «Ну, что я говорил тебе еще много лет назад? Теперь ты познал это на собственном опыте. Не думай только, племянник Хьюберт, что ты навсегда покончил с этой суетой, как я, ибо у тебя еще много всякого впереди».

Так, казалось мне, говорил он со мной, и не об этом только, но и о других вещах, например, о том, что станет с его богатством, и успеет ли больница, которой он когда-то собирался завещать свои земли, завладеть ими; пока наконец я не устал от его речей, и мне захотелось, чтобы он ушел.

Потом вдруг раздался какой-то треск и грохот, который сильно его встревожил, и он действительно ушел, сказав напоследок, что это еще один пример «суеты сует», после чего я как будто заснул и проспал много долгих недель.

Меня разбудило ощущение тепла и света на лице, и я от-

крыл глаза, Я поднял руку, чтобы защититься от этого ярко-го света, и с удивлением заметил, до чего же она худа – свет пронизывал ее, и сквозь кожу темнели кости. От слабости я опустил руку, и она коснулась волос, и я понял, что это борода, и весьма удивился, ибо имел обыкновение ходить с чисто выбритым лицом. Откуда же у меня борода? Я оглянулся и увидел, что лежу на палубе корабля, – ну да, это же «Бланш», я сразу узнал ее по очертаниям кормы и по определенным сучкам в боковой опоре рубки, отдаленно напоминавшим человеческое лицо. Однако от самой рубки не осталось ничего, кроме угловых столбиков, между которыми я сейчас лежал и к верхушкам которых был привязан за углы кусок брезента наподобие крыши, защищающей от солнца и непогоды.

С трудом я приподнял голову и огляделся. Фальшборт исчез, но кое-какие вертикальные опоры, к которым гвоздями прибивались доски, остались, и между ними я увидел высокоствольные деревья с пучками больших листьев на макушках – казалось, они росли совсем близко, в нескольких ярдах от меня. Вокруг них летали яркокрылые птицы, а в их кронах я увидел обезьян – таких, как те, что моряки, бывало, привозили из Барбарии⁸. Похоже, что я у берега какой-то реки (в действительности это был небольшой заливчик, или бухточка, где по обоим берегам росли эти деревья).

⁸ Барбария – «Земля варваров». Так в средние века называли страны на северном побережье Африки, от Египта до Атлантического океана (прим. пер.).

Видя их и обвивавшие их ползучие растения с прекрасными цветами, каких я никогда в жизни не встречал, и ощущая свежий прозрачный воздух, насыщенный сладостным ароматом, я окончательно уверился, что умер и нахожусь в раю. Только почему тогда я все еще лежу на корабле? Ведь я никогда не слышал, что такие предметы тоже попадают в рай. Нет, мне все это, наверно, снится; конечно, это только сон. Как жаль, что это неправда, особенно если вспомнить все ужасы бурного моря. Или же, если это не сон, значит, я попал в какой-то новый, неведомый мир.

Предаваясь таким размышлениям, я вдруг услышал тихие шаги, и надо мной склонилась чья-то фигура. Это был Кари – исхудавший, с запавшими глазами, очень похожий на то, каким я нашел его на лондонской пристани, но все же, несомненно, Кари. Он посмотрел на меня со свойственной ему серьезностью и мягко спросил:

– Господин проснулся?

– Да, Кари, – ответил я, – но скажи, где?

Не отвечая, он удалился, но тотчас вернулся с чашкой в руках, которую поднес к моим губам, веля мне пить. Я сделал несколько глотков, как мне показалось, бульона, только с каким-то очень странным привкусом, и почувствовал себя гораздо бодрее, ибо из чего бы ни был приготовлен этот бульон, он пробежал по моим жилам, как вино. Наконец Кари заговорил на своем причудливом английском языке.

– Господин мой, – сказал он, – когда мы еще были на Тем-

зе, вы спрашивали меня, выйти ли нам на берег и в руки тех, кто за нами охотится, или плыть дальше. Я отвечаю: «У вас есть Бог и у меня есть Бог, и лучше попасть в руки богов, чем в руки людей». И мы плывем прямо в большую бурю. Долго мы плывем, и хотя однажды ветер меняется, мы всегда под ветром. Вы слабеете, и память вас покидает, но я поддерживаю в вас жизнь моим лекарством и много дней не сплю и веду корабль. Наконец память и меня покидает, и я больше ничего не знаю. Три дня назад я просыпаюсь и нахожу корабль здесь, в этом месте. Тогда я ем еще лекарства и чувствую силу, и получаю еду у людей, которые на берегу, и которые думают, что мы – боги. Вот и вся история, кроме того, что вы живы, а не умерли. Ваш Бог и мой Бог благополучно привели нас сюда.

– Да, Кари, но где мы?

– Господин, думаю – в той стране, откуда я прибыл; не в той земле, которая моя родина – до нее еще далеко, – но все-таки в той, где я был. Помните, – добавил он и глаза его вспыхнули, – я всегда говорил, что вы и я вместе отправимся когда-нибудь в эту страну.

– Но что это за страна, Кари?

– Господин, имени ее я не знаю. Она очень большая, и у нее много названий, но вы – первый белый, кто явился сюда, почему люди и думают, что вы – бог. А теперь спите; завтра поговорим.

Я закрыл глаза, чувствуя глубокую усталость, и, как я

потом узнал, проспал часов двенадцать, если не больше, и проснулся лишь утром следующего дня, удивляясь приливу сил и даже пробуждению аппетита. Кари принес воды и вымыл меня, и я переоделся во все чистое, – оказалось, что Кари нашел на корабле запас белья и одежды.

Прошло довольно много времени, и день ото дня я чувствовал себя сильнее и крепче, пока наконец не достиг почти того состояния, в каком был, когда венчался с Бланш Эйлис в церкви Св. Маргариты в Вестминстере. Однако горе изменило меня не только внутренне, но и внешне; лицо мое стало серьезнее, и появилась короткая светлая бородка, которая, по-моему, мне шла (как я подумал, посмотрев на себя в зеркало). Эта бородка весьма меня озадачила, поскольку бороды не отрастают за один день, даже такие не очень длинные. Должно быть, прошли недели с тех пор, как ее ростки пробились у меня на подбородке, а так как до моего пробуждения мы пробыли в этой бухточке три дня, эти недели мы, несомненно, провели в море.

Куда же все-таки нас прибило? Если Кари не ошибся, то большую часть нашего бурного пути мы прошли под сильным ветром, дувшим с востока, и, значит, эта неведомая страна должна лежать очень далеко от Англии. Без сомнения, так оно и есть, ибо здесь все совсем не такое, как там. Например, поскольку я с детства выходил в море, я узнал – из того, чему меня учили и из собственных наблюдений – кое-что о звездах; и теперь я заметил, что созвездия переме-

нили свое местоположение в небе, а также что некоторые из известных мне созвездий исчезли, но появились другие, которых я не знал. Далее – жара стояла сильная и ровная, и даже ночь была теплее, чем наш самый жаркий летний день, а воздух кишел тучами жалящих насекомых, которые сначала очень мне досаждали, хотя потом я к ним привык и закалился. Короче говоря, все здесь было другим, и я действительно находился в каком-то новом мире, о котором в Европе никогда не слыхали, но в каком? Что это за мир? По крайней мере, море соединяло его со старым, ибо у меня под ногами была та же палуба «Бланш», корабля, который строился, бревнышко за бревнышком, на моих глазах на берегу Темзы из дубов, срубленных в моих собственных лесах

Как только я достаточно окреп, я обошел весь корабль – точнее, то, что от него осталось. Просто чудо, что «Бланш» так долго продержалась на воде, потому что ее корпус был весь разбит. Я даже думаю, что она неизбежно пошла бы ко дну, если бы не тонкая шерсть, которой она была законопачена в нижней части: видимо, намокнув, эта шерсть набухла и не пропустила воду внутрь. Вообще же это была просто развалина, ибо обе ее мачты исчезли, а вместе с ними и большая часть палубы, довольно значительная. И все же она не затонула, а, дрейфуя, зашла в эту бухту и осела в прибрежный ил, как будто это была та гавань, которую она долго искала.

Как мы пережили такое путешествие? Ответ, видимо, в

том, что когда мы настолько ослабли, что не могли уже ни доставать, ни принимать пищу, мы глотали пилюли, которые Кари бережно хранил в своем кожаном мешочке, и пили воду, наполнявшую бочки, поскольку «Бланш» предстояло путешествие в Италию и дальше. Во всяком случае, мы пережили долгие недели, ибо мы были молоды и сильны, и нам не пришлось страдать от холода, так как, несмотря на шторм, по прошествии первых нескольких дней нашего бегства наступила теплая погода.

Во время моего выздоровления Кари ежедневно сходил на берег, перекинув через ил мостки из досок, так как мы были в нескольких футах от берега бухты, в которую, журча, сбегал ручеек. Потом Кари возвращался, принося рыбу и дичь и зерна неизвестного мне растения: они были в двенадцать раз крупнее пшеницы, сплюснутые с боков и если спелые, то желтого цвета. Их Кари, по его словам, покупал у людей, которые жили на этой земле. Этой здоровой пищей я и питался, запивая ее элем и вином, запас которых мы нашли на корабле. Сказать по правде, я никогда так много не ел, даже когда был мальчишкой.

Наконец однажды утром Кари велел мне облачиться в доспехи (те самые, которые я снял с убитого мною французского рыцаря и в которых бежал из Лондона), начистив их до того, что они блестели, как серебряные, и сел на стул на оставшейся части полуяота. Когда я спросил его, зачем, он ответил – для того, чтобы показать меня обитателям этой

земли. На этом стуле он велел мне сидеть и ждать, держа щит, а в правой руке – обнаженный меч.

Так как я уже привык, что Кари ничего не делает без причины, и помня, что я в чужой стране, где без него я бы не выжил, я подчинился его причуде. Более того, я обещал, что без его указания я не стану ни говорить, ни улыбаться, ни вставать с места. И вот я сидел там, сверкая в жарких лучах солнца, которые, казалось, прожигали насквозь мои доспехи.

Кари сошел на берег и некоторое время отсутствовал. Наконец я услышал среди деревьев и кустов голоса людей, говорящих на незнакомом языке. И тут же они появились на берегу бухты – целая толпа; очень странные люди, темнокожие, с длинными прямыми черными волосами и большими глазами, но не слишком высокого роста; мужчины, женщины и дети – все вместе.

Некоторые были в длинных белых одеяниях, и я решил, что это представители их благородного сословия, но большинство носили только повязки или пояса. Всю эту толпу вел Кари, который, как только все они вышли из-за деревьев и кустарника, махнул рукой и указал на меня, сидящего на корабле в сияющих доспехах, с длинным мечом в руке. Они уставились на меня, потом с тихим, похожим на вздох, восклицанием все, как один, пали ниц и стали тереться лбами о землю.

В это время Кари обратился к ним, размахивая руками и время от времени указывая на меня. Как я узнал позже, он

говорил им, что я – Бог; да простится его душе эта ложь.

Кончилось тем, что он велел им подняться и повел тех, что были в белых одеждах, на корабль. Здесь, в то время как они почтительно остановились, он направился ко мне, кланяясь и целуя воздух, и, приблизившись, опустился на колени и положил руки на мои, одетые в сталь, ступни. Но это еще не все: из-под плаща он вынул цветы и положил их мне на колени, как бы принося жертву.

– А теперь, – шепнул он, – встаньте и взмахните мечом, и крикните погромче, – показать, что вы живой, а не идол.

Я вскочил и, размахивая над головой мечом Взвейся-Пламя, заревел не хуже любого быка, ибо голос у меня был громкий и слышен на большом расстоянии. Когда они увидели сверкающий меч, рассекающий воздух, и услышали этот рев, бедняги обратились в бегство, издавая крики ужаса. Многие даже попадали с мостков в илистую грязь, и один из них увяз в ней и, вероятно, утонул бы, если бы Кари его не вытащил, так как его собратья слишком спешили удалиться и не пришли ему на помощь.

Когда они исчезли, Кари вернулся на корабль и сказал, что все идет отлично и что с этих пор я не человек, а Дух Моря, вышедший на землю, – дух, который не снился даже магам и чародеям.

Так я, Хьюберт из Гастингса, стал богом среди этих простодушных людей, которые никогда прежде даже не слышали о белом человеке и не видели ни доспехов, ни меча из

стали.

ГЛАВА II. СКАЛИСТЫЙ ОСТРОВ

Я оставался на «Бланш» еще с неделю, ожидая, пока окончательно окрепну, а также по совету Кари. Когда я спросил у него, почему так нужно, он ответил, что он хочет, чтобы слух о моем появлении распространился по всей стране, от племени к племени, и что мне не придется долго ждать, ибо такой слух, как он выразился, полетит как птица. Пока же я каждый день выходил на ют и сидел там в доспехах около часа, а порой и дольше, а люди, которые уже меня видели, а также пришельцы из более отдаленных мест приходили посмотреть на меня, принося подарки в таком количестве, что мы уже не знали, что с ними делать. Они даже построили алтарь и приносили мне в жертву диких зверей и птиц, сжигая их на огне. Эти жертвоприношения совершали и те, кого я уже видел, и те, что приходили издалека.

Наконец однажды вечером, когда, поужинав, Кари и я сидели перед сном на палубе, залитой лунным светом, я неожиданно повернулся к нему, надеясь застичь его врасплох и таким образом извлечь из его скрытной души его тайные замыслы.

– Каков твой план, Кари? – спросил я. – Знаешь ли ты, что я устал от этой жизни?

– Я ждал этого вопроса, – ответил он с мягкой улыбкой. (Как и раньше, я привожу его ответ на плохом английском

языке не слово в слово, а суть его.) – Так изволит господин выслушать? Как я уже говорил, я верю, что боги – ваш Бог и мой Бог – привели меня в ту часть света, не известную господину, где я родился. Я поверил в это с первого же часа, когда мои глаза открылись после нашего обморока; я сразу узнал и деревья, и цветы, и запах земли, и увидел, что звезды в небе – именно там, где я привык их видеть. Когда я сошел на берег и очутился среди туземцев, я обнаружил, что моя догадка верна, поскольку я понимал кое-что из того, что они говорили, а они понимали кое-что из того, что говорил я. Кроме того, среди них был один человек, который пришел издалека, и он сказал, что видел меня раньше – когда я был как безумный, – но только у того человека, сказал он, на шее висело изображение некоего бога, чье высокое имя он не смеет произнести. Тогда я расстегнул ворот и показал ему то изображение, которое ношу на шее, и он упал ниц, преклоняясь перед ним, и сказал, что я и есть тот человек.

– Если так, это чудесно и удивительно, – сказал я. – Но что нам теперь делать?

– Господин может сделать одно из двух. Он может остаться здесь, и эти простые люди сделают его своим царем и дадут ему жен и все, чего он ни пожелает; и так он проживет здесь всю свою жизнь, поскольку вернуться в ту страну, откуда он родом, нет никакой надежды.

– Даже если бы я мог, я бы не вернулся, – прервал я его.

– Или, – продолжал Кари, – можно отправиться в мою

страну. Но это очень далеко. Я вспоминаю часть путешествия, которое я совершил во время своего безумия, и вижу, что это очень, очень далеко. Сначала нужно перейти вон те горы и дойти до другого моря – это не очень большое путешествие, хотя и трудное. Потом надо идти по берегу того моря на юг, не знаю, сколько времени, но думаю, что несколько месяцев или даже лет, пока не дойдешь до моей страны. К тому же это путешествие трудное и ужасное, потому что путь лежит через леса и пустыни, где живут дикие племена, и огромные змеи, и хищные звери, вроде того, что нарисован на флаге вашей страны, и где голод и болезни – обычное дело. Поэтому мой совет господину – остаться здесь и не пытаться это путешествие предпринять.

Немного подумав, я спросил, что он намерен делать, если я приму его совет. На что он ответил:

– Подожду здесь некоторое время, пока не увижу, что господин стал царем этих людей и что его власть прочно узаконена. А потом отправлюсь в путь один – надеюсь, что если я мог сделать это в состоянии безумия, я смогу сделать это и в здравом уме.

– Я думал об этом, – сказал я. – Но скажи, Кари, если бы мы двинулись в путь вместе и нам бы посчастливилось добраться туда живыми, как бы твой народ нас принял?

– Не знаю, господин мой; но думаю, что они, как и все другие в этой стране, признали бы господина богом. Возможно также, что они принесут этого бога в жертву, чтобы его сила

и красота воплотились в них. Что касается меня, то некоторые попытаются меня убить, другие же примкнут ко мне. Кто победит – не знаю, да и не придаю этому большого значения. Я иду, чтобы взять свое и получить отмщение, и если, осуществляя акт возмездия, я умру, – ну что ж, я умру с честью.

– Понимаю, – сказал я. – А теперь, Кари, в путь, и как можно скорее, пока я не сошел с ума, как ты, когда ты покинул свою страну; не могу больше смотреть на эти деревья и цветы, и на этих большеглазых туземцев, которые, как ты говоришь, сделали бы меня своим царем. Не знаю, найдем ли мы твою страну. Но, по крайней мере, мы сделаем все, что в наших силах, а если погибнем, то, во всяком случае, действуя, как бывает со всеми смелыми людьми.

– Господин сказал свое слово, – произнес Кари даже спокойнее, чем обычно, но когда он говорил, я заметил, как вспыхнули его глаза, а по телу пробежала дрожь, словно от радости. – Зная все, он сделал свой выбор, и что бы ни случилось, он, будучи тем, что он есть, не станет винить меня в этом. Но именно потому, что господин принял такое решение, я скажу: если мы попадем в мою страну, и если случится так, что я стану там царем, я буду служить моему господину еще лучше прежнего.

– Сейчас это легко обещать, Кари, – сказал я, смеясь, – но мы успеем поговорить об этом, когда действительно придем в твою страну, – И я спросил его, когда мы отправимся в путь.

Он сказал, что немного погодя, так как он должен составить план путешествия, а пока посоветовал мне походить по берегу, чтобы вернуть ногам былую крепость и силу. Так я стал ежедневно сходить на берег в часы утренней и вечерней прохлады и ходить взад и вперед, не теряя из виду нашего корабля. При этом я надевал на себя доспехи и брал с собой лук и стрелы, но никого не встречал, так как туземцы были предупреждены, что я буду появляться на берегу и что в это время на меня нельзя смотреть. Поэтому, даже когда я проходил через одну из деревень мимо хижин, построенных из ила и грязи и крытых листьями, казалось, что все жители ее покинули.

Все же в конце концов лук мне пригодился. Однажды вечером, подходя к большому дереву, под которым я собирался пройти, я услышал негромкий звук, напоминавший мне мурлыканье кошки, и, подняв глаза, увидел большого зверя, явно сродни тигру, который лежал на ветке и следил за мной. Тогда я поднял лук и выстрелил, и пронзенный насквозь зверь упал, рыча и извиваясь и кусая стрелу, пока не испустил дух.

После этого я вернулся на корабль и рассказал Кари о случившемся. Он сказал, что мне посчастливилось, так как этот зверь – свирепый хищник, и если бы я не убил его, он бросился бы на меня, когда я проходил под деревом. Кари велел туземцам снять со зверя шкуру, и вот когда они увидели, что стрела пронзила его насквозь, они пришли в изумле-

ние и решили, что я еще более могущественный бог, чем они думали, ибо их собственные луки были слабым оружием, а стрелы имели наконечники из кости.

Через три дня после того, как я убил зверя, мы тронулись в путь, в неведомую страну. Задолго до этого мы с Кари собрали все ножи, какие нашли на корабле, а также стрелы, гвозди, топоры, плотницкие инструменты, одежду и Бог весть что еще и связали все это в пакеты, по тридцать-сорок фунтов весом, которые мы смастерили из парусов. Эти вещи предназначались для туземцев в качестве подарков или в обмен на то, что могло нам понадобиться в пути. Когда я спросил у Кари, кто все это понесет, он ответил, что очень скоро я сам увижу. Я увидел это на следующее же утро, когда на рассвете на берег явилось множество людей, чуть не целая сотня. Они принесли два паланкина, сооруженных из легкого дерева, колленчатого, как камыш, только гораздо крепче: эти носилки, сказал Кари, предназначены для нас. Затем он распределил между людьми наши пакеты, которые они ловко пристроили у себя на головах, и сказал, что пора трогаться в путь.

Однако прежде я спустился в каюту и, преклонив колени, поблагодарил Бога за то, что он до сих пор хранил меня во всех несчастьях, и попросил его и Св. Хьюберта и дальше не оставлять меня в моих скитаниях, а если я умру, принять мою душу. После этого я покинул корабль, и в то время как туземцы низко склонились передо мной, сел в свой паланкин, который оказался весьма удобным: в нем были цинов-

ки, на которых можно было улечься, и другие, которые можно было задернуть, как занавески; плотное и тонкое плетение делало их непроницаемыми даже для самого сильного дождя.

И вот мы тронулись в путь. Каждый паланкин был подвешен к длинному шесту, который несли на плечах восемь человек. Остальные шли, неся на головах пакеты. Дорога вела через лес в горы, и на вершине первого холма я вышел из паланкина и оглянулся.

Далеко внизу, в маленькой бухте, черным пятнышком выделялось на воде то, что было когда-то «Бланш», а дальше расстилалось огромное море, по которому мы плыли. Разбитый остов был последним звеном, которое связывало меня с моим далеким домом, оставшимся за тысячи миль отсюда, за океаном, – домом, которого, как говорило мне мое сердце, я никогда больше не увижу, ибо как же мог бы я вернуться из страны, на чью землю никогда не ступала нога белого человека?

На палубе того корабля однажды стояла сама Бланш, смеялась и разговаривала со мной – ибо как-то раз перед свадьбой мы были там вдвоем, и я помню, как поцеловал ее в каюте. Теперь Бланш нет; она умерла от собственной руки, а я, крупный лондонский купец, объявлен вне закона – беглец среди дикарей в чужой стране, даже название которой мне не известно. Мой корабль, столь мужественно пронесший нас сквозь штормовые недели, должен лежать там со всем своим ценным грузом, пока не сгниет под солнцем и дождем, и никогда больше мои глаза его не увидят. О, как жгало мое сердце в эту минуту! Ни разу еще с тех пор, как я уехал, убив Делеруа мечом Взвейся-Пламя, не испытывал я такого острого и глубокого чувства отчаяния и одиночества. И зачем только я родился на свет? Лучше умереть, и чем скорее, тем лучше – может быть, там я пойму причину моего рождения.

И я снова забрался в паланкин и, спрятав лицо, заплакал как дитя. Поистине, я – процветающий купец города Лондона, который мог бы стать его мэром и магистром и завоевать дворянский титул, – стал теперь ничтожнейшим авантюристом, лишенным прав и поставленным вне закона. Ну что ж, видно, так судил Бог, и ничего с этим не поделаешь.

Первую ночь мы провели на вершине холма, над быстрой рекой, которая протекала внизу, в долине. Нас мучила жара, изводили насекомые, которые жужжали и жалили нас и к которым я еще не успел привыкнуть; и мы ели взятую в дорогу

пищу – вяленое мясо и зерна.

На следующее утро, как только рассвело, мы снова двинулись в путь, поднимаясь в горы и спускаясь в долины, проходя через леса, следуя течению реки или изгибам озер. И так продолжалось до тех пор, пока на третьей сутки вечером с высокого плато мы вдруг не увидели внизу море – не то, от которого мы ушли, а совсем другое; видимо, мы пересекли перешеек, и притом не очень широкий, так что при умении и сноровке можно было бы прорыть канал и соединить эти два больших моря.

Именно отсюда и началось по-настоящему наше путешествие, именно здесь Кари свернул на юг. Перед этим он долго смотрел на звезды и размышлял, уединившись, Я не принимал в этом никакого участия, поскольку мне было все равно, куда он свернет. Да и сам он не разговаривал со мной на эту тему, ограничившись замечанием, что его Бог и те немногие воспоминания, которые сохранились у него от периода его безумия, говорят ему, что земля его народа лежит на юге, хотя и очень далеко отсюда.

Итак, мы отправились на юг, пробираясь лесными тропами и все время оставляя океан справа. В конце недели этого утомительного похода мы попали в места, где обитало другое племя, язык которого оказался настолько знаком сопровождавшим нас туземцам, что они смогли рассказать им нашу историю. Впрочем, до них уже дошел слух о появлении из моря белого бога, и они были подготовлены к тому, чтобы

оказать мне соответствующие почести. Здесь наши спутники покинули нас, говоря, что они не смеют уходить так далеко от своей родины.

Сцена прощания была странной и необычной: каждый из них подходил ко мне, склонялся на колени и терся лбом о землю, а потом уходил, пятась и кланяясь. Их уход, однако, мало что изменил в нашем положении. Новое племя почти не отличалось от них, разве что одежда их была, если возможно, еще более скудной, а люди еще грязнее. Они также безоговорочно приняли меня за бога и снабдили нас необходимой пищей, Более того, когда мы распрощались с ними, они предоставили нам людей, которые понесли нас и нашу поклажу.

И таким образом, переходя от племени к племени, мы продвигались на юг, все на юг, всегда обнаруживая, что нам предшествовал слух о появлении «Бога». И какими добрыми и мягкими были эти люди! Ни разу не встретили мы никого, кто бы попытался нанести нам вред или украсть что-нибудь из наших вещей, или, наконец, отказать нам в лучшем, что у них было, Правда, приключений у нас было достаточно. Так, дважды мы оказались среди племен, воевавших друг с другом, но при моем появлении они сложили оружие, по крайней мере, на время, и понесли нас дальше,

Иногда же мы встречали племена, которые были людоедами, и в таких случаях мы весьма страдали, от недостатка мяса, поскольку не решались дотрагиваться до их пищи за ис-

ключением растительной. В поселении одного из этих народов я, охваченный яростью, убил человека, собиравшегося умертвить девочку и съесть ее; я отрубил ему голову моим мечом. Я ожидал, что за этот поступок мы будем тут же убиты. Ничуть не бывало! Они лишь пожали плечами и, сказав, что Бог может поступать, как ему угодно, унесли убитого и съели его.

Иногда наш путь пролегал через ужасные леса, где большие деревья преграждали доступ дневному свету, а подлесок был так плотен и густ, что приходилось прокладывать дорогу топором. Нередко такой лес кишел тиграми или древесными львами, что вынуждало нас быть постоянно настороже, особенно ночью, когда нам приходилось зажигать костер, чтобы отпугивать хищников. Иногда мы должны были переходить вброд большие реки или, что еще хуже, перебираться через них по зыбким мостам из каната, сплетенного из тростников; от этих качающихся мостов, пока я не привык к ним, у меня кружилась голова, хотя я ни разу не позволил себе выказаться перед туземцами одолевавший меня страх. А однажды мы пришли в болотистые земли, где водилось множество змей, что привело меня в ужас, особенно после того, как несколько ужаленных ими туземцев на моих глазах умерли несколько минут спустя после укуса.

Были и другие змеи, толстые, как тело человека, в четыре-пять шагов длиной, которые жили на деревьях и убивали свою добычу, обвиваясь вокруг нее и удавливая ее насмерть.

Говорили, что эти змеи могут таким же образом погубить и человека, хотя я ни разу не видел такого случая. Как бы то ни было, вид их был ужасен и напоминал мне их предка, устами которого Сатана говорил с нашей праmaterью Евой в садах Эдема и таким образом навлек на всех нас беды и страдания.

А в другой раз на берегу большой реки я увидел такую змею, что у меня затряслись поджилки. Клянусь Св. Хьюбертом, эта бестия была футов шестьдесят в длину, если не больше; голова ее была величиной с бочку, а кожа переливалась всеми цветами радуги. Более того, она как будто парализовала меня взглядом, потому что пока она не соскользнула в реку, я не мог пошевелить и пальцем.

Так мы шли месяц за месяцем, покрывая, пожалуй, миль пять в день, поскольку иногда мы выходили на открытую местность и могли двигаться быстрее. И как ни странно, несмотря на столь многие опасности, за все это время, даже в самую сильную жару, ни один из нас не заболел – думаю, благодаря той траве, которую Кари нес в своем мешке и которая, как я узнал, называлась кока; мы умножали ее запас, находя ее по пути, и время от времени поедали ее. В сущности, мы не страдали и от голода, поскольку при недостатке пищи мы ели ту же траву, и она поддерживала нас, пока мы не находили настоящую еду. Все эти благодеяния я приписываю добрым заботам Св. Хьюберта, который с небес следил за мной, своим бедным тезкой и крестником, хотя, пожалуй, известную роль играли также ловкость и мужество

Кари, спасавшие нас во всех затруднениях и от всех опасностей.

Наконец на девятый месяц нашего путешествия (Кари вычислил это по количеству узлов, которые он завязывал на туземных нитках, ибо сам я давно потерял счет времени) мы подошли к краю большой пустыни, которая, по словам туземцев, простиралась на сто лье и больше в южном направлении и была совершенно безводной. Более того, к востоку от этой пустыни вздымалась цепь гор, окаймленных пропастями и ущельями, преодолеть которые не мог ни один человек. Похоже было, что наше путешествие здесь и закончится, ибо Кари не имел никакого представления о том, как он пересек или обошел эту пустыню во время своего безумия минувших лет – если он вообще шел по этой дороге, в чем я далеко не был уверен.

Неделю, а может быть и дольше, мы жили среди людей племени, заселявшего прекрасную, обильно орошаемую долину на границе этой пустыни, ломая голову над вопросом, что же нам делать. Лично я уже так устал от скитаний в бесконечных походах, что с радостью остался бы у этих добрых дружелюбных людей, веривших, как и все другие, что я Бог; здесь я нашел бы себе прибежище и прожил бы среди них до самой смерти. Но это совершенно не совпадало с намерениями Кари, все мысли которого яростно устремлялись к одной цели – вернуться на родину, которая, как он был уверен, лежит где-то на юге.

День за днем мы набирались сил, питаясь дарами этой долины и поочередно вглядываясь то в пустыню на юге, то в горные края и ущелья слева от нас, то, наконец, в растянувшийся справа океан. Следует сказать, кстати, что привитившее нас племя добывало свои богатства не только на суше, но и в море, поскольку эти люди были отличными рыбаками и выходили на лов в грубо сделанных лодках или, точнее, на плотках, состоявших из деревянной рамы, к которой накрепко привязывались надутые воздухом звериные шкуры и связки сухого тростника. На этих хрупких на вид суденышках, подобных тем, что в южных странах называются «бальза», они совершали весьма серьезные путешествия на отдаленные острова, где вылавливали огромное количество рыбы, частично используемой на удобрение их земель. Мало того, на этих плотках они устанавливали квадратный парус, сотканный из хлопка, так что при благоприятном ветре они могли сушить весла и управлять судном с кормы при помощи широкого весла или гребка.

Во время нашего пребывания там я заметил, что когда задул северный ветер, хотя и небольшой силы, все плоты причалили и были вытащены на берег достаточно далеко от линии прибоя. Когда я спросил через посредство Кари о причине этого, мне ответили, что сезон рыбной ловли закончен, поскольку этот северный ветер будет дуть, не меняя направления, очень долго, и может отнести тех, кто вышел бы в море, далеко на юг, откуда нет возврата. Мне рассказали даже

О многих отважных смельчаках, которые бесследно исчезли именно таким образом.

– Вот способ попасть на юг, если ты хочешь, – сказал я Кари.

Он ничего не ответил, но на следующий день неожиданно спросил меня, готов ли я отважиться на такое путешествие.

– Почему бы и нет? – сказал я. – Умереть в море так же легко, как и на суше. Я устал скитаться по бесконечным лесам и болотам, переправляться через бурные реки и перелезть через горные хребты.

Кончилось тем, что в обмен на нож и несколько гвоздей Кари раздобыл самую большую «бальза», какая нашлась у этих людей, и нагрузил ее таким количеством сушеной рыбы, зерна и воды в глиняных кувшинах, какое только она могла выдержать, не считая нас двоих и тех из оставшихся у нас товаров, которые мы хотели взять с собой. Потом он заявил, что я – Бог, вышедший из моря, желаю вернуться в море вместе с ним, моим слугой.

И вот в одно ясное утро, когда с севера дул ровный, но не очень сильный ветер, мы взошли на этот плот, в то время как простодушные дикари провожали нас почестями и удивленными взглядами, подняли квадратный парус и отправились в одно из самых, на мой взгляд, безумных плаваний, какие когда-либо совершал человек.

Хотя и неуклюжая, наша «бальза» шла, разрезая волны на хорошей скорости, делая, я бы сказал, два лье в час под

свежим и устойчивым ветром. Вскоре деревня, которую мы покинули, исчезла из виду; потом вздымавшиеся за ней горы потеряли четкость очертаний, слились в одну линию и тоже исчезли, и не осталось ничего, кроме дикой пустыни слева и огромного моря вокруг нас. Направляя плот дальше от берега, чтобы не наскочить на подводные камни, мы плыли весь день и всю ночь, и когда снова рассвело, увидели, что мы идем вдоль побережья, обрамленного стеной высоких гор с кое-где покрытыми снегом вершинами. К концу второго дня эти горы выросли до огромных размеров, и среди них я увидел долины, по которым сбегали водные потоки.

Так мы шли три дня и три ночи. Ветер не изменил своего направления, «бальза» благополучно справлялась с волнами, и к концу этого срока я высчитал, что мы прошли вдоль побережья такое же расстояние, какое покрыли за шесть месяцев, двигаясь по суше. И я обрадовался. Кари тоже радовался, потому что, по его словам, очертания и высота гор, мимо которых мы плыли, напоминали ему горы его родины, и он считал, что мы уже приближаемся к цели.

На четвертое утро, однако, начались наши бедствия, так как дружественный нам северный ветер стал неуклонно крепчать и наконец перешел в шторм. Наш парус сорвало и унесло, как тряпицу, но, подгоняемые волнами, мы все же мчались вперед с большой скоростью.

Я подумал было повернуть к берегу, но обнаружил, что при помощи весел мы не в силах противодействовать тече-

нию, которое гнало наше неуклюжее суденышко в открытое море. Поэтому нам оставалось только одно – стараться удерживать плот на прямой линии, хотя даже это не всегда помогало, и, несмотря на все наши усилия, его часто кружило на месте.

Около двух часов пополудни небо затянуло тучами, и на нас обрушилась сильная гроза с потоками дождя, а ветер все крепчал и крепчал.

Теперь мы не могли больше ни править, ни грести, и нам оставалось только лежать ничком, крепко держась за скреплявшие плот канаты, иначе волны смыли бы нас в море своими пенистыми гребнями, которые то и дело перекатывались через нас. Просто чудо, что это хрупкое суденышко вообще не рассыпалось, но благодаря легкости тростников и надутых воздухом шкур оно держалось на воде и, кружась и вращаясь, несло по своему курсу – на юг. Однако я знал, что это ненадолго, и, собрав последние силы, препоручил свою душу Богу, желая лишь одного – чтобы мои страдания кончились.

Спустилась тьма, но гром все еще гремел, и сверкала молния, и при ее вспышках я на мгновение увидел увенчанные снегом горы на далеком берегу, а рядом со мной Кари, который вцепился в тростники нашего бальзового плота и время от времени целовал золотое изображение Пачакамака, висевшее на шнурке у него на шее. Однажды он приблизил губы к моему уху и крикнул:

– Мужайтесь! Наши боги не оставляют нас и в бурю!

– Да, – ответил я, – и скоро мы будем с нашими богами – в тишине и покое.

После этого я его больше не слышал и, насколько мой ум еще был способен мыслить, стал думать о том, как много опасностей мы преодолели с тех пор, как покинули берега Темзы, и как печально, что все это было зря – уж лучше было бы погибнуть в самом начале, чем теперь, после стольких мучений. Потом блеск молнии высветил рукоятку меча Взвейся-Пламя, который все еще был на мне, и я вспомнил руну, прочитанную мне моей матушкой в день сражения с французами. Как это было там?

*«Тот, кто взметнет высоко Взвейся-Пламя,
Прожив в любви, умрет на поле брани.
Носимый бурями, моря пересечет
И в чуждых странах свой приют найдет.
Став победителем, он будет побежден,
В дальнем краю уснет со мною он».*

Все так и есть, хотя любви мне на долю выпало не очень-то много, да и та была глубоко несчастной, и битва, в которой я должен умереть, – это битва с морем, Да и победителем я не стал, а, наоборот, сам побежден судьбой. Словом, эти стихи можно понимать двояко, подобно всем пророчествам, и только одна строчка не вызывает сомнений – Взвейся-Пламя и я действительно уснем вместе.

Немного позже молния вдруг вспыхнула с ужасающей силой, как будто целая армия ангелов-разрушителей взмахну-

ла мечами, – так что все небо запылало огнем. В ее свете я на мгновение увидел впереди огромные бурные валы, а за ними – темную массу, что-то вроде берега. И тут же эти алчные пенящиеся волны подхватили наш плот, подбросили его вверх с головокружительной силой и швырнули вниз, в глубокую водяную долину. За первым валом налетел второй, потом третий, и все мои чувства закачались, сбились и погасли. Я крикнул, призывая Св. Хьюберта, но он был сухопутным святым и не мог помочь мне; тогда я воззвал к другому, кто более велик, чем он.

Последнее, что я увидел, было – я сам, несущийся на гребне огромной волны, как на коне. Потом – страшный грохот и темнота.

Мне казалось, что кто-то зовет меня, возвращая из глубины сна. С трудом я открыл глаза, но тотчас зажмурился от ослепительного света. Через некоторое время я приподнялся и сел, чувствуя, что у меня все болит, как будто меня всего избили, и снова открыл глаза. Надо мной в глубокой синеве неба сияло солнце; передо мной расстилалось море, почти совсем спокойное, а вокруг были горы и песок, по которому ползали рептилии: я сразу узнал в них черепаха, поскольку видел их во множестве во время наших странствий. Более того, рядом со мной, стоя на коленях и все еще опоясанный мечом, снятым с тела Делеруа, был Кари, запачканный кровью – видно, его где-то ранило – и почти белый от высохшей морской соли, но в остальном жив и невредим. Я уставился

на него, не в силах произнести ни слова от изумления, так что он заговорил первым, с какой-то ноткой торжества в голосе:

– Разве я не говорил, что боги помогают нам? Где же твоя вера, о Белый Человек? Посмотри! Они привели меня обратно в страну, в которой я – Правитель!

При всей моей слабости что-то в тоне Кари рассердило меня. Почему он прошелся насчет моей веры? Почему назвал меня «Белым Человеком», а не господином? Может быть, потому, что он достиг страны, где он – важное лицо, а я – никто?

Я предположил последнее и ответил:

– А это – твои подданные, о благородный Кари? – и я указал на ползающих по песку черепах. – И это вот та богатая и чудесная страна, где золото и серебро все равно что грязь? – и я указал на голые скалы и песок на берегу.

Он улыбнулся моей шутке и ответил более смиренно:

– Нет, господин, моя земля – там.

Я посмотрел по направлению его взгляда и увидел на расстоянии многих лье водного пространства два покрытых снегом пика, выступавших из неподвижной массы облаков.

– Я узнаю эти горы, – продолжал он, – несомненно, это – одни из тех, что образуют ворота в мою страну.

– Тогда у нас столько же надежды пройти через эти ворота, сколько вернуться в Лондон, Кари. Но скажи мне, что произошло?

– Думаю, вот что: очень высокая волна подхватила нас и выбросила прямо через эти камни на берег. Посмотрите, вон наша «бальза», – и он указал на груды изломанных камышей и порванных шкур.

С его помощью я поднялся и подошел к ней. Теперь никто бы не узнал в этой груды морское судно. И все же это была «бальза», и не что иное, и в этой запутанной массе обломков виднелись некоторые вещи, которые мы взяли с собой, – например, мой черный лук и мои доспехи; но все кувшины разбились вдребезги.

– Она хорошо послужила нам, но теперь ей конец, – сказал я.

– Верно, господин. Но если бы мы были у меня на родине, я бы сложил ее обломки в шкатулку из золота и поместил бы их в Храм Солнца как памятник.

Потом мы пошли к водоему, образовавшемуся во время дождей в углублении ближней скалы, и вдоволь напились, утолив мучившую нас жажду. Среди обломков «бальзы» мы нашли также остатки сушеной рыбы и, промыв ее, поели. После этого, хромя, мы кое-как взобрались на гребень скалы и увидели, что находимся на островке площадью что-то около двухсот английских акров, на котором не растет ничего, кроме дикой жесткой травы. Однако этот остров был прибежищем множества гнездившихся на нем морских птиц, а также упомянутых мной черепах и некоторых животных, похожих на тюленей и выдр.

– По крайней мере, мы не умрем с голоду, – заметил я, – хотя, если будет засуха, вполне можно умереть от жажды.

Четыре долгих месяца провели мы на этом острове.

Пищей нам служили черепахи, и мы готовили их на костре, который Кари развел хитроумным способом – вращая заостренную палочку, выточенную из выброшенного морем дерева, в ямке, выдолбленной в деревянном бруске и наполненной высушенной травой, растертой в порошок. Не зная он этого способа добывать огонь, мы бы голодали или ели сырое мясо. А так мы жили в изобилии, потому что, кроме черепашого мяса, мы имели мясо птиц и их яйца, а также рыбу, которую вылавливали из луж, остающихся на берегу во время отлива. Из панцирей черепах мы при помощи камней соорудили нечто вроде хижины, чтобы прятаться от солнца и дождя; в этом теплом климате такая хижина служила достаточно надежным кровом. В такие же панцири, когда из них выветривался дурной запах, мы собирали дождевую воду, сохраняя ее, как могли, на случай засухи. Наконец из моего лука, сохранившегося вместе с доспехами, я застрелил несколько морских выдр, и из шкурок, натертых черепашим жиром и обработанных до мягкости, мы смастерили себе одежду.

Так вот мы и жили, от полнолуния до полнолуния, в этом пустынном месте, пока я не почувствовал, что сойду с ума от одиночества и отчаяния, ибо ждать помощи было неоткуда. Далеко-далеко виднелись горы материка, но между ними и

нами на много лье простиралось море, которое мы не могли переплыть, а построить лодку или плот было не из чего.

– Здесь мы и останемся до самой смерти! – вскричал я наконец в безнадежном состоянии.

– Нет, – ответил Кари, – наши боги по-прежнему с нами и спасут нас, когда придет срок.

И они действительно спасли нас – самым странным образом.

ГЛАВА III. ДОЧЬ ЛУНЫ

В четвертый раз с тех пор, как море выбросило нас на этот остров, в удивительной синеве неба сияла полная луна. Кари и я смотрели, как она поднимается между теми далекими, одетыми снегом вершинами гор, которые он называл воротами в его страну, – она была так близко и, однако, казалась более далекой, чем само Небо. Небо было доступно – мы могли надеяться достичь его на крыльях духа в наш смертный час; но что могло перенести нас в эту страну?

Мы следили, как эта большая полная луна взбирается все выше и выше по лестнице тонких прямых облачков, пока, устав, не перевели взгляд на сверкающую дорожку, которую ее свет прочертил на спокойной глади моря. Вдруг Кари вздрогнул и стал пристально всматриваться во мглу.

– Что там? – рассеянно спросил я.

– Мне показалось, я что-то увидел: там, далеко, где шаги Куиллы оставили свежие следы на воде, – сказал он на своем языке, на котором мы с ним теперь часто разговаривали.

– Шаги Куиллы! – воскликнул я. – Ах да, я забыл: ведь это – имя Луны на твоём языке, не так ли? Ну что ж, приди, Куилла, и я женюсь на тебе и буду поклоняться тебе, как, говорят, поклонялись древние, и никогда не оглянусь на другую, будь то женщина или богиня, или и то, и другое вместе. Только приди и забери меня с этого проклятого острова, и в

отплату я умру за тебя, если нужно, научив тебя любить, как никогда еще не любили ни звезда, ни женщина!

– Молчите! – сказал Кари серьезным тоном, услышав этот безумный призыв, прорвавшийся через уста души, смятенной мукой и отчаянием.

– Почему я должен молчать? – возразил я. – Разве не принято думать, что Луна принимает облик прелестной женщины и нисходит к одинокому смертному, даруя ему любовь и успокоение?

– Потому, господин, что для меня и моего народа Луна – это богиня, которая слышит мольбу и отвечает на нее. Предположим, что она услышала бы вас и пришла бы к вам, и потребовала от вас обещанной любви – что тогда?

– О, тогда, друг мой Кари, – продолжал я безумствовать, – тогда я бы ее принял – ведь любовь жаждет ответа, как спелый плод, если он достаточно красив, ждет, чтобы его сорвала первая же рука, и готов растаять от прикосновения первых же уст, если они достаточно горячи. Говорят, что любит мужчина, а женщина принимает его любовь. Но это неверно. Именно мужчина, Кари, ждет, пока его полюбят, а тогда и платит в ответ ровно столько, сколько ему дают, и не более того, как честный купец. Ибо если он полюбит первый, он страдает за это, как я узнал на собственном опыте. Так приди же, Куилла, и полюби, насколько может любить небесное существо, и я поклянусь, что пойду с тобой шаг за шагом, не отставая, твоей душой и телом, на небо или в ад, ибо любовь

– то, что мне нужно; или смерть.

– Прошу вас, не говорите так, – повторил Кари, и в его тоне слышался страх. – Ведь ваши слова идут от сердца и будут услышаны. Богиня ведь тоже – женщина, а какая женщина отвернется от такой приманки?

– Так пусть возьмет ее. Почему нет?

– Потому что, о друг, потому что Куилла обвенчана с Юти; Луна – жена Солнца, и если Солнце станет ревновать, что будет с мужчиной, который ограбил самого великого бога в мире?

– Не знаю, мне все равно. Если бы Луна-Куилла пришла и полюбила меня, я бы рискнул помериться с Юти – я бросаю ему вызов, как христианин.

При этом кощунстве Кари содрогнулся, потом снова устремил взгляд на лунную дорожку. Но чтобы он там прежде ни увидел – была ли то большая рыба или кусок дрейфующего дерева – ничто больше не появлялось, и тогда он помолился, как он всегда делал перед сном, Духу Вселенной, Пачакамаку, а может быть, Солнцу, его слуге, и, завернувшись в свой коврик из шкур, забрался в нашу хижинку и заснул.

А я не мог спать: наш разговор о любви и о женщинах, несмотря на ненависть Кари к обоим предметам, растревожил меня и мою кровь и не давал мне заснуть.

Взяв грубый гребень, который я вырезал из черепашьего панциря, я расчесал свою длинную бороду, которая, отрас-

тая, доходила мне уже до груди, и выющиеся светлые волосы, падавшие на плечи, ибо теперь я выглядел, как выглядят дикари; и, напевая про себя у маленького костерка, который мы поддерживали день и ночь, старался думать о минувших счастливых днях, которые мне никогда уже не суждено вновь пережить.

Наконец этот порыв прошел, и я почувствовал, что очень устал; я улегся возле костра, ибо ночь была ясной и теплой, и мне не хотелось идти в хижину, – и тут на меня сошел сон.

Во сне меня посетило видение. Мне приснилось, что надо мной, глядя на меня большими темными глазами, стоит прекрасная женщина с хрустальной эмблемой Луны на обнаженной груди. И, глядя на меня, она вздыхает. Трижды вздохнула она, каждый раз все тяжелее. Потом опустилась на колени – по крайней мере, так мне приснилось – и приложила прядь своих длинных темных волос к моим светлым кудрям, как будто желая сочетать их. Она сделала и больше – в моем сне – ибо, приподняв эту благоухающую прядь, она накрыла ею, словно мягким пушком чертополоха, мое лицо и рот и поцеловала эти волосы – я почувствовал, как ее дыхание, проникая сквозь них, касается моего лица.

И тут мой сон кончился, хотя я страстно хотел, чтобы он продолжался, – он как будто растаял, как бывает с такими видениями. Немного погодя, как мне кажется, я внезапно проснулся и открыл глаза. Передо мной, совсем близко, сияя в ярком свете полной Луны, стояла женщина моего сна,

только сейчас ее обнаженная грудь была прикрыта великолепным плащом, расшитым серебром, а темные локоны прикрывал венец из перьев, украшенный спереди тоже серебряным полумесяцем. В руке она держала маленькое серебряное копье.

Я смотрел на нее, не в силах пошевелиться. Потом, вспомнив свой сумасшедший разговор с Кари, я произнес одно-единственное слово: К у и л л а.

Она наклонила голову и ответила голосом тихим, как шелест ветра в тростниках, на богатом языке куичуа, которому Кари научил меня. На этом языке, как я уже упоминал, мы часто говорили с ним ради практики и во время нашего путешествия, и на острове, так что теперь я хорошо его знал.

– Меня действительно так зовут в честь моей матери Луны, – сказала она. – Но как ты узнал об этом, о странник, чья кожа бела, как морская пена, а волосы такого же цвета, как чистое золото в храмах?

– Должно быть, ты сама сказала мне только что, когда склонилась надо мной, – ответил я.

Я видел, как краска залила ее лицо, но она только покачала головой и возразила:

– Нет, это, должно быть, моя мать-Луна тебе сказала; или, может быть, твоя душа узнала об этом. Но Куилла – действительно мое имя, и ты назвал меня правильно.

Я поднялся, не сводя с нее глаз, весь во власти этого странного явления, а она так же пристально смотрела на меня.

Удивительно прекрасна была она в своей сверкающей одежде и головном уборе; ее кожа была гораздо светлее, чем у любого виденного мною туземца, – почти белая и только с очень легким медным оттенком, типичным для ее расы. Она была высокая, но не слишком, стройная и прямая, как стрела, но с высокой грудью и округлыми линиями, а ее движения отличались естественной грацией, как полет ястреба. Мне показалось также, что в ее лице было нечто большее, чем обычная красота молодости, нечто одухотворенное, что мы видим в лицах, изображаемых великими художниками.

Быть может, и в самом деле человеческая кровь в ней смешалась с кровью некой иной, чужой природы – ведь назвала же она себя дочерью Луны.

Невольно у меня вырвался вопрос:

– Скажи мне, о Куилла, ты жена или девственница?

– Дева я, – ответила она, – но обещана в жены. – И она вздохнула и продолжала, как будто не желая говорить на эту тему: – Но скажи мне и ты, о странник, кто ты – Бог или человек?

– Я – Сын Моря, так же как ты – Дочь Луны. Она оглянулась и посмотрела на солнце, как бы витавшее над морской гладью, и потом сказала тихо, будто про себя:

– Луна светит над морем, а море возвращает Луне ее отражение, и все же они далеки друг от друга и никогда не смогут сблизиться.

– О нет, Куилла. Из моря Луна встает и, пройдя свой путь,

в белые объятия моря опускается, чтобы заснуть.

Снова краска залила ее лицо, и она опустила глаза – таких глаз я никогда еще не видел в своей жизни.

– Оказывается, в море говорят на нашем языке, и так красиво! – проговорила она и добавила: – Но разве не в небе поднимается Луна и не в небе же она опускается?

На этом, к моему сожалению, наша беседа прервалась, потому что из хижины появился Кари. Поднявшись на ноги, он остановился перед нами, как всегда спокойный и полный достоинства, взглянув сначала на Куиллу, а потом на меня.

– Ну, что я говорил, господин? – сказал он по-английски. – Не говорил ли я, что такие молитвы никогда не остаются без ответа? И вот – это Дитя Луны, которое вы призывали, является к вам во всей красе, неся свои дары любви и горя.

– Да, – воскликнул я, – и я рад ее приходу! Будь она моей, я за ценой не постоял бы.

Куилла смотрела на Кари, хмурясь из-за копья, которое она приподняла при его появлении, как будто собираясь защищаться, чего, однако, не сделала при моем пробуждении; видимо, не сочла это необходимым.

– Значит, море порождает и людей моей расы, – сказала она, обратившись к нему. – Скажи мне, о пришелец, как ты и этот белый Бог попали на этот остров?

– На бурных волнах океана, которые пронесли нас на тысячи лье, – ответил он. – А ты, о госпожа, как ты попала сюда?

– На лучах Луны, – сказала она, улыбнувшись. – Ведь я Дочь Луны, и имя мое – Луна, и я ношу на этой диадеме ее символ.

– Ну, что я вам говорил? – воскликнул Кари с мрачным видом.

Между тем Куилла продолжала:

– Пришельцы, я ловила рыбу с двумя моими служанками, и нас отнесло далеко в море. Как зашло солнце, мы заметили дым вашего костра, а нам говорили, что этот остров необитаем; поэтому мое сердце побудило меня узнать, кто разжег этот костер. И вот, хотя мои служанки боялись, я наставила парус и гребла – остальное вы знаете. Слушайте! Я открою вам, кто я. Я – единственная дочь Хуарача, царя народа Чанка, и его жены, царицы из рода Инка, которая теперь на небесах, у своего отца – Солнца. Я прибыла сюда с визитом к родственнику моей матери, Куисманку, вождю народа Побережья, к которому мой отец-царь отправил послов по не известному мне поводу. Вон за той скалой – наша «бальза», где остались обе мои служанки. Скажите, каково ваше желание: остаться здесь, на этом острове, или вернуться в море, или же сопровождать меня обратно в город Куисманку? Если последнее, то мы должны отплыть прежде, чем изменится погода, иначе мы можем утонуть.

– Конечно, наше желание – сопровождать тебя, госпожа, хотя бог моря и не может утонуть, – сказал я поспешно, прежде чем Кари успел открыть рот. Впрочем, он вообще

ничего не сказал, только пожал плечами и вздохнул, как человек, который принимает ниспосланное судьбой зло, ибо оно неизбежно.

– Да будет так! – воскликнула Куилла. – Тогда я пойду и подготовлю нашу «бальзу», и предупрежу служанок, чтобы они не испугались. Когда вы соберетесь в путь, вы найдете нас за той скалой.

И с величественным поклоном она удалилась, ступая гордо и легко, как лань.

Из нашей хижины я извлек мои доспехи и с помощью Кари надел их, потому что он заявил, что так их легче нести, хотя, думаю, у него на этот счет были другие соображения.

– Возможно, – сказал я. – Но если судно перевернется, мне будет нелегко в них выплыть.

– Судно не перевернется, пока идет при свете Луны с таким кормчим, как Дочь Луны, – ответил он подчеркнуто. – При свете Солнца все было бы иначе. К тому же дорога в сети всегда широка и легка.

– В какие еще сети? – спросил я.

– Те, что сплетены из женских волос, я думаю. Такая сеть, если не ошибаюсь, уже накинута вам на шею, господин, и скоро там и останется. А теперь послушайте меня. По воле богов мы вмешались в серьезные дела. Инка, у вождя которых гостит эта леди, – великий народ. Мой народ победил их в войне, но они только и ждут удобного случая, чтобы восстать, если уже не восстали. Чанка, царь которых – ее отец,

еще более великий народ, который уже многие годы грозит войной моему народу.

– Но что из этого следует, Кари? Эта леди не имеет к таким вопросам никакого отношения.

– А я думаю, что имеет, и весьма близкое. Я думаю, что она знает гораздо больше, чем кажется, и что она – посланница чанка к народу юнка. Интересно, кто ее жених? Несомненно, кто-нибудь великий. Ну, со временем мы это узнаем. А пока прошу вас не забывать, что, по ее словам, она уже обручена и что в этой стране мужчины очень ревнивы, даже если соперником окажется белый бог, появившийся из моря.

– Конечно, не забуду, – резко ответил я. – Не довольно ли с меня уже обрученных женщин?

– Судя по вашей молитве Луне сегодня ночью, на которую Луна так быстро и успешно ответила, можно было бы подумать, что не довольно. К тому же эта дочь ее красива, и может статься, что, отдав свою руку, она оставила при себе свое сердце. Послушайте, что я вам скажу. Обо мне и о том, кто я, не говорите ни слова; скажите только, что я был отшельником на этом острове и здесь вы и нашли меня, когда явились из моря. Что до моего имени, то меня зовут Запана. Помните, что если вы хоть когда-нибудь хоть намеком раскроете мой ранг и мою историю – чьи бы нежные уста ни пытались выведать их у вас – вы обречете меня на смерть. А я не хочу сейчас умереть, ибо меня зовет долг отмщения и трон, который я должен завоевать. Поэтому обращайтесь

со мной, как с собакой, как с ничтожеством, и молчите даже во сне.

– Я буду помнить об этом, Кари.

– Этого недостаточно. Поклянитесь.

– Хорошо. Клянусь Луной.

– Нет, не Луной, ведь Луна – женщина, она изменчива. Клянитесь вот этим, – и из-под плаща он достал золотое изображение Пачакамака. – Клянитесь Духом Вселенной, для которого и Солнце, и Луна, и Звезды – лишь слуги, – Духом, кому в том или другом образе поклоняются все люди.

Чтобы доставить ему удовольствие, я положил руку на этот золотой символ и поклялся. Потом мы наскоро сочинили историю о том, как, облаченный в свои доспехи, я поднялся из морской пучины и нашел Кари на острове, и как он, узнав во мне белого бога, который однажды в минувшие века посетил эту землю и, как было предсказано, когда-нибудь явится вновь, начал поклоняться мне и стал моим рабом.

Договорившись об этом, мы направились к той скале; Кари шел позади, неся нашу скудную поклажу и меч Делеруа. Обойдя скалу, мы увидели вытасченный на песок бальзовый плот, а возле него леди Куиллу, которая сменила свое нарядное одеяние на простое платье рыбачки, как в моем сне, и двух ее служанок – высоких девушек в такой же скудной одежде. Когда они увидели меня в сверкающих доспехах, которые мы а долгие часы бездействия натерли так, что они си-

яли, как серебро, со щитом и в шлеме, и с большим мечом у пояса, и с черным луком в руке, – они закричали от страха и упали ничком, и даже Куилла отступила на шаг и взглянула в сторону лодки.

– Не бойтесь, – сказал я. – Боги добры к тем, кто им служит, хотя для тех, кто против них, они ужасны.

Кари, со своей стороны, подошел к ним и стал шептать им на ухо, не знаю, что. В конце концов они, дрожа, поднялись и, жестами пригласив меня взойти на плот (который, как я с радостью заметил, был большим и крепко сбитым), столкнули его с помощью Кари в воду. Потом друг за другом они тоже уселись, Куилла взялась за гребок, а Кари и обе девушки подняли парус и стали грести, пока мы не отошли от нашего острова и не попали в струю легкого ласкового ветра. Тогда девушки подняли весла, и «бальза», хотя и загруженная, спокойно устремилась к берегам большой земли.

Я сидел на носу судна, а Куилла на корме, и нас разделяли другие; поэтому за все время нашего ночного путешествия мы не сказали друг другу ни слова, и я поневоле удовольствовался тем, что, оглядываясь через плечо, созерцал ее красоту, хотя Кари и мешал мне, постоянно оказываясь на пути наших взглядов.

Так прошло несколько часов, и наконец мы приблизились к берегу. Луна зашла, и мы высадились в предрассветных сумерках. А потом рассвело, и перед нами открылась прелестная зеленая земля, покрытая пальмами и засеянными злака-

ми полями, обильно орошаемая и как бы обрамленная кольцом гор с одетыми снегом вершинами, среди которых были и те два пика, которые мы видели с острова.

На берегу расположился город народа юнка – город из белых домов с плоскими крышами, а над ним, примерно в полумиле от моря, возвышался холм в четыреста или пятьсот футов высотой и с уступами или террасами. На вершине этого холма стояло грандиозное здание, выкрашенное в красный цвет, которое, судя по его виду, я принял за одну из церквей этого народа. В центре фасада, искрясь, сияли высокие двери; позже я узнал, что они покрыты пластинками из золота.

– Смотрите, это – храм Пачакамака, господин, – прошептал Кари, склоняя голову и целуя воздух в знак почтения.

Между тем люди, расставленные по берегу, чтобы обозревать море в поисках судна Куиллы, заметили наше приближение. Они закричали и стали указывать на меня, облаченного в доспехи, сверкавшие на солнце, а потом забегали взад и вперед, как будто в страхе или возбуждении, так что, когда мы достигли берега, собралась большая толпа. Куилла уже надела свой расшитый серебром плащ и диадему из перьев, увенчанную серпом луны. Когда плот коснулся суши, она прошла вперед и первый раз за эту ночь обратилась ко мне со словами:

– Оставайся в лодке, повелитель, пока я не поговорю с этими людьми, а когда позову – пожалуйста, выходи. Не бой-

ся, никто не причинит тебе вреда.

Потом она соскочила с плота на берег. Служанки последовали за ней и вытащили его частично на песок. Она подошла к толпе и заговорила с несколькими людьми, одетыми в белое. Она говорила долго, время от времени оборачиваясь и показывая на меня. Наконец эти люди в сопровождении некоторых других побежали к берегу. В первый момент я подумал, что они затеяли недоброе, и схватился за меч, но, вспомнив, что сказала Куилла, остался сидеть молча и не двигаясь.

И действительно, для страха не было причины, ибо когда одетые в белое вожди, или жрецы, и их свита были уже совсем близко, они вдруг простерлись ниц и стали биться головами о землю, из чего я заключил, что они тоже поверили, что я. – Бог. Тогда я поклонился им и, вынув из ножен свой меч, – при виде которого они широко раскрыли глаза и задрожали, ибо сталь была этим людям неизвестна, – поднял его прямо перед собой в правой руке, держа в левой щит с эмблемой из трех стрел.

Теперь все поднялись на ноги, и некоторые, видимо, более скромные по положению, подобрались к плоту и вдруг подхватили его и подняли, подставив плечи, что было не очень трудно, так как «бальза» состоит из тростников и надутых воздухом шкур. Потом, следуя за вождями, они двинулись с берега к городу, в то время как я сидел на плоту вместе с Кари, который скорчился у меня за спиной. Все это было так

странно, что я чуть не рассмеялся, представив себе, что бы подумали важные и степенные купцы Чипсайда, мои знакомые, если бы сейчас увидели меня в этом положении.

– Кари, – сказал я, не поворачивая головы, – что они собираются с нами сделать? Посадить в этот Храм, чтобы нам поклонялись, пока мы не умрем с голоду?

– Не думаю, господин, – ответил Кари, – ведь леди Куилла не могла бы приходить туда, чтобы говорить с вами, если бы ей этого захотелось. Думаю, они несут нас во дворец к царю этой страны, где она, по-моему, гостит.

Так и случилось, ибо нас пронесли по главной улице города, уже заполненной тысячами людей, из которых многие бросали цветы под ноги наших носильщиков, кланялись и пожирали меня глазами так упорно, что казалось, их глаза вот-вот выскочат из глазниц, и достигли большого дома под плоской крышей, обнесенного плотной стеной. Пройдя в ворота, носильщики опустили «бальза» наземь и отступили. Тогда открылась дверь, и из дома появилась Куилла в сопровождении высокого величественного человека в нарядном одеянии и женщины средних лет, тоже нарядно и пышно одетой.

– О повелитель, – произнесла, поклонившись, Куилла, – взгляни на моего родственника, курака (позже я узнал, что так называется царь менее значительного сорта) народа юнка; его имя Куисманку, а это его жена Майра.

– Привет тебе, Повелитель, поднявшийся из моря! –

вскричал Куисманку. – Привет тебе, Белый Бог в серебряном одеянии! Привет тебе, К у р а ч и!

В то время я не понял, почему он назвал меня «курачи», но впоследствии узнал, что поводом послужили стрелы, изображенные на моем щите, ибо «курачи» значит у них «стрела». Во всяком случае, с этой минуты я стал известен в стране под именем Курачи, хотя, обращаясь ко мне, меня называли «Повелитель-из-Моря» или «Бог Моря».

Потом Куилла и леди Майра приблизились и, подставив руки мне под локти, помогли мне сойти с «бальзы». Я думаю, это был самый необычный прием, какой когда-либо оказывали страннику, потерпевшему кораблекрушение.

Они привели меня в просторный покой с плоской крышей, который поспешно приготовили для меня, развесив по стенам красивые вышивки, и усадили на резной стул, и тотчас Куилла и другие женщины принесли еду и какой-то пьянящий напиток, который они называли чича, – он показался мне бодрящим и приятным на вкус после того, как несколько месяцев я пил только воду. Еда, как я заметил, подавалась на блюдах из золота и серебра, и кубки были тоже из золота и необычной формы, из чего я заключил, что попал в очень богатую страну. Однако позже я узнал, что в этой стране не знают, что такое деньги, и что добываемые здесь золото и серебро идут на изготовление драгоценностей и на украшение храмов и дворцов инка – так они называют своих царей и других важных лиц.

ГЛАВА IV.

ПРОРОЧЕСТВО РИМАКА

В этом городе Куисманку я пробыл семь дней, почти не выходя из дворца, ибо стоило мне выйти за его пределы, как меня окружала толпа людей, глазевших на меня так, что я не знал, куда деться от смущения. Позади дворца был сад, обнесенный стеной из глиняного кирпича. Здесь я и проводил большую часть времени, и здесь меня посещали важные обитатели дворца, принося в жертву одежду, золотые сосуды и множество других самых разнообразных вещей. Всем я рассказывал одну и ту же историю – или, вернее, Кари рассказывал ее за меня – а именно, что я поднялся из моря и нашел его, отшельника по имени Запана, на пустынном острове. Но что самое интересное – они верили этому, да, пожалуй, так оно и было: разве я не поднялся из морских волн?

Время от времени ко мне в сад приходила Куилла, приносила цветы, и наедине с ней я разговаривал. Она сидела на низкой скамеечке, устремив на меня свои прекрасные глаза, как будто пытаюсь проникнуть мне в душу. Однажды она сказала мне:

- Объясни, повелитель, ты бог или человек?
- Что такое бог? – спросил я.
- Бог – это тот, кого почитают и любят.
- А разве человека никогда не почитают и не любят, Ку-

илла? Например, насколько я понимаю, тебе предстоит выйти замуж, и, несомненно, ты считаешь и любишь того, кто будет твоим мужем.

Она чуть заметно содрогнулась и ответила:

– Это не так. Я его ненавижу.

– Почему же тогда ты собираешься выйти за него? Тебя заставляют насильно, Куилла?

– Нет, повелитель. Я выхожу за него ради моего народа. Он желает меня из-за моего наследства и моей красоты, и благодаря моей красоте я могу повести его по той дороге, по которой мой народ хочет, чтобы он шел.

– Старая история, Куилла, но будешь ли ты в таком браке счастлива?

– Нет, я буду очень несчастна. Но какое значение это имеет? Я только женщина, а у женщины одна участь.

– Женщин, как и богов, и мужчин, тоже иногда любят и почитают, Куилла.

При этих словах она вспыхнула и ответила:

– Ах, если бы так было, жизнь была бы другой. Но даже если бы так было, и я нашла бы мужчину, который бы мог любить и почитать меня хотя бы год, все равно для меня это уже поздно. Я связана клятвой, которую нельзя нарушить, ибо это привело бы мой народ к гибели.

– Кому ты дала эту клятву?

– Сыну Солнца, который тоже мужчина: богу, который будет инка всей этой земли.

– А как выглядит этот бог?

– Говорят, он огромный и смуглый, с большим ртом, и я знаю, что у него грубое и злое сердце. Он жестокий и коварный, и у него десятки жен. Однако его отец, нынешний инка, любит его больше, чем любого из своих детей, и недалек тот день, когда он станет после него царем.

– И ты согласилась бы – ты, такая прелестная и нежная, как Луна, чье имя ты носишь, – согласилась бы отдаться душой и телом такому, как он?

Снова она вспыхнула.

– Неужели мои собственные уши не обманывают меня, и Белый-Бог-из-Моря называет меня нежной и прекрасной, как Луна? Если так, то я благодарна и молю его вспомнить, что жертвами для богов всегда выбирают именно совершенных и прелестных.

– Но, Куилла, эта жертва может оказаться напрасной. Как долго ты сможешь удержать свою власть над этим распущенным принцем?

– Достаточно долго, чтобы достичь моей цели, повелитель; или, по крайней мере, – добавила она, и глаза ее вспыхнули, – достаточно долго, чтобы убить его, если он откажется идти по дороге, выгодной моей стране. О, не спрашивай меня больше ни о чем, ибо твои слова что-то пробуждают в моей груди, какой-то новый дух, о котором мне даже не снилось. Если бы я услышала их хотя бы три луны назад, все могло бы быть иначе. Почему ты не явился из моря раньше,

мой господин Курачи, будь ты бог или человек?

И со стоном, похожим на рыдание, она поднялась, поклонилась и убежала прочь.

В тот же вечер, когда мы были одни в моей спальне, и никто не мог нас услышать, я сказал Кари, что Куилла обручена с принцем, который будет инка всей этой страны.

– Вот как? – сказал Кари. – Так знай же, господин, что этот принц – мой брат, тот, кого я ненавижу, тот, кто причинил мне страшное зло, украл мою жену и отравил меня. Его имя – Урко. И эта леди Куилла его любит?

– Не думаю. По-моему, она ненавидит его, как и ты, однако выйдет за него из политических соображений.

– Не сомневайтесь в том, что она его ненавидит, что бы она ни делала неделю тому назад, – сухо сказал Кари. – Но какой плод принесет это дерево? Господин мой, вы намерены пойти завтра со мной и посетить Храм Пачакамака, во внутреннем святилище которого сидит бог Римак, пророк и предсказатель?

– С какой целью, Кари? – мрачно ответил я.

– Чтобы услышать пророчества, господин. Если бы вы пошли, то леди Куилла, наверно, пошла бы с вами – думаю, она тоже хотела бы услышать пророка.

– Пойду, если это можно сделать тайно, скажем – ночью. Я устал от постоянных взглядов глазающей толпы.

Я сказал так потому, что мне хотелось узнать что-нибудь о религии этого народа и увидеть что-нибудь новое.

– Может быть, это можно устроить, господин. Я порасспрошу.

Видимо, Кари действительно расспросил насчет этого дела, возможно даже – у верховного жреца Пачакамака, а между всеми, кто поклоняется этому богу, существовало некое братство; возможно, у правителя Куисманку или, может быть, у самой Куиллы, – не знаю. Во всяком случае, в тот же день Куисманку осведомился, не пожелал ли бы я посетить ночью храм, и таким образом дело было устроено.

Соответственно, как только стемнело, принесли два паланкина, в которых мы разместились: Куилла и ее служанка – в одном, а Кари и я – в другом; Куисманку и его жена к нам не присоединились, почему – не могу это сказать, не знаю. Потом впереди появился третий паланкин, в котором находился один из жрецов бога и который окружала стража из воинов. Так, несмотря на сильный дождь и грозу, нас понесли на вершину холма – идти было недалеко – в Храм.

Здесь, перед позолоченными дверьми, то и дело сверкавшими при вспышках молнии, мы вышли, и люди в белых одеждах и с фонарями в руках повели нас через разнообразные дворики во внутреннее святилище бога. На пороге я перекрестился, ибо мне не нравилась компания языческих идолов. Насколько я мог судить при свете фонарей, это было просторное и величественное помещение, и куда ни падал взгляд, всюду было золото – пластины золота на стенах, приношения из золота на полу, звезды из золота на сводах.

Странная особенность этого святого места, однако, заключалась в том, что, кроме упомянутого золота, в нем больше ничего не было. Ни алтаря, ни изображения бога – ничего, кроме освященного пустого пространства.

Здесь все поверглись ниц – я один остался стоять – и молча помолились. Когда они поднялись на ноги, я шепотом спросил у Кари, где же бог. На что он ответил: «Нигде и однако всюду». Я подумал, что это очень верно; и в самом деле, так торжественно было все вокруг, что я почувствовал, будто меня окружает присутствие божества.

Через некоторое время жрецы в пышном богатом облачении провели нас через это святилище к двери, за которой скрывалось несколько ступеней. По этим ступеням мы сошли вниз и очутились в длинном коридоре, который, казалось, находился под землей, ибо воздух здесь был неподвижный и тяжелый. Пройдя по этому узкому коридору шагов сто или больше, мы оказались перед другой дверью, к которой вели еще несколько ступеней, и, открыв ее, вошли во второй Храм, поменьше, чем первый, но так же изобилующий золотом. В центре этого Храма я увидел изображение сидящего человека, грубо сделанное из золота.

– Вот он, Римак-Вещун, – прошептал Кари.

– Как может золото вещать? – спросил я. Кари не ответил.

Жрецы забормотали, произнося молитвы и заклинания, которые показались мне нечестивыми, после чего они принесли идолу жертву, которая выглядела как куски сырого

мяса, вложенные в чаши из золота; эта церемония представилась мне еще более нечестивой. Наконец они отступили, спросив нас, что мы хотим узнать.

Я не ответил, ибо все это мне очень не нравилось. Кари тоже не произнес ни слова. Но Куилла смело подняла голос, сказав, что мы хотим узнать о будущем и о том, что с нами случится.

Наступило долгое молчание, и признаюсь, что мной овладел страх, будто воздух вокруг и царящая вокруг нас тьма вдруг наполнились духами – я даже будто услышал их шепот и шелест их крыльев. Внезапно в конце этой паузы золотое изображение перед нами засветилось, будто расплавленное, и вставленные изумруды-глаза засверкали ужасающим блеском. Это настолько испугало меня, что я бежал бы отсюда, если бы не чувство стыда, которое удержало меня на месте; и я стал молиться Св. Хьюберту, прося у него защиты для меня от дьявола и его козней. Еще мгновение, и я стал молиться еще горячее, потому что изображение вдруг заговорило, – да, да, страшным и отвратительным свистящим голосом, хотя близ него никого не было. Вот слова, которые оно произнесло:

– Кто это, облаченный в серебро, чья кожа бела, а волосы светлы? Такого я не видел за тысячу лет, но именно такие, как он, овладеют Землей Тавантинсуйу, похитят ее богатства, уничтожат ее народ и ниспровергнут ее богов. Но не теперь, не теперь! Поэтому вот вам приказ Пачакамака, из-

реченный голосом Римака-Вещуна: чтобы никто не причинял вреда и не препятствовал воле этого могущественного, морем рожденного повелителя, ибо он будет каменной стеной для многих, и его меч покраснеет от крови злых и порочных.

Свистящий голос умолк, а жрецы и все остальные уставились на меня, видимо, считая эти слова роковыми. Вдруг голос зазвучал снова:

– А тот, что явился вместе с этим Сияющим, после того, как странствия завели его дальше, чем любого его соотечественника и соплеменника? Я знаю. Знаю, но не смею сказать, ибо Дух Духов, образ которого он носит на сердце, велит мне молчать.

Дерзай же! Дерзай! Процветай и стань великим, Дитя Па-чакамака, ибо твои скитания еще не кончились. Еще есть гора, которую должно преодолеть, а ее вершину окаймляет золото небес.

Голос опять умолк, и все взоры устремились теперь на Кари, который смиренно покачал головой, как будто озадаченный тем, чего не мог понять.

И снова изображение заговорило:

– Кто эта дочь Солнца, в жилах которой играет лунный свет, и кто прекраснее, чем вечерняя звезда? Та, я думаю, что будет желанна мужчинам и из-за которой прольется кровь великих. Та, чья мысль – быстрая, как молния, и гибкая, как змея; та, в ком страсть горит, как огонь в чреве горы,

но в ком дух пляшет поверх огня и кто томится по вещам далеким и недосягаемым.

Дочь Солнца, в чьей крови пробегают лунные отблески, ты выскользнешь из ненавистных объятий, и Солнце будет тебе защитой, и наконец ты уснешь в объятиях любимого. Но все же беги как можно быстрее и дальше от мщения оскорбленного бога!

И вновь голос замолчал, и я подумал, что это уже конец. Однако я ошибся, ибо через несколько мгновений золотая фигура прорицателя засветилась сильнее прежнего, и изумрудные глаза засверкали еще более зловещим блеском, и почти на крике она произнесла:

– Снега Тавантинсуйу покраснеют от крови, и воды ее рек смешаются с кровью. Да, вы трое пойдете по крови, как вброд, и под кровавым дождем будете срывать плоды ваших желаний. Однако до поры до времени боги Тавантинсуйу будут терпеливы, и цари ее будут править, и ее дети будут свободны. Но в конце концов – смерть богам, и смерть царям, и смерть народу. Однако еще не теперь – еще не теперь! Этого не увидит никто из ныне живущих, ни их дети, ни дети их детей. Римак-голос сказал все; храните его слова в памяти, как сокровище, и толкуйте их как хотите.

Свистящий голос замер, подобно слабому крику ребенка, умирающего голодной смертью в пустыне, и воцарилось глубокое безмолвие. Потом в одно мгновение фигура из золота перестала светиться, и глаза-изумруды погасли, и перед

нами остался лишь мертвый кусок металла. Жрецы расprostерлись на полу, а потом, поднявшись, увели нас из Храма, не произнося ни слова, но при свете фонарей я увидел, что их лица выражали ужас – столь глубокий, что я усомнился в возможности притворства.

Мы вышли тем же путем, каким пришли, и наконец очутились за сверкающими дверьми Храма, где нас ждали паланкины.

– Что это означало? – шепнул я Куилле, которая шла рядом со мной.

– Для тебя и для другого – не знаю, – ответила она поспешно, – но для меня, думаю, это означает смерть. Однако не раньше, чем... не раньше, чем... – и она умолкла.

В этот миг из-за дождевых туч показалась луна и осветила ее поднятое к небу лицо, и ее глаза сияли торжеством.

Впоследствии я узнал, что эти слова самого прославленного оракула страны облетели ее от края и до края и вызвали большие толки и удивление, смешанное со страхом, ибо на памяти многих поколений не было пророчества, исполненного столь глубокого значения. Более того, оно определило мою собственную судьбу, ибо, как я после узнал, Куисманку и его народ вначале решили не отпускать меня от себя. Ведь не каждый день из моря является Белый Бог! И они хотели, чтобы, явившись к ним, у них бы он и остался – как их защитник и предмет их гордости, а с ним и тот отшельник по имени Запана, кому, по их убеждению, он явился на пу-

стынном острове. Но после пророчества Римака все переменялось, и когда я выразил желание покинуть их и сопроводить Куиллу домой, к ее отцу Хуарача, царю народа чанка – который, кстати, успел послать мне через гонца приглашение – Куисманку ответил, что если я так хочу, мне должны повиноваться, как велел бог Римак; но вместе с тем он выразил уверенность в том, что мы непременно еще встретимся.

Обдумывая все эти события, я ломал голову над вопросом, исходило ли это пророчество от золотого Римака, или, быть может, из сердца Куиллы, или из сердца Кари, или от них обоих, желавших, чтобы я оставил юнка и отправился к чанка и еще дальше. Я не знал и не мог надеяться узнать, поскольку все, что касается их богов, эти люди держат в тайне и молчат, как могила. Я спросил у Кари, спросил у Куиллы, но оба посмотрели на меня невинными глазами и ответили – кто они такие, чтобы вдохновлять золотой язык Римака? Никогда не узнал я и того, был ли Римак-Прорицатель духом или просто куском металла, через который говорил какой-нибудь жрец. Я знаю лишь одно: из «конца в конец по всей стране Тавантинсуйу люди верили, что он – дух, который высказывает волю самого бога тем, кто может понять его слова, хотя я, как христианин, не давал этому веры.

И вот несколько дней спустя вместе с Куиллой, Кари и несколькими стариками, которые, как я понял, были жрецами или послами, или тем и другим, я отправился в наше путешествие, Нас несли в паланкинах под охраной примерно

двухсот воинов, вооруженных топорами из меди и луками. На всем пути от дворца люди теснились вокруг моего паланкина и плакали от горя, реального или притворного, и бросали под ноги носильщиков цветы. Но я не плакал, ибо – хотя меня окружили самым радушным вниманием и даже поклонялись мне – я радовался тому, что больше не увижу этого города и его людей, от которых я порядком устал.

К тому же я чувствовал, что оказался в центре какого-то заговора, о котором, правда, ничего не знал, кроме того, что Куилла, эта прелестная и невинная на вид девушка, принимала в нем участие. В существовании заговора я не сомневался; и действительно, как я со временем понял, он заключался не больше не меньше как в подготовке большой войны, которую народы чанка и юнка собирались повести против их общего верховного правителя – Инка, царя могущественного народа куичуа, имевшего свою резиденцию в городе Куско, в глубине материка. Фактически этот союз был уже образован, и именно Куиллой – Куиллой, которая предложила принести себя в жертву и, отдавшись его наследнику, обмануть бдительность Инка, власть которого ее отец собирался захватить, а вместе с ней имперскую корону Тавантинсуйу.

Побережье осталось позади. Теперь нас несли через горные перевалы по удивительной дороге, проложенной с таким совершенством, какого я никогда не видел в Англии. По временам мы пересекали реки, но через них были перекинуты каменные мосты. Случалось, что мы оказывались среди бо-

лот, однако через них шла та же дорога, построенная на глубоком фундаменте, уложенном в вязкой и топкой почве. Ни разу она не свернула в сторону, а бежала все вперед и вперед, преодолевая все препятствия, ведь это была одна из дорог инка – царских дорог, пересекавших Тавантинсуйу из конца в конец. Мы проходили через многие города, ибо эта земля была плотно заселена, и почти каждую ночь останавливались в каком-нибудь из них. И всегда моя слава опережала меня, и курака, или правители городов, оказывали мне почести и приносили дары, как будто я и впрямь был божеством.

В первые пять дней этого путешествия я почти не видел Куиллу, но наконец однажды вечером нам пришлось остановиться в своего рода приюте на вершине высокого горного перевала, где было очень холодно, ибо всюду лежал глубокий снег. В этом месте, где не было никаких курака, столь досаждавших мне в городах, я вышел один, без Кари, и взобрался на пик поблизости от приюта, чтобы посмотреть на закат и подумать в тишине.

Великолепное зрелище открывалось с этой высокой точки. Со всех сторон поднимались холодные вершины одетых снегом гор, вздымавшихся в самое небо, в то время как между ними лежали глубокие долины, по которым, как серебряные нити, бежали реки. Столь огромен был этот пейзаж, что, казалось, нет ему границ, и столь величествен, что он подавлял дух; а вверху выгибался купол совершенного по красоте и величию неба, в котором густая синева уже начала рас-

цвечиваться пылающими красками вечера, по мере того как огромное солнце опускалось за снежные вершины.

Далеко в небе парила на широких крыльях большая одинокая птица – горный орел, который крупнее всех известных мне птиц. Красные отблески заката превращали ее в живое пламя. Я следил за этой птицей, и мне хотелось, чтобы у меня тоже были крылья, которые унесли бы меня в море и дальше – за море.

И, однако, куда бы я улетел – я, у которого на всей земле не было ни дома, ни доброго сердца, которое бы с радостью меня приветствовало? Незадолго до этого я бы ответил: «куда угодно, лишь бы уйти от этого одиночества», но теперь я уже не был столь уверен. Здесь, по крайней мере, был Кари, мой друг, пусть даже ревнивый, хотя в последнее время, как я заметил, он думал не о дружбе, а о других вещах – темных интригах и честолюбивых планах, о которых он почти не говорил со мной.

И потом, здесь была эта странная и прекрасная женщина – Куилла, которая покорила мое сердце, и не только потому, что была прекрасна, и которая, как я думал, смотрела на меня благосклонно. Но даже если так, что мне до этого, если она обещана в жены какому-то высоко стоящему туземцу, который будет царем? Ведь я уже обжегся на женщинах, обещанных в жены другим мужчинам, так что лучше всего оставить ее в покое.

От этих мыслей мной овладело острое чувство одиноче-

ства, и я сел на камень и закрыл лицо руками, чтобы не видеть, как потекут слезы, которыми, я чувствовал, наполняются мои глаза. Да, здесь, среди этого ужасного одиночества, я, Хьюберт из Гастингса, душа которого переполнилась, подобно чаше, сел на камень, как заблудившееся дитя, и заплакал;

Вскоре я почувствовал, что кто-то тронул меня за плечо; я опустил руки, думая, что это Кари нашел меня здесь. И в этот момент я услышал, как мягкий голос – голос Куиллы – произнес:

– Оказывается, боги тоже могут плакать. Почему же ты плачешь, о Бог Морских Волн, прозванный Курачи?

– Я плачу, – ответил я, – потому что я чужой в чужой стране; я плачу потому, что у меня нет крыльев, чтобы улететь, как та большая птица, что парит над нами.

Некоторое время она молча смотрела на меня и потом сказала с неизъяснимой мягкостью:

– И куда бы ты улетел, о Бог-из-Моря? Обрати в море?

– Перестань называть меня богом, – ответил я. – Ты хорошо знаешь, что я лишь человек, хотя и другой расы, чем твоя.

– Я думала об этом, но не знала точно. Но куда бы ты полетел, лорд Курачи?

– В страну, где я родился, леди Куилла; в страну, которую я никогда больше не увижу.

– Ах, несомненно, у тебя там жены и дети, по ком изголо-

далось твое сердце.

– Нет, у меня нет ни жены, ни детей.

– Значит, у тебя когда-то была жена. Расскажи мне о твоей жене. Она была красива?

– Зачем я стал бы рассказывать тебе печальную историю? Она умерла.

– Мертвую или живую, ты все еще любишь ее, а где любовь, там нет смерти.

– Нет, я люблю ее такой, какой ее считал.

– Значит, она была неискренна?

– Да, неискренна, и все же правдива. Так правдива, что умерла потому, что была неискренна.

– Как может женщина быть и неискренной, и правдивой?

– Женщины могут быть всякими в одно и то же время. Спроси об этом собственное сердце. А тебе не случается быть одновременно и неискренней, и правдивой?

Она немного подумала и, не отвечая на этот вопрос, сказала:

– Итак, однажды полюбив, ты не можешь полюбить снова.

– Почему же? Может быть, во мне слишком много любви. Но какой в этом толк? Больше любви – больше потерь и боли.

– Кого же ты мог бы полюбить, милорд Курачи, если женщины твоего народа так далеко отсюда?

– Я думаю, ту, что очень близко, если бы она могла отплатить любовью за любовь.

Куилла промолчала, и я подумал, что она рассердилась

и сейчас уйдет. Но она не ушла; напротив, она села рядом со мной на камень, закрыла лицо руками, как недавно я, и заплакала, как я. Теперь настала моя очередь спросить:

– Почему ты плачешь?

– Потому что мне тоже суждено одиночество, а вместе с тем и стыд, лорд Курачи.

При этих словах сердце мое забилося, и во мне вспыхнула страсть. Протянув руку, я отвел ее руки от ее лица и при умиравшем свете дня всмотрелся в него. О, Боже! Его прелестные черты выражали то, в чем нельзя было ошибиться.

– Так ты тоже, значит, любишь? – прошептал я.

– Да – больше, чем когда-либо любила женщина. В тот момент, как я впервые увидела тебя, спящего в лучах Луны на пустынном острове, я поняла, что моя судьба нашла тебя и что я полюбила. Я боролась против этого, ведь я должна, – но эта любовь все росла и росла, и теперь я вся – любовь, и, отдав все, мне уже нечего отдавать.

Когда я это услышал, я, не отвечая, страстно обнял и поцеловал ее, и она прижалась к моей груди и поцеловала меня в ответ.

– Отпусти меня и выслушай, – прошептала она. – Ведь ты сильный, а я слаба.

Я повиновался, и она снова опустилась на камень.

– Милорд, – сказала она, – наша участь очень печальна, или, по крайней мере, моя, ибо – хотя ты, как мужчина, и можешь любить часто, – я могу любить лишь однажды, а это,

милорд, мне не дозволено.

– Почему? – спросил я хрипло. – Твой народ считает меня богом; разве не может бог взять в жены кого он хочет?

– Не может, если она дала клятву другому богу, тому, кто станет инка; не может, если от нее, может быть, зависит судьба народов.

– Куилла, мы могли бы бежать.

– Куда бы мог бежать Бог-из-Моря, и куда бы могла бежать Дочь Луны, поклявшись стать женой Сына Солнца? Только в могилу.

– Есть вещи, которые хуже смерти, Куилла.

– Да, но моя жизнь отдана в залог. Я должна жить, чтобы мой народ не погиб. Я сама предложила свою жизнь ради этого святого дела и теперь, принадлежа к царскому роду, не могу взять ее обратно ради собственного счастья. Лучше быть посрамленной поступком ради чести, чем быть любимой в плену стыда.

– Так что же теперь? – спросил я с чувством полной безнадежности.

– Только то, что над нами есть боги, и разве ты не слышал пророчества Римака о том, что я выскользну из ненавистных объятий, что Солнце будет мне защитой и что я наконец усну в объятиях любимого; но притом я должна бежать от мщения оскорбленного бога? Я думаю, это означает смерть, но также и жизнь в смерти, и – о, руки любимого, вы – еще обнимете меня! Не знаю, как это случится, но верю – вы еще обнимете

меня! А пока не соблазней меня сойти с дороги чести, ибо я знаю твердо – только она одна может привести меня к моему дому. Однако кто этот бог, которому грозит предательство и от которого я должна бежать? Кто он? Кто?..

Она умолкла. Я тоже молчал. И так сидели мы оба в темноте и молчали, устремляя взоры к небу в поисках путеводной звезды, пока я вдруг не услышал голос Кари:

– Это ты, господин мой, и ты, леди Куилла? Вернитесь, прошу вас, а то все вас ищут и совсем перепугались.

– В самом деле? – ответил я. – Леди Куилла и я – мы изучаем этот чудесный пейзаж.

– Конечно, господин, хотя люди не божественного происхождения едва ли увидели бы что-нибудь в такой темноте. А теперь позвольте, я покажу вам дорогу.

ГЛАВА V. КАРИ ИСЧЕЗАЕТ

Воставшиеся дни нашего путешествия не было случая, чтобы Куилла и я остались наедине друг с другом (то есть не считая одной встречи на несколько минут), ибо мы всегда были на виду у кого-нибудь из наших спутников. Кари, например, всюду следовал за мной, и когда я спросил у него – почему, он без обиняков ответил, что делает это ради моей безопасности. Чтобы бог оставался богом, сказал он, ему следует быть одному, жить в храме. Если он начинает общаться с детьми земли и делать то, что делают они, есть и пить, смеяться и хмуриться, скользить по грязи и спотыкаться о камни на обычной дороге, люди подумали бы, что между богом и человеком не такая уж большая разница. Это тем более пришло бы им в голову, если бы они заметили, что он любит общество женщин или таит под их нежным взглядом.

Эти язвительные стрелы, которые Кари все чаще пускал в последнее время в меня, стали раздражать меня, и я прямо сказал ему, не скрывая, что мне понятен смысл его слов:

– Истинная суть в том, Кари, что ты ревнуешь к леди Куилле, как раньше ревновал к другой женщине.

Он поразмыслил над этим со свойственной ему серьезностью и ответил:

– Да, господин, это правда, или доля правды. Вы спасли мне жизнь и приютили меня, когда я был один в чужой стра-

не, и за это, и ради вас самого, я полюбил вас, а любовь – если то, что говорят о ней, верно, – всегда ревнива и всегда ненавидит соперника.

– Есть разные виды любви, – сказал я, – любовь мужчины и женщины это одно, а мужчины к мужчине – другое.

– Да, господин, а любовь женщины к мужчине – третье. Более того, у нее есть одна особенность – это кислота, которая разъедает все другие виды любви. Где друзья мужчины, когда женщина владеет его сердцем? Хотя, может статься, они любят его гораздо больше, чем может любая женщина, которая в душе сильнее всего любит самое себя. Однако ничего не поделаешь, ибо так велит природа, а кто может бороться с Природой? То, что берет Куилла, Кари теряет, и Кари должен смириться с потерей.

– Ты кончил? – спросил я гневно, устав от его проповедей.

– Нет, господин. Вопрос о ревности сам по себе и мелкий, и личный; вопрос: о любви – тоже. Но, господин мой, вы еще не сказали мне прямо, любите ли вы леди Куиллу, и, что гораздо важнее, любит ли она вас.

– Ну, так я скажу сейчас. Я люблю и она любит.

– Вы любите леди Куиллу, и она говорит, что любит вас, что может быть, а может и не быть правдой, или, если это правда сегодня, то завтра может стать ложью. Ради вас я надеюсь, что это неправда,

– Почему же? – спросил я в ярости.

– Потому, господин, что в этой стране разные яды, как я

узнал на свою беду. А также есть ножи, хотя и не из стали, и много людей, которым, возможно, захотелось бы узнать, может ли бог, ухаживающий за женщинами, как мужчина, пострадать от яда или пасть, пронзенный ножом. О! – добавил он совсем другим тоном, отбросив свои горькие шутки. – Поверьте, что я хотел защитить вас, а не посмеяться над вами. Эта леди Куилла – королева в великой игре, вроде той игры в фигурки⁹, которой вы научили меня в Англии, и без нее эту игру не выиграть, – во всяком случае, так думают игроки. А вы хотите похитить эту королеву и тем самым вызвать, как они тоже думают, гибель и разрушение их страны. Это опасно, господин. В этой стране множество красивых женщин, выбирайте любую, но оставьте в покое королеву.

– Кари, – ответил я, – если такая игра действительно происходит, ты, случайно, не один из игроков на той или другой стороне?

– Может быть, и так, господин, и если вы еще не угадали, на какой, то, возможно, я когда-нибудь скажу вам, с кем я играю. Может быть, со своей стороны я был бы даже рад, если бы вы сняли эту королеву с доски, и то, что я вам говорю, я говорю из любви к вам, а не в своих интересах, а также из любви к леди Куилле, которая в случае вашего падения также падет вместе с вами во тьму черной ночи, в объятия своей матери-Луны. Но я сказал достаточно, да и глупо тра-

⁹ Очевидно, Кари имеет в виду шахматы. (Прим. пер.).

тить время на подобные разговоры, поскольку Судьба распорядится нами обоими, а исход игры, в которой мы участвуем, уже записан для каждого из нас в книге Пачакамака. Разве Римак не сказал об этом в ту ночь? Так что продолжайте, продолжайте играть, и пусть свершится то, чему суждено быть. Если я и посмел давать советы, то лишь потому, что тот, кто наблюдает за битвой глазами полководца, видит больше, чем тот, кто в ней сражается.

Тут он поклонился, как обычно, с серьезным и полным достоинства видом и ушел, и долгое время после этого не заговаривал со мной ни о Куилле, ни о нашей любви друг к другу.

Как только он ушел, мой гнев против него сразу утих, ибо я понял, что он предостерегает меня против гораздо большего, чем то, о чем он осмелился сказать, и делает это не ради себя, а потому, что меня любит. Более того, мне стало страшно; я чувствовал, что попал в сеть какого-то серьезного заговора, мне не известного, невидимые нити которого сплетали и Куилла, и ее приближенные с холодными глазами, и вождь, чьим гостем я недавно был, и сам Кари. Когда-нибудь эти таинственные нити могут затянуться на моей шее. Впрочем, что из того?.. Я боялся только за Куиллу – очень боялся за Куиллу.

На следующий день после нашего разговора с Кари мы наконец достигли большого города чанка, который по имени этого парода тоже назывался Чанка – по крайней мере, я все-

гда знал его под этим названием. С самого рассвета мы проходили по цветущим долинам, где жили тысячи этих чанка, которые, как я понял, составляли могущественный народ и держались гордо и как воины. Они собирались во множестве по обе стороны дороги, в основном чтобы взглянуть на меня, белого бога, поднявшегося из океана, но также чтобы приветствовать свою принцессу, леди Куиллу.

Только теперь я действительно узнал, как высоко ее положение в стране, ибо всякий раз, едва завидев ее паланкин, люди падали ниц и целовали воздух и землю. Вместе с тем поведение самой Куиллы тоже изменилось: ее осанка стала высокомерной, а речь немногословной. Даже со мной она почти не разговаривала, хотя я заметил, что она как будто изучает меня глазами, когда думает, что я на нее не смотрю.

Во время дневной передышки я поднял глаза и увидел, что к нам приближается целая армия не менее чем в пять тысяч человек, если не больше, и спросил Кари, что это значит.

– Это, – ответил он, – часть войск Хуарача, царя народа чанка, которую он выслал вперед, чтобы приветствовать свою дочь и единственное дитя, а также своего гостя – Белого Бога.

– Часть войск? Значит, у него их еще больше?

– Да, господин, в десять раз больше, я думаю. Это очень многочисленный народ, почти такой же, как мой народ куичуа, что живет в Куско. Идите в палатку и наденьте доспехи, чтобы быть наготове, когда они подойдут.

Я последовал его совету и, вернувшись в сияющих доспехах, занял позицию на небольшой возвышенности, там, где указал мне Кари. Справа от меня и немного поодаль стояла Куилла, одетая еще великолепно, чем я до сих пор видел, а позади нее – ее служанки и ее свита.

Армия приблизилась, полк за полком, и остановилась ярядах в двухстах от нас. Тотчас от нее отделились генералы и старики, облаченные в белое, которых я определил как жрецов и старейшин. Их было не меньше двадцати, и, подойдя, они низко поклонились, сначала Куилле, которая в ответ наклонила голову, потом мне. После этого они заговорили с Куиллой и ее окружением, но о чем именно, я не знаю. Но все время этой беседы их глаза были прикованы ко мне. Потом Куилла подвела их ко мне, и один за другим они склонялись передо мной, говоря что-то на языке, которого я почти не понимал, так как он весьма отличался от языка, которому меня научил Кари.

Затем мы снова сели в паланкины и, сопровождаемые этой большой армией, двинулись дальше, по долинам и через горные перевалы, и почти к заходу солнца достигли обширной чашеобразной равнины, в центре которой лежал город Чанка. Когда мы вступили в город, уже спускалась тьма, и я успел только заметить, что он очень большой; а позже я не мог выйти, так как вокруг меня сразу собралась толпа людей. Меня пронесли по широкой улице к дому, окруженному большим садом, обнесенным стеной. Здесь, в этом прекрас-

ном доме, был уже приготовлен ужин, причем и еда, и питье подавались в посуде из золота и серебра; мне прислуживали женщины, а также Кари, которого теперь называли Запана и считали моим рабом.

Когда я поел, я вышел в сад, ибо на этой равнине воздух был очень теплым и приятным. Это был прекрасный сад, и я бродил по его аллеям и среди цветущих кустов, радуясь одиночеству и возможности спокойно подумать. Кроме прочих вещей, меня занимал вопрос, где сейчас Куилла, которую я не видел с той минуты, как мы вошли в город. Мысль о разлуке с ней была мне ненавистна, потому что в этой огромной чужой стране, куда привели меня мои странствия, Куилла была единственной, кто меня привлекал, и я чувствовал, что без нее я просто умру от одиночества.

Правда, со мной был Кари, который любил меня на свой лад, но между ним и мной возникла глубокая пропасть не только из-за различия расы и веры, но и из-за чего-то нового, чего я не мог до конца понять. В Лондоне он был моим слугой, и его интересы и цели были моими интересами и целями; во время моих скитаний он был моим спутником, товарищем во всех приключениях и превратностях. Но теперь я знал, что им овладели иные интересы и желания, и что он идет по дороге, которая ведет к неведомой мне цели, и он уже не думает обо мне, за исключением тех случаев, когда мои действия и желания встали между ним и этой целью.

Поэтому у меня осталась только Куилла, да и ту собира-

ются у меня отнять. О, как я устал от этой чужой земли с ее одетыми снегом горными вершинами и цветущими долинами, с ее ордами темнокожих людей с большими глазами, улыбающимися лицами и скрытными сердцами; с ее большими городами, храмами и дворцами, наполненными бесполезным золотом и серебром; с ее жарким солнцем и быстрыми реками; с ее богами, царями и политикой. Все это было мне совершенно чуждо, и если бы у меня отняли Куиллу и оставили в полном одиночестве, тогда – думал я – лучше мне просто умереть.

Вдруг за стволом одной из пальм в аллее, по которой я шел, что-то зашевелилось; и, не зная, зверь это или человек, я положил руку на рукоятку меча, который все еще был при мне, хотя я и снял доспехи. Однако в этот же миг кто-то схватил меня за запястье, и мягкий голос шепнул мне на ухо:

– Не бойся ничего, это я, Куилла.

Это была она, в широком и длинном плаще с капюшоном, какие носят крестьянки в холодных странах. Она откинула капюшон, и мерцающий свет звезд упал на ее лицо.

– Послушай! – сказала она. – Это опасно для нас обоих, но я пришла проститься.

– Проститься! Я знал, что так будет, но почему так скоро, Куилла?

– Вот по какой причине, любовь моя и повелитель.

Я видела своего отца и доложила ему о деле, по которому была послана к царю юнка. Он остался доволен, и, видя его

милостивое расположение ко мне, я открыла ему свое сердце и призналась, что уже не хочу стать женой Урко, который скоро будет Инка, – ибо ты ведь знаешь, что именно ему я обещана в жены!

– И что он ответил, Куилла?

– Он ответил: «Это означает, дочь моя, что ты встретила какого-то другого, мужчину, за которого ты хочешь замуж. Не стану спрашивать его имя, ибо если бы я узнал, кто он, моим долгом было бы убить его, как бы высок и благороден он ни был».

– Значит, он догадался, Куилла?

– Я думаю, догадался; я думаю, что кто-то уже нашептал ему на ухо, но тот, кто хочет оставаться глух и слеп, не желает слушать.

– Он больше ничего не сказал, Куилла?

– Он сказал гораздо больше. Он сказал – сейчас я открою тебе то, что секретно, и вверяю тебе свою честь, но раз уж я тебе рассказала одно, почему бы не сказать и другое? – мой отец сказал: «Дочь, ты была моим посланцем, ты мое единственное дитя, и ты знаешь также, что готовится самая большая война, какую когда-либо знала страна Тавантинсуйю, война между двумя могущественными народами – куичуа из Куско, у которых старый Упанки царь и бог, и чанка, над которыми царь – я, а ты, если ты доживешь до того дня, будешь царицей. Эти два льва не могут больше жить в одном и том же лесу; один из них должен сожрать другого; кроме того,

я не буду одинок в этой битве, поскольку на моей стороне все юнка побережья, которые, как ты тоже мне сообщила, созрели для восстания. Но – как видно из твоего доклада и из других сообщений – они еще не совсем готовы. Пройдет еще немало полнолуний, прежде чем их армии присоединятся к моим, и я сброшу маску. Разве не так?»

Я отвечала, что так, и отец продолжал:

«Тогда в течение всего этого времени нужно поднять облако пыли, которое бы скрыло блеск моих копий, и ты, дочь, будешь этим облаком. Завтра меня посетит старый инка Упанки с небольшой армией. Я читаю твои мысли: почему ты не убьешь его и его армию? Вот почему, дочь моя. Он очень стар и, одряхлев душой и телом, собирается сложить свою власть. Если бы я убил его, то что бы это мне дало, учитывая, что он оставит своего сына Урко своим наследником, и тот станет Инка и будет править в Куско, и с ним будет вся его армия? Кроме того, ведь Упанки – мой гость, а боги неблагосклонны к тем, кто убивает своих гостей, да и люди теряют к ним доверие».

Тогда я ответила: «Ты говорил обо мне как об облаке пыли, отец; но каким образом эта бедная пыль послужит твоим интересам и интересам народа чанка?»

«А вот каким, дочь, – ответил он. – С твоего же согласия ты обещана в жены Урко. До Упанки дошли слухи, что чанка готовятся к войне. Поэтому, отправляясь в свой последний объезд некоторых своих владений, он посетит меня, чтобы

увезти тебя как невесту Урко, говоря себе: „Если эти слухи верны, царь Хуарача не отдаст нам свою единственную дочь и наследницу, ибо он никогда не пойдет войной на Куско, если она будет там царицей“. Если я откажусь отдать тебя в жены для его сына, он уедет и начнет войну, и его многочисленные полчища нагрянут на нас прежде, чем мы будем готовы к отпору, и принесут народу чанка гибель и рабство. Поэтому не только моя судьба в твоих руках, но и судьба всей твоей страны».

«Отец, – сказала я, – ты всегда любил меня, не имея сына; так скажи мне, неужели нет никакого выхода? Неужели должна я вкусить этого горького хлеба? Но, прежде чем ответить, узнай, что ты угадал, и что я, пообещав стать женой Урко, когда меня не привлекал ни один мужчина, чувствую теперь жаркий огонь любви».

Тогда он посмотрел на меня долгим взглядом и потом сказал: «Дитя Луны, есть только один выход, но его можно найти только на луне. Мертвых не выдают замуж. Если твое затруднение столь тяжело, то – хотя это меня поразит в самое сердце – лучше всего, может быть, тебе умереть и уйти туда, куда, несомненно, последует за тобой тот, кого ты любишь. А теперь иди и во сне спроси совета у неба. Завтра до появления Упанки мы поговорим еще раз».

И я стала на колени и поцеловала руку царя-отца моего, дивясь благородству того, кто мог указать такой путь своей единственной дочери, хотя для него это означало большое

горе и, может быть, крах всех его надежд. И все же этой дорогой издавна идут многие женщины моего народа – так почему же я не могу поступить так, как до меня поступали тысячи женщин?

– Как ты попала сюда? – спросил я хрипло.

– Я догадалась, что ты будешь гулять в этом саду, ведь он примыкает к дворцу; поблизости никого не было, и дверь в стенке открыта. Мне даже показалось, что меня намеренно оставили одну. И так я вошла... и искала тебя... и нашла, ибо я хочу задать тебе один вопрос.

– Какой вопрос, Куилла?

– Жить мне или умереть? Скажи слово, и я повинуюсь. Но прежде чем ты скажешь, вспомни, что если мне жить, то мы видимся в последний раз, так как очень скоро я уеду отсюда, чтобы стать женой Урко и сыграть уготованную мне роль.

Слыша эти слова, я, Хьюберт, чувствовал, как сердце мое разрывается, и не знал, что сказать. Чтобы выиграть время, я спросил ее:

– А чего ты хочешь – жить или умереть? Она, слегка усмехнувшись, ответила:

– Станный вопрос ты задал, Повелитель. Разве я не сказала тебе, что если я останусь жить, я оскверню себя, став одной из женщин Урко, а если умру, то умру чистой и унесу свою любовь туда, куда Урко прийти не может, но куда, может быть, в назначенный срок за мной последует другой.

– И этот срок придет очень скоро, Куилла, ибо, я думаю,

тому, кто разрушит весь этот прелестный заговор, едва ли позволят долго оставаться на земле – даже если бы он этого хотел. И все же я скажу: не умирай – живи.

– Чтобы стать женщиной Урко! Станный совет из уст любимого, Повелитель. Такой совет едва ли дал бы кто-нибудь из наших знатных людей,

– Да, Куилла, и я даю его потому, что я не из ваших людей и думаю не так, как они, и отвергаю их обычаи. Ты еще не жена Урко и можешь избавиться от него другими путями, кроме смерти; а из могилы выхода нет.

– Но в могиле нет больше и страха, Повелитель. Туда не может прийти Урко; там нет ни войн, ни заговоров; там честь не призывает, и любовь возьмет свое. И я отвечаю на твой вопрос: я умру и покончу со всем, как по такой же причине делали многие, в ком течет та же кровь, что во мне, хотя это было в другом месте и в другое время. Когда меня доставят к Урко, я умру, и, может быть, не одна. Может случиться, что он составит мне компанию, – медленно добавила она.

– И если это случится, что мне делать?

– Живи, Повелитель, и найди другую среди женщин, которая будет любить тебя, как и подобает богу. В этой стране много женщин красивее и мудрее, чем я, и, кроме меня, ты можешь взять какую хочешь.

– Послушай, Куилла. Я расскажу тебе одну историю. И я вкратце рассказал ей о Бланш и о ее смерти. Она жадно ловила каждое мое слово.

– О, как мне жаль тебя, – сказала она, когда я кончил.

– Ты жалеешь меня и, однако, хочешь ради меня сделать то же, что сделала ради меня она. Так что в, каком-то смысле обе мои руки окрасятся кровью. Тот первый ужас я пере-нес, но если на меня обрушится другой, я знаю, что сойду с ума или так или иначе погибну, и ты, Куилла, будешь моим убийцей.

– Нет, нет, только не это! – пробормотала она.

– Тогда клянись мне твоим богом и твоим духом, что ты не причинишь себе никакого вреда, что бы ни случилось, и что, если тебе суждено умереть, ты умрешь вместе со мной.

– Твоя любовь так велика, что ты дерзнул бы так сделать ради меня, Повелитель?

– Так я думаю – но только в случае, если все другие средства окажутся бессильными. Я думаю, что, если бы тебя у меня отняли, Куилла, я не смог бы жить здесь в одиночестве и изгнании, как ни велик грех самоубийства. Но ты клянешься?

– Да, любовь моя и Повелитель, клянусь – ради тебя. Я добавлю еще: если бы нам удалось избежать этих опасностей и соединиться, я буду тебе такой женой, какой не имел ни один мужчина. Я окружу тебя любовью и возвышу до царского престола, чтобы ты жил в славе и величии и забыл твой дом за морем и все горести, которые там тебя постигли. У тебя будут дети, которых тебе не придется стыдиться, хотя в них и будет течь моя темная кровь; и послушные тебе ар-

мии; и дворцы, полные золота, и все царские радости. А если случится, что боги обратятся против нас, и мы покинем этот мир вдвоем, тогда, я думаю, – о! Тогда, я думаю, я принесу тебе дары еще прекраснее, чем эти, хотя еще не знаю, какими они будут. Но сила любви не знает границ – ни здесь, на земле, ни там, в небесах.

Я всматривался в ее лицо при мерцающем свете звезд и – о, как оно было прекрасно! Это не было лицо обычной женщины, ибо в нем, как свет сквозь жемчужину, сияла божественная душа. Рядом со мной могла стоять богиня, такой святой чистотой светились ее глаза, а в ее крепком объятии была не только страсть плоти.

– Мне пора, – шепнула она, – но теперь я ухожу, и нет во мне страха. Может, нам долго не удастся говорить друг с другом, но верь мне всегда. Играй свою роль, а я сыграю свою. Следуй за мной, куда бы меня ни увезли, и держись, если сможешь, поблизости, так же как мой дух будет всегда близ тебя. А тогда что может иметь значение, даже если нас убьют? Прощай же, любимый, поцелуй меня и прощай!

Еще миг, и она выскользнула из моих рук и потерялась среди теней.

Она ушла, а я стоял, потрясенный и полный изумления. О, какой любовью одарила меня эта женщина чуждого мне народа, и как мне стать достойным такой любви? Я забыл свои горести; я больше не оплакивал свое положение изгнанника, который никогда не вернется на родину и не увидит лица

соплеменника. Нас окружали опасности, но я уже не боялся их, потому что знал, что ее побеждающая любовь растопчет их и благополучно приведет меня в сокровищницу радости и богатства духа и тела, где мы будем жить друг подле друга, торжествуя и не зная страха.

Так размышлял я, охваченный восторгом, какого не испытывал с тех пор, как Бланш поцеловала меня в губы у гастингской пещеры, после того как я убил трех французов тремя стрелами, спустив их с моего черного лука. Вдруг я услышал какой-то шорох и, подняв глаза, увидел, что передо мной стоит человек.

– Кто это? – спросил я, схватившись за меч, ибо тьма скрывала его лицо.

– Я, – ответил голос, в котором я узнал голос Кари.

– Но как ты попал сюда? Я не видел, чтобы кто-нибудь прошел по аллее.

– Господин, вы не единственный, кто любит гулять в садах в тишине ночи. Я был здесь раньше, чем вы, вон за тем деревом, – и он показал на пальму шагах в трех от меня, если не меньше.

– Тогда, Кари, ты, конечно, видел...

– Да, господин, видел и слышал – не все, потому что был момент, когда я закрыл глаза и заткнул уши, – но все же достаточно много.

– У меня сильное желание убить тебя, Кари, – сказал я сквозь зубы, – за то что ты за мной шпионил.

– Я догадался, что так будет, господин мой, – ответил он мягчайшим тоном, – и потому, как вы, может быть, заметили, держусь на достаточном расстоянии от вашего меча. Вас удивляет, почему я здесь? Скажу вам. Отнюдь не из желания наблюдать ваши любовные объяснения, от которых я устал, ибо видел такое раньше; но скорее для того, чтобы подобрать секреты, которые любовь всегда роняет по пути. И я действительно узнал эти секреты. Разве я мог бы узнать их иначе?

– Ты несомненно заслуживаешь смерти! – вскричал я в ярости.

– Не думаю, господин. Но выслушайте и судите сами. Я уже рассказал вам кое-что из моей истории, а теперь вы услышите кое-что еще, после чего мы поговорим о том, чего я заслуживаю, а чего – нет. Я – старший сын Инка Упанки, а Урко, о котором вы тут говорили, мой младший брат. Но наш отец, Упанки, любил мать Урко, а мою не любил, и поклялся той, когда она умирала, что ее сын Урко будет царствовать вместо него. Но так как это против закона и права, то он возненавидел меня за то, что я стою на пути Урко; поэтому столько бед и выпало мне на долю. Меня отдали в руки Урко, так что он отнял у меня жену и пытался отравить меня; остальное вам известно. И вот теперь мне нужно было узнать, как обстоят дела, поэтому я и подслушал разговор между вами и некой леди. Он открыл мне, что Упанки, мой отец, прибывает сюда завтра (о чем я, правда, уже знал), и многое другое, чего я до сих пор не слышал. Обстоятельства

таковы, что я должен исчезнуть, – ведь Упанки или его советники, несомненно, узнают меня, а так как все они – друзья Урко, то вполне возможно, что мне пришлось бы отвезти еще какого-нибудь, и притом более сильного, яда.

– Куда же ты исчезнешь, Кари?

– Не знаю, господин, а если и знаю, то не скажу: меня ведь только что научили, как секреты могут передаваться от уха к уху. Мне надо скрыться, и этого достаточно. Однако не думайте, что из-за этого я брошу вас. на произвол судьбы: нет, пока я жив, я буду охранять вас, чужого в моей стране, как вы охраняли меня, когда я был чужим у вас в Англии.

– Спасибо тебе, – ответил я, – что ты так хорошо следишь за мной, иногда даже слишком хорошо, как я обнаружил сегодня ночью.

– Вы думаете, мне приятно шпионить за вами и некой леди, – невозмутимо продолжал Кари, – но это не так. То, что я делаю, я делаю из серьезных соображений, в частности, чтобы защитить вас обоих и, если смогу, осуществить то, чего вы желаете. У этой леди, как я только что узнал, благородное сердце, и в конце концов хорошо, что вы полюбили ее, а она – вас. Поэтому, несмотря на все опасности, я помогу вам в вашей любви, если это в моих силах, и вас сведу вместе, да, и спасу ее от объятий Урко. Нет, не спрашивайте, как – я еще сам не знаю, а положение, по всей видимости, отчаянное.

– Но если тебя не будет, что я стану делать один? – с тревогой спросил я.

– Оставайтесь тут, я думаю, и скажите, что ваш слуга Запана покинул вас. Пожалуй, именно так и придется поступить, поскольку царь этой страны едва ли допустит, чтобы вы были спутником его дочери во время ее свадебного путешествия в Куско, даже если этого пожелает Упанки. Да это было бы и неумно, ибо, если бы он даже отпустил вас, несчастье могло бы постичь вас по дороге. Есть женщины, Повелитель, которые не могут погасить в глазах огонь любви, а отныне за этими глазами будет следить множество наблюдателей, и многие будут прислушиваться к самым тайным вздохам той, что выше их всех. А теперь прощайте – пока я не приду к вам снова или не пришлю других от моего имени. Доверьтесь мне, прошу вас, ибо если я и могу показаться кому-нибудь лживым, вам я всегда верен; да, вам и одной другой, потому что она стала частицей вас.

Прежде чем я мог ответить, Кари взял мою руку и прикоснулся к ней губами. Еще мгновение, и я потерял его из виду в темноте.

ГЛАВА VI. ВЫБОР

В ту ночь я почти не спал, потрясенный всем, что со мной случилось хорошего и плохого. Я обрел чудо-любовь, но та, что подарила мне ее, казалось, потеряна для меня и отдана другому – кого она ненавидит, – чтобы способствовать осуществлению темных политических планов большого и воинственного народа. Я говорил ей высокие слова надежды, но в душе мало надеялся на счастливый исход. Она выполнит до конца то, что считает своим долгом, а этим концом – если она выполнит свое обещание и не умрет, как она хотела, – будут объятия Урко. Я не видел для нее способа избежать их, и мысль об этом сводила меня с ума. А тут еще Кари исчез, оставив меня в полном одиночестве среди чуждых мне людей, и я не знал, вернется ли он когда-либо.

Наконец наступило утро, и я поднялся и послал за своим слугой Запана. Вместо него пришли другие и сказали, что мой слуга исчез, по поводу чего я изобразил удивление и гнев. Но эти другие усердно мне прислуживали, и я поднялся и позавтракал пышно и с помпой. Едва я поднялся, явились герольды и вызвали меня к царю Хуарача.

Я отправился туда в паланкине, хотя стрела из моего лука долетела бы туда от двери до двери. Перед порталом дворца, похожим на все другие, что я видел, только более декоративным, меня встретили воины и ярко одетые слуги, ко-

которые провели меня через внутренний дворик, приготовленный, как я заметил, для какой-то церемонии, в небольшой зал. Здесь, когда мои глаза привыкли к полутьме, я увидел человека лет шестидесяти и позади него – двух воинов. Я сразу заметил, что все, что окружало этого человека, отличалось скромностью и простотой: зал, в котором почти ничего не было, кроме четырех побеленных стен и каменного пола, стул, на котором он сидел, и даже его одеяние. Здесь не было ни золота, ни серебра, ни расшитых тканей, ни жемчужин или других богатых и драгоценных вещей, которые любят эти люди; и вся обстановка скорее напоминала ту, что приличествует воину. Воином он и был, во всяком случае на вид, – грубоватый и широкоплечий, со шрамом на простом лице, на котором светились глаза, приветливые и пронизательные.

Когда я вошел, царь Хуарача (ибо это был он) поднялся со стула и поклонился мне; я тоже поклонился в ответ. Потом он знаком велел одному из воинов подать мне другой стул, на который я и сел, и сильным низким голосом на языке, которому меня научил Кари, сказал, обращаясь ко мне:

– Привет тебе, Белый-Бог-из-Моря, или златобородый человек по имени лорд Курачи (не знаю, что из двух верно), о котором я много слышан и которому рад в моем бедном городе. Скажи, понимаешь ли ты мою речь?

Так говоря, он испытующе смотрел на меня, хотя я заметил, что его глаза были скорее устремлены на мои доспехи и

большой меч Взвейся-Пламя, нежели на мое лицо.

Я ответил на его приветствие и сказал, что понимаю язык, на котором он говорит, хотя и не очень хорошо, после чего он заговорил о доспехах и о мече, которые озадачили его, поскольку он никогда не видел стали.

– Сделай мне что-нибудь подобное, – сказал он, – и я дам тебе золота в десять раз больше весом, чем весят эти вещи. В конце концов, какая мне польза от золота, ведь им нельзя убивать врагов.

– В моей стране золотом можно развратить их, – ответил я, – или купить их дружбу.

– Так у тебя есть страна, – прервал он меня с хитрым видом. – Я думал, что боги не имеют стран.

– Даже боги где-нибудь живут, – возразил я.

Он засмеялся и, обернувшись к двум воинам, которые тоже не отрывали глаз от моих доспехов и меча, велел им выйти. Когда за ними захлопнулась тяжелая дверь, он сказал:

– Милорд Курачи, я слышал от моей дочери, как она нашла тебя в море, это целая история. Я также слышал или догадался – это не важно – что ее сердце к тебе потянулось: это совсем не странно, видя, что ты за человек (если, конечно, ты не более, чем человек), и зная, что женщины всегда склонны любить тех, кого они, по их мнению, спасли. Это верно, милорд Курачи?

– Спроси леди Куиллу, о царь.

– Может статься, я ее и спрашивал; по крайней мере, ты

этого не отрицаешь. А теперь послушай, милорд Курачи. Ты мой почтенный гость и все, что я имею – кроме одного – твое, но ты больше не должен разговаривать с леди Куиллой один на один, ночью в саду.

Не пытаясь отрицать или объяснять то, что отрицать или объяснять было бесполезно, поскольку я видел, что он все знает, я смело спросил:

– Почему?

– Я думал, что, может быть, моя дочь сказала тебе, лорд Курачи, но раз ты желаешь слышать это также из моих уст, то вот почему. Леди Куилла обещана в жены, и пока она жива, это обещание должно быть выполнено, поскольку от этого зависит судьба народов, Поэтому, хотя мне и жаль разлучать такую пару, ты и она не должны встречаться в саду или в любом другом месте. Знай, что, если это случится, ты погубишь и ее, и себя – если боги могут умирать.

Я немного подумал и ответил:

– Это суровые и грозные слова, царь Хуарача, ибо не скрою от тебя, что люблю твою дочь, и что она любит меня и желает, чтобы я стал ее мужем.

– Знаю и глубоко сочувствую вам обоим, – сказал он учтиво.

– Царь Хуарача, – продолжал я, – я вижу, что ты воин и повелитель армий, и мне пришло в голову, что, возможно, ты мечтаешь о войне.

– Боги видят далеко, Белый Повелитель.

– Ну, бог или человек, но я тоже воин, царь, и я знаю искусство боя, которое, возможно, неведомо тебе и твоему народу; к тому же я неуязвим – магические доспехи, которые я ношу, защищают меня от любого оружия, и никто не может устоять передо мной в битве из-за моего магического меча, и я могу руководить боем, как военачальник. В большой войне, царь, я бы мог быть тебе полезен, если б я был мужем твоей дочери, а значит, и твоим сыном и другом, и своим искусством решил бы вопрос о победе или поражении в твою пользу и на благо твоего народа,

– Не сомневаюсь, что так, о Сын Моря.

– Таким же образом, царь, будь я на стороне врагов твоих, я мог бы принести им победу, а тебе нанести поражение. Кому ты хочешь, чтобы я служил – тебе или им?

– Я желаю, чтобы ты служил мне, – ответил он с живостью. – Служи мне, и все богатства этой земли будут твои, и руководство армией под моей властью. У тебя будут дворцы и поля, золото и серебро, и самые красивые женщины будут твоими женами, и тебе будут поклоняться как богу, а после моей смерти ты станешь царем не только моей страны, но – как знать? – может быть, и другой, гораздо большей.

– Хорошее предложение, царь, но этого недостаточно. Отдай мне твою дочь Куиллу и можешь оставить себе все остальное.

– Не могу, Белый Повелитель, ибо, сделав так, я бы нарушил свое слово.

– Тогда, царь, я не могу служить тебе и стану тебе не другом, а врагом, разве что ты раньше убьешь меня, если это в твоих силах.

– Разве можно убить бога, а если – да, то разве можно убить гостя? Повелитель, ты же знаешь, что нельзя. Однако гостем он может остаться. Ты явился в мою страну и в моей стране останешься, разве только у тебя есть крылья под твоей серебряной одеждой. Куилла уедет, но ты останешься здесь, милорд Курачи.

– Может быть, я и найду себе крылья, – ответил я.

– Да, Повелитель, ведь говорят, что мертвые улетают. Если я не могу тебя убить, то другие могут. Поэтому мой совет тебе: моя бедная страна – твоя, и не пытайся следовать за луной (он имел в виду Куиллу) в золотой город Куско, который отныне должен стать ее домом.

Сказать больше было нечего, поскольку между нами была как бы объявлена война, и я поднялся, чтобы проститься с этим царем. Он тоже поднялся, потом как будто его осенила неожиданная мысль, сказал, что желает говорить с моим слугой Запана, с которым леди Куилла нашла меня на острове. Я ответил, что это невозможно, так как Запана исчез, куда – я не знаю.

При этом известии он как будто встревожился и начал было спрашивать меня о том, кем может быть этот Запана и каким образом он стал моим спутником, как вдруг дверь открылась и в комнату вошла Куилла, одетая даже еще ве-

ликолепнее и более прелестная, чем я ее когда-либо видел. Она поклонилась сперва царю, потом мне, и сказала:

– Повелитель и отец мой, я пришла сказать, что Инка Упанки приближается сюда со своими вельможами и военачальниками.

– В самом деле, дочь? – ответил он. – Тогда простись сейчас, тут же, с этим Белым Сыном Моря, поскольку я желаю, чтобы ты отправилась с Упанки в Куско, Город Солнца, где ты станешь женой принца Урко, сына Солнца, который скоро сядет на трон Инка.

– Я прощаюсь с лордом Курачи, как ты велишь, – ответила она очень спокойно, – но знай, отец, что я люблю этого Белого Повелителя, так же как и он любит меня, и что поэтому, хотя меня и могут отдать принцу Урко, как отдают золотую чашу, никогда он не выпьет из этой чаши и никогда я не буду его женой.

– Ты смелая, дочь, а я люблю смелость, – сказал Хуарача. – В общем, если ты сможешь ускользнуть от этого змея Урко прежде, чем он тебя ужалит, беги, поскольку свой уговор я выполнил, и честь моя не пострадает. Но только ни ты не вернешься сюда к лорду Курачи, ни лорд Курачи не поедет к тебе в Куско.

– Это уж как велют боги, отец, а пока я сыграю свою роль так, как велишь ты. Лорд Курачи, прощай до поры, когда мы снова встретимся – в жизни или смерти.

Тут она поклонилась мне и ушла, а следом за ней, не го-

вора ни слова, вышли и мы.

Перед дворцом было широкое открытое пространство, окруженное домами со всех сторон, кроме восточной, и на этой площади выстроился отряд воинов в парадной одежде и вооруженных копьями с медными наконечниками. Перед ними была раскинута большая палатка из разноцветных тканей. В ней на высоком троне восседал царь Хуарача в простом белом одеянии, но увенчанный небольшой золотой короной, и с большим копьем в руке. Справа от него на более низком троне сидела Куилла, а слева возвышался еще один трон, инкрустированный золотом и пока никем не занятый. Между ним и тронном Хуарача стоял украшенный серебром стул, предназначенный для меня и помещенный так, чтобы все могли меня видеть; а позади и вокруг расположились вельможи и военачальники;

Едва мы все заняли свои места, как в глубине площади из восточного выхода появились герольды, которые держали в руках копья и были фантастически одеты. Они провозгласили, что Инка Упанки, Дитя Солнца – бога, который правит миром, – уже близко.

– Пусть он прибудет! – кратко сказал Хуарача, и герольды удалились.

Немного погодя до нас донеслись звуки варварской музыки и протяжное пение, и на площади показался сверкающий паланкин, который несли на плечах богато разодетые люди – как мне сказали позже, все до единого царского рода, –

и окружали красивые женщины с украшенными жемчугом опахалами в руках, и царские советники. Это был паланкин Инка Упанки, и за ним следовала охрана из отборных воинов, человек сто, не более.

Паланкин опустили перед тронем, позолоченные занавеси раздвинулись, и из него вышел человек, от одежды которого слепило глаза. Казалось, она вся состояла из золота и драгоценных камней, нашитых на мантию из малиново-красной шерстяной ткани. Два пера, носить которые мог только он один, венчали его яркий головной убор, с которого на его лоб свисала бахрома, сделанная из переплетающихся кисточек из шерсти. Это была корона Инка, даже прикосновение к которой означало смерть и которая называлась Лауту. Инка был очень стар, его совершенно белые волосы и борода ниспадали на его пышную одежду, и он опирался на свой царский посох, увенчанный большим изумрудом. Его тонко очерченное лицо, хотя еще и сохранявшее царственное выражение, было отмечено печатью дряхлости, а глаза были мутны. При его появлении все встали, и Хуарача спустился по ступеням трона, произнеся громким голосом:

– Добро пожаловать в страну Чанка, о Упанки, Инка народа Куичуа.

С минуту старый монарх вглядывался в него и затем слабым голосом ответил:

– Привет Хуарача, Курака страны Чанка. Хуарача поклонился и сказал:

– Благодарю тебя, но здесь, среди моего народа, мой титул не курака, я царь, о Инка.

Упанки выпрямился во весь рост и возразил:

– По всей земле Тавантинсуйу Инка не знает других царей, кроме самого себя, о Хуарача.

– Будь так, о Инка; и все же чанка, народ, который непобедим, знает еще одного царя, и этот царь – я. Прошу тебя, садись, о Инка.

Какое-то мгновение Упанки продолжал стоять, не двигаясь и хмурясь, и мне казалось, собираясь ответить, как вдруг его взор упал на меня, и это изменило ход его мыслей.

– Не это ли Белый-Бог-из-Моря? – спросил он с почти детским любопытством. – Я слышал, что он здесь, и, сказать по правде, поэтому и прибыл сюда, чтобы взглянуть на него, а вовсе не затем, чтобы пререкаться с тобой, о Хуарача, с кем, говорят, можно разговаривать лишь острием копья. Какая рыжая у него борода, и как сияет его наряд! Пусть он подойдет и преклонится передо мной.

– Он подойдет, но не думаю, что он станет поклоняться тебе. Говорят, он сам – бог, о Инка.

– Вот как? Впрочем, я действительно припоминаю странное пророчество о белом боге, который должен подняться из моря, подобно прародителю Инка. Говорят также, что этот бог принесет много зла той стране, где он появится. Так что пусть он лучше не приближается ко мне – мне не нравится вид его большого меча. Клянусь Солнцем – моим отцом, он

высокий, и огромный, и сильный (я встал со стула), а борода его, как огонь; она зажжет сердца всех женщин, хотя если он бог, то, может быть, его не интересуют женщины. Я должен посоветоваться со своими магами и с верховным жрецом Храма Солнца. Скажи Белому Богу, пусть он готовится вернуться со мной в Куско.

– Лорд Курачи – мой гость, о Инка, и у меня он и останется, – сказал Хуарача.

– Вздор, вздор! Когда Инка приглашает кого-то к своему двору, тот должен приехать. Но довольно об этом. Я приехал говорить о других делах. Что же это было? Дай мне сесть и подумать.

Тут же его провели к трону, на который он сел и попытался напрячь свою память, которая, как я видел, с возрастом весьма ослабла. Кончилось тем, что он призвал на помощь своего министра – человека средних лет с суровым лицом и уклончивым взглядом, который, как я позже узнал, был верховным жрецом по имени Ларико, личным советником царя и его сына Урко и одним из самых могущественных людей страны. Я заметил, что он принадлежит к рангу «ушников», ибо, подобно Кари, он носил в одном ухе золотой диск величиной с яблоко, на котором было изображено солнце.

По знаку и слову своего дряхлого хозяина этот Ларико стал говорить за него, как будто он сам Инка. Он сказал:

– Слушай, о Хуарача. Я предпринял это утомительное путешествие, последнее, пока я еще Инка, ибо да будет тебе

известно, что я намерен передать царскую корону моему наследнику Урко, рожденному мною телесно и Солнцем – духовно, и окончить свои дни в мире и покое в моем дворце Юкэй, терпеливо ожидая, когда моему отцу Солнцу будет угодно принять меня в свое лоно.

Здесь Ларико сделал паузу, дабы его слушатели могли осознать это великое известие, а я подумал, что если бы мне пришлось умирать, я бы предпочел любое другое лоно, но только не Солнце, которое вызывало в моем воображении картину ада. Затем Ларико заговорил снова:

– До меня – Инка – дошли слухи, что ты, Хуарача, вождь Чанка, готовишься к войне против моей империи. Чтобы проверить, так ли это, хотя я и не поверил этим слухам, я недавно направил тебе послов – просить твою единственную дочь, леди Куиллу, в жены моему сыну Урко, обещая, что, поскольку у него нет сестры, на которой он мог бы жениться, а с материнской стороны у твоей дочери течет в жилах священная кровь Инка, – она станет его Койя, или царицей, и матерью того, кто впоследствии унаследует трон.

– Твое посольство прибыло, о Инка, и получило мой ответ, – сказал Хуарача.

– Да, и ответом было то, что леди Куилла будет отдана в жены принцу Урко, но поскольку она отбыла с визитом, это случится после ее возвращения. Но с тех пор, о Хуарача, до меня опять дошли слухи, что ты все-таки готовишься к войне и ищешь союза среди моих подданных, склоняя их к вос-

станию против меня. Поэтому я здесь сам, и мое намерение – увезти леди Куиллу и передать ее принцу Урко.

– Почему же принц Урко не явился сюда лично, о Инка?

– Вот почему, Хуарача, – ибо я ничего не хочу от тебя скрыть. Если бы он прибыл сам, ты бы устроил ему ловушку и убил бы его – надежду Империи.

– Я бы мог сделать то же и с тобой, его отцом, о Инка.

– Да, знаю. Но какую пользу принесла бы тебе моя смерть, если Урко сидит в безопасности в Куско, готовый принять Корону? К тому же я стар и сделал свое дело, так что для меня не так уж важно, когда и как я умру. Более того, мало кто захочет гневить богов убийством старика-гостя, и поэтому я и прибыл к тебе, сидящему здесь среди своих полчищ, с одной лишь горсточкой спутников, доверяя твоей чести и полагаясь на моего отца, Солнце, которые будут мне защитой. Так ответь же мне теперь, отдаешь ли ты руку твоей дочери моему сыну или начнешь войну против моей империи на погибель себе и своему народу?

Здесь Упанки, который до сих пор молча внимал словам Ларико, которые тот произносил от его имени, вмешался, и сказал:

– Да, да, совершенно верно, только дай ему понять, что Инка будет над ним повелителем, поскольку Инка не может иметь соперников ни в одной стране,

– Вот мой ответ, – сказал Хуарача, – я отдам свою дочь в жены, как обещал, но чанка – свободный народ, и не примет

никакого сверхповелителя.

– Глупости, глупости! – сказал Упанки. – С таким же успехом дерево могло бы сказать, что оно не хочет сгибаться под ветром. Однако ты можешь решить этот вопрос после, с Урко, и даже со своей дочерью, которая будет его женой и твоей наследницей, ибо, как я понимаю, у тебя нет других законных детей. К чему говорить о войне и других неприятностях, если твое царство и так перейдет к нам через этот брак? А теперь я хочу видеть эту леди Куиллу, которой суждено стать моей дочерью.

Хуарача, который выслушал весь этот лепет с каменным лицом, повернулся к дочери и подал ей знак. Она поднялась со своего места и, приблизившись, остановилась перед Инка, как воплощение величия и красоты, и поклонилась ему. Некоторое время он разглядывал ее, как и вся его компания, и потом сказал:

– Итак, ты – леди Куилла. Красивая женщина, очень красивая; такая, какая способна вести Урко по верной дороге – если кто-нибудь может. И имя хорошее – в честь луны, ибо в твоих глазах как будто сияет лунный свет, леди Куилла. Право же, право же, будь я лет на двадцать моложе, я бы велел Урко искать другую царицу, а тебя оставил бы себе.

Тут Куилла сказала, первый раз за все это время:

– Да будет твоя воля, о Инка. Я обещана в жены Сыну Солнца, а которому сыну – мне все равно.

– Хорошо сказано, леди Куилла, да и чему тут удивляться? Хотя я и старею, говорят, что я все еще красив, гораздо красивее Урко, если сказать правду, ибо он – человек грубый и более сурового типа. Спроси у моих жен, когда приедешь в Куско; на днях одна из них сказала, что во всем городе нет никого красивее, и заслужила прекрасный подарок за свою приятную речь. Что это ты сказал, Ларико? Почему ты вечно вмешиваешься в мои дела? Ну, впрочем, может быть, ты и прав. И, леди Куилла, если ты готова, пора и в путь. Нет, нет, спасибо, Курака, но я не останусь ни на какое пиршество. Я хочу добраться до своего лагеря еще засветло, ибо кто знает, что может случиться с человеком в темноте в чужой стране?

И тут наконец Хуарача не сдержал гнева.

– Будь по-твоему, о Инка, – сказал он, – но знай, что ты наносишь мне тройное оскорбление. Во-первых, ты отказываешься от пиршества, которое приготовлено было специально для тебя и на котором ты должен был встретиться со

всеми знатными людьми моего царства. Во-вторых, ты именуешь меня, царя, титулом мелкого вождя, который признает над собой твою власть. В-третьих, ты ставишь под сомнение мою честь, намекая на то, что я замышляю убить тебя в темноте. У меня сильное желание сказать тебе: «Уходи из моей бедной страны, о Инка, цел и невредим, но оставь здесь мою дочь».

В этот миг я, Хьюберт, заметил, что при этих словах в больших глазах Куиллы вспыхнул огонь надежды, так же как и в моем сердце, ибо не означало ли это, что она в конечном итоге ускользнет от Урко? Но, увы, он погас, как гаснет горящий уголь, брошенный в воду.

– Ну, ну! – сказал старый идиот. – Уж больно ты горяч, друг Хуарача. Знай, что я никогда не хочу есть, кроме как поздно вечером; и что прохладный воздух после того, как уходит мой отец – Солнце, причиняет боль моим старым костям; а что до титула, то бери любой, за исключением одного – титула Инка.

– Может статься, что именно его я и приму в конце концов, – прервал его разъяренный Хуарача, которого не могли утихомирить его советники, шептавшие ему что-то в оба уха.

Именно в этот момент министр и верховный жрец Ларико, который следил за всем происходящим с бесстрастным лицом, холодно сказал:

– Не гневайся, о царь Хуарача, и не придавай столько значения случайным словам славного Инка, ибо временами да-

же боги дремлют под бременем лет и забот Империи. Никто не хотел тебя обидеть, а меньше всего Инка и любой из нас воображает, что ты запятнал бы свою честь, учинив насилие над своими гостями днем или ночью. Однако знай, что если после всех клятв и обещаний ты не отпустишь свою дочь, леди Куиллу, в дом Урко, который должен стать ей господином, это немедленно вызовет войну, поскольку, едва эта весть дойдет до Куско (а это будет не дольше, чем через двадцать часов, так как по всему пути расставлены вестники), великие армии Инка, стянутые туда, выступят в поход. Суди же сам, имеешь ли ты силы противостоять им, и выбирай, что лучше – жить в славе и почете или погибнуть самому и свергнуть народ свой в рабство. Так вот, царь Хуарача, говоря от имени Урко, который через несколько полнолуний станет Инка, я спрашиваю тебя: отпустишь ли ты леди Куиллу с нами в Куско и тем провозгласишь мир между нашими народами или оставишь ее здесь, вопреки своим и ее клятвам, и тем самым объявишь войну?

Хуарача сидел молча, погруженный в мысли, и старый Инка Упанки снова залепетал:

– Очень хорошо сказано, я и сам бы не мог лучше; впрочем, именно я и сказал это, потому что этот самодовольный Ларико, который воображает себя таким умным только потому, что я сделал его верховным жрецом Солнца под моей властью, и что он – из моего рода, а на самом деле только язык у меня во рту. Ты ведь все-таки не хочешь умереть, Ху-

арача, не так ли, после того как увидишь гибель твоих людей и разорение твоей страны? Ты ведь знаешь, что именно так и будет. Если ты не пошлешь к нам свою дочь, как ты обещал, то через несколько часов сто тысяч людей двинутся на тебя, а за ними будут готовиться в поход еще сто тысяч. Во всяком случае, решай, пожалуйста, в ту или другую сторону, ибо я желаю покинуть это место.

Хуарача подумал еще немного. Потом он сошел с трона и поманил к себе Куиллу. Она подошла к нему, и он отвел ее в глубину палатки, позади и немного левее места, где я сидел, где никто не мог их услышать, кроме меня; но он не обращал на меня никакого внимания, либо вовсе забыл обо мне, либо желая, чтобы я знал все.

– Дочь, – сказал он, понизив голос, – что скажешь? Но прежде подумай о том, что если я откажусь послать тебя, я первый раз в жизни нарушу свою клятву.

– Таким клятвам я придаю мало значения, – ответила Куилла. – Но я придаю очень большое значение другому. Скажи, отец, если Инка объявит войну нам и нападет на нас, сможем ли мы противостоять его армиям?

– Нет, дочь, едва ли, пока к нам не присоединятся юнка. У нас ведь недостаточно людей. Более того, мы не готовы и не будем готовы еще два или три полнолуния.

– Тогда так, отец: если я не еду, начнется война, а если я поеду, то, видимо, она оттянется до тех пор, пока ты не будешь готов к отпору или, может быть, навсегда, потому что я

буду залогом мира. И будет считаться, что я, твоя наследница, получу твое царство как свою долю в замужестве, и его присоединят к империи Инка после твоей смерти. Ведь так?

– Так, Куилла. Только тогда ты будешь действовать так, чтобы земля инка присоединилась к земле чанка, а не наоборот, так что настанет день, когда, став царицей чанка, ты будешь править обоими народами, а после тебя – твои дети.

Тут я, Хьюберт, следивший за Куиллой уголком глаза, увидел, что она побледнела и задрожала.

– Не говори мне о детях, – сказала она, – ибо я думаю, что никаких детей не будет; не говори о славе и богатстве, ибо мне до них нет дела. Я забочусь только о нашем народе. Ты можешь поклясться мне, что если я не поеду, твои армии будут разбиты, а те, кто спасется от копья, попадут в рабство?

– Клянусь твоей матерью Луной, а также в том, что я умру вместе с моими воинами.

– Однако если я еду, я покидаю здесь то, что люблю, – при этом она взглянула в мою сторону, – и предаю себя позору, что еще хуже смерти. Ты этого ли желаешь, отец?

– Я этого желаю. Вспомни, дочь, ты ведь тоже участвовала в этом плане, больше того – он возник именно в твоём далеко видящем уме. Все же теперь, когда твое сердце говорит тебе другое, я бы не хотел связывать тебя твоим обещанием – ведь больше всего на свете я желаю видеть тебя счастливой и рядом со мной. Поэтому выбирай – и я повинуюсь. На твою ответственность.

– Что я скажу, о Повелитель, спасенный мной из моря? – спросила Куилла пронзительным шепотом, но не поворачивая ко мне головы.

Страшная мука овладела мной, ибо я знал, что она сделает так, как я скажу, и что от моего ответа, быть может, зависит судьба всего этого большого народа чанка. Если она уедет, они будут спасены, если останется – она, возможно, станет моей женой, хотя бы ненадолго. Мне не было дела ни до чанка, ни до -куичуа, но Куилла была всем, что мне осталось в жизни, и если, бы она уехала, то к другому. Я хотел сказать ей, чтобы она осталась. И все же... все же... Если бы я был на ее месте и от моего слова зависела бы судьба Англии, что тогда?

– Скорее! – прошептала она снова.

Тогда я заговорил – или что-то заговорило через меня, и я сказал:

– Поступи так, как велит тебе честь, о дочь Луны, ибо что такое любовь без чести? Может быть, обе останутся с тобой в конце концов.

– Благодарю тебя, Повелитель, твое сердце говорит то же, что мое сердце, – прошептала она в третий раз; потом, подняв голову и глядя Хуарача в глаза, сказала:

– Отец, я еду, но выйду ли я за этого Урко, – не обещаю.

ГЛАВА VII. ВОЗВРАЩЕНИЕ КАРИ

Итак, сидя в расшитом золотом паланкине и сопровождаемая служанками, как приличествовало ее рангу, Куилла отбыла в обществе Инка Упанки, оставив меня одиноким и безутешным. В последнюю минуту под предлогом необходимости проститься с Белым Богом, в чем ей не было отказано, ей удалось поговорить со мной наедине.

– Повелитель и любимый, – сказала она, – я иду навстречу не знаю какой судьбе, оставляя тебя на волю не знаю какой судьбы, и, как произнесли твои уста, правильно, что я ухожу. Хочу попросить тебя о чем-то: не следуй за мной, как хочет этого твое сердце. Только прошлой ночью я просила тебя идти за мной следом и, где бы я ни была, держаться поблизости – даже знать о твоём присутствии было бы для меня утешением. Но сейчас я передумала. Если я должна выйти за этого Урко, я не хотела бы, чтобы ты видел мой позор. А если мне удастся избежать замужества, ты не сможешь помочь мне, потому что я сделаю это либо ценой смерти, либо скрываясь в убежище, куда тебе не будет доступа. Есть еще одна причина.

– Какая причина? Куилла!

– Я прошу, чтобы ты остался с отцом и оказал ему помощь в войне, которая неизбежна. Я хочу видеть разгром Урко, но без твоей помощи, я уверена, народы чанка и юнка не

смогут сломить могущество инка. Помни, что если я не стану женой Урко, ты можешь надеяться завоевать меня только так – разгромив и убив Урко. Так скажи, что ты останешься здесь и поможешь отцу повести армии чанка в бой, – и скажи это быстро, а то ведь этому слабоумному Упанки не терпится уехать отсюда. Слышишь? Его вестники зовут и ищут меня; мои женщины не могут дольше их удерживать.

– Я останусь, – сказал я хрипло,

– Благодарю тебя, и прощай, пока мы не встретимся снова, в жизни или в смерти. Еще в голову приходят мысли, но уже некогда их высказать.

– Мне тоже, Куилла, и вот одна из них. Помнишь человека, который был со мной на острове? Он больше, чем то, чем он кажется.

– Я догадывалась. Но где он теперь?

– Скрывается, Куилла. Если тебе случится встретиться с ним, то помни, что он враг Урко, и он не одинок, и что он любит меня по-своему. Верь ему, прошу тебя. Урко не единственный, в ком течет кровь инка, Куилла.

Она быстро взглянула на меня и кивнула. Потом, не говоря ни слова, ибо к нам уже приближались, она сняла с пальца кольцо – толстое, золотое старинное кольцо, на котором было вырезано изображение не то цветка, не то солнца, и подала его мне.

– Носи его ради меня. Оно очень древнее и связано с историей верной любви, но рассказать ее уже нет времени, –

сказала она.

Я взял его и взамен дай ей то древнее кольцо, которое вручила мне мать, то кольцо, которое перешло к ней вместе с мечом Взвейся-Пламя.

– Оно тоже древнее и тоже имеет историю. Носи его в память обо мне.

На этом мы расстались, и она ушла.

Я стоял, провожая ее взглядом, пока паланкин не скрылся в вечерней дымке. Потом я повернулся, чтобы уйти, и оказался лицом к лицу с Хуарача.

– Повелитель-из-Моря, – сказал он, – сегодня ты поистине сыграл роль мужчины – или бога. Если бы ты велел моей дочери остаться, она бы осталась из любви к тебе, и народ чанка был бы уничтожен, ибо, как сказал нам Инка или его глашатай, нарушение моей клятвы было бы воспринято как объявление немедленной войны. А теперь у нас есть передышка, и в конце концов все может повернуться иначе.

– Да, – ответил я, – но что будет с Куиллой и что будет со мной?

– Я не знаю твоей веры и не знаю, что ты понимаешь под честью, Белый Повелитель, но у нас – хотя ты, может быть, и невысокого о нас мнения – считается, что бывают времена, когда мужчина или женщина, особенно если они занимают высокое положение, должны жертвовать собой ради блага тех многих людей, которые держатся за них, ища защиты и руководства. Так именно поступили ты и моя дочь, и поэто-

му я чту вас обоих.

– Но какая цель такой жертвы? – сказал я с горечью. – Чтобы один народ боролся за господство над другим народом, не более.

– Ошибаешься, Повелитель. Не для победы и не для умножения своих владений желаю я войны против инка, а потому, что если я не ударю, очень скоро ударят меня; тогда как этот брак может оттянуть удар. Один среди огромных территорий, над которыми царит инка, народ чанка сдерживает поток их завоеваний и остается свободным среди многих народов-рабов. Поэтому уже много веков назад эти инка, как и те, кто правил до них в Куско, поклялись уничтожить нас, а больше всего и всех этого хочет Урко.

– Урко может умереть или быть низложен, Хуарача.

– Ну так другой надел бы его корону, и с него взяли бы клятву держаться старой политики, которая не изменяется от поколения к поколению. Поэтому я должен бороться или погибнуть вместе с моим народом.

Послушай, Повелитель-из-Моря! Оставайся здесь со мной, как мой брат и начальник над моими армиями; ведь куда только они ни пойдут за тобой, считая тебя богом! А если мы победим, то в награду из брата ты станешь мне сыном, и клянусь – я оставлю тебе корону страны Чанка. Более того, если она будет спасена, я отдам тебе в жены ту, кого ты любишь. Подумай, прежде чем отказаться. Не знаю, откуда ты явился, но одно мне ясно – ты уже не можешь вернуться

туда, если только ты действительно не дух. Здесь тебе суждено остаться до самой смерти. Так проживи же свою жизнь в блеске и величии. Конечно, ты мог бы перейти к Инка и стать там чудом и предметом поклонения, обладателем золота, дворцов и земель, но там бы ты все равно был слугой, а я предлагаю тебе корону и управление народом великим и свободным.

– Что мне корона! – отвечал я, вздыхая. – Но об этом просила меня Куилла, и, может быть, это ее последняя просьба. Поэтому я принимаю твое предложение и буду служить тебе и твоему делу, которое кажется мне благородным, преданно и до конца, о Хуарача.

Я протянул ему руку, и так мы скрепили наш союз.

На следующий же день я взялся за работу. Хуарача познакомил меня со своими военачальниками, веля им подчиняться мне во всех делах, на что они охотно согласились, веря, что во мне хотя бы наполовину присутствует божественное начало.

Воспитанный моряком, я мало знал о военном искусстве, однако, как я узнал на собственном опыте, англичанин всегда проложит дорогу к своей цели, в какой бы стране и обстановке он ни оказался.

К тому же в Лондоне я часто слышал разговоры об армиях и их организации и нередко наблюдал войска во время учений; я владел мечом и луком и привык руководить людьми. Собрав в уме все, что я знал и помнил, я взялся за выпол-

нение поставленной самому себе задачи – превратить толпу полудиких вооруженных парней в дисциплинированное войско. Я образовал из них полки и поставил во главе лучших военачальников, каких мог найти, объединяя в каждом полку, по возможности, людей из определенного города или района. Эти подразделения я учил и тренировал, наставляя их в том, как наилучшим Способом использовать имеющееся у них оружие.

Я научил их также изготавливать более мощные луки по образцу моего собственного, с помощью которого я убил в далеком Гастингсе трех французов, – лука, бывшего когда-то, как говорили, боевым оружием моего предка, скандинава Торгриммера, наравне с его мечом Взвейся-Пламя, служившим ему в битвах. Когда люди чанка увидели, как далеко и метко я стреляю из своего лука, они день и ночь старались научиться стрелять с таким же искусством, как я, – хотя, сказать по правде, никто из них не мог сравниться со мной. Я также усовершенствовал их защитную одежду: поскольку в этой стране нет железа, я научил их вшивать между слоями хлопчатой ткани пласты кожи, выделанной из шкур диких животных и местных длинношерстных овец. Я делал еще многое другое, о чем слишком долго рассказывать,

В результате всех этих мер через три месяца Хуарача получил армию примерно в пятьсот тысяч человек, которые, если и не достигли совершенства тренировки, соблюдали дисциплину и действовали как организованные полки; уме-

ли стрелять из луков и максимально использовали свои копья с медными остриями и топоры из этого же металла или из твердого камня.

Наконец к нам присоединились и воины юнка, тридцать или сорок тысяч человек, дикие и достаточно храбрые, но совершенно не дисциплинированные. С ними я не успел много сделать из-за недостатка времени, но послал к ним некоторых обученных мной военачальников, чтобы они научили вождей и военачальников юнка тому, что усвоили сами.

Так я был занят от зари до заката, а часто и дольше, разговаривая с Хуарача и его полководцами или вычерчивая планы изобретенными мною чернилами на пергаменте из овечьей кожи, записывая цифры и другие вещи к удивлению этих людей, которые никогда не знали письменности. Велики были мои труды, но в них я находил больше радости, чем я знал с того рокового дня, когда я, богатый лондонский купец, Хьюберт из Гастингса, стоял рядом с Бланш Эйлис перед алтарем в церкви Св. Маргариты. Поскольку каждая частица моего времени и ума была заполнена тем, что я уже свершил или пытался свершить, я забыл даже о своем одиночестве в чужой для меня стране и стал снова тем, чем я был, когда вершил дела в Чипсайде.

Но как бы я ни трудился, я не мог забыть Куиллу. В течение дня я еще мог запрягать воспоминания о ней в текущих делах, но когда я ложился на ночь в постель, мне казалось, что она приходит ко мне, как могло бы прийти привидение,

и стоит у моей постели, смотря на меня печальным и зовущим взглядом. Так реально ощущалось ее присутствие, что иногда я начинал верить, что, наверно, она умерла для мира и действительно стала призраком или же обрела способность посылать на дальние расстояния свою душу, как, говорят, могут делать некоторые индейцы. Во всяком случае, она была рядом, когда я бодрствовал, и потом, когда я спал, и не знаю, чего больше – радости или боли – доставляло мне ее странное присутствие. Ибо – увы! – она не могла заговорить со мной или поведать мне о своем положении; и, сказать по правде, теперь, когда она, возможно, стала женой другого, мне хотелось забыть ее, если бы я мог.

Ибо о Куилле до нас не доходило ни слова. Мы слышали, что она благополучно прибыла в Куско, – и это все, что мы знали. О браке ее с Урко не было никаких вестей. Она как будто и в самом деле исчезла. Однако определенные шпионы Хуарача донесли ему, что огромная армия, которую Урко собрал, готовясь к войне против него, была частично распущена; это, видимо, показывало, что Инка уже не собирается немедленно начать войну. Но тогда что же случилось с Куиллой, которая должна была стать залогом мира? Может быть, ее куда-нибудь упрятали на время приготовления к свадьбе? По крайней мере, я ничего другого не мог придумать – разве что она действительно покончила с собой или умерла естественной смертью.

Вскоре, однако, всякие известия вообще прекратились,

так как Хуарача закрыл свои границы, надеясь, что таким образом Урко не узнает о его военных приготовлениях.

Наконец, когда наши силы были почти готовы к выступлению, явился Кари – Кари, который, как я думал, навсегда для меня потерян.

Однажды вечером, когда я сидел за работой при свете лампы, записывая что-то на пергаменте, на него вдруг упала тень, и, подняв глаза, я увидел, что передо мной стоит Кари, усталый и изможденный, но несомненно Кари – не во сне, а наяву.

– У тебя есть какая-нибудь еда, господин? – спросил он, в то время как я не сводил с него глаз. – Я ослабел и хотел бы поесть, прежде чем мы поговорим.

Я нашел мясо и местное пиво и принес ему, так как было уже поздно и мои слуги давно легли спать, и стал ждать, пока он подкрепитя, ибо к этому времени я уже научился терпению этих людей. Наконец он заговорил.

– У Хуарача отличные часовые, и, чтобы обойти их, мне пришлось зайти далеко в горы и спать три ночи, не имея еды, среди их снежных вершин, – сказал он.

– Откуда ты? – спросил я.

– Из Куско, Повелитель.

– Что с леди Куиллой? Она жива? Вышла замуж за Урко?

– Жива, или была жива четырнадцать дней назад, и замуж не вышла. Но она там, куда не может ступить ни один мужчина.

– Почему, если она жива и не вышла замуж? – спросил я, задрожав.

– Потому что она причислена к Девам Солнца, нашего Отца, и поэтому ни один мужчина не может к ней прикоснуться. Будь я Инка, то, хотя я люблю тебя и знаю все, я бы убил тебя, – да, даже тебя, и притом моим собственным мечом, – если бы ты попытался ее увезти. В нашей стране, Повелитель, есть одно преступление, которое не знает пощады, – овладеть Девой Солнца. Мы верим в то, что, если это случится, страшные проклятья падут на нашу страну, а что касается человека, совершившего это преступление, то прежде чем его постигнет вечное мщение, он и его дом, и город, откуда он родом, должны быть уничтожены, а неверная девственница, которая предала нашего Отца-Солнце, должна умереть медленной смертью в огне.

– И это когда-нибудь случалось? – спросил я.

– История не говорит об этом, ибо никто еще не решался на такое злодеяние, но таков закон.

Я подумал про себя, что это очень жестокий и порочный закон, и что я нарушу его, если представится возможность, но ничего не ответил, зная, что иногда лучше промолчать и что легче сдвинуть гору с ее основания, чем открыть Кари глаза на его безрассудство, порожденное ложной верой. В конце концов, мог ли я порицать его, если мы тоже придерживались закона о священной неприкосновенности монахинь и, говорят, убивали их, если они нарушали свой обет?

– Что нового, Кари?

– Много, Повелитель. Вот послушай. Переодевшись крестьянином, пришедшим в эту страну выменивать шерсть, в деревне близ Куско я пристроился к процессии Инка Упанки, в свите которого встретил старого друга; этот друг любил меня в прежние времена и не выдал меня, так как еще мальчиками мы оба вступили в братство рыцарей. Благодаря ему я сменил заболевшего носильщика паланкина, в котором была леди Куилла, и таким образом все время был рядом с ней, и иногда мы тайно переговаривались, ибо она узнала меня, несмотря на мою маскировку. Я также прислуживал ей, когда она ела, и следил за всем, что происходило.

Со второго дня нашего путешествия Инка Упанки – мой отец, который в пользу Урко лишил меня законных прав наследника и полагает, что меня нет в живых, – стал принимать пищу в той же палатке, что и леди Куилла. Она же, будучи очень умной, решила очаровать его, так что очень скоро он уже души в ней не чаял, как часто бывает с дряхлеющими стариками по отношению к молодым и красивым женщинам. Она притворилась, что тоже полюбила его, и наконец недвусмысленно сказала ему, что жалеет, если ее мужем будет не он со своей мудростью, а принц, который, как она слышала, совсем не мудрый. Она сказала это, хорошо зная, что Инка никогда больше не женится и уже многие годы живет один. Все же очень польщенный, он высказал сожаление о том, что ее насильно выдадут замуж за человека, к которому она не

чувствует никакой склонности, на что она стала умолять его, даже со слезами, спасти ее от такой участи. Наконец он поклялся, что сделает это, поместив ее с Девами Солнца, на которых не смеет взглянуть ни один мужчина. Она поблагодарила его и сказала, что подумает, поскольку, по известным тебе причинам, Повелитель, она вовсе не желает стать Девой Солнца и провести остаток дней в молитвах и за тканьем одежды для Инка. Так продолжалось до тех пор, пока за день до прибытия в Куско нас не встретил Урко, мой брат, выехавший вперед, чтобы приветствовать будущую жену. Между прочим, Урко – огромный и уродливый человек, в котором никто бы не заподозрил хоть каплю царственной крови. Грубый он и распушенный, к тому же любитель выпить, хотя и отличный воин, храбрый в бою, и смысленый, когда он трезв. Я присутствовал при встрече и заметил, как леди Куилла при виде него вздрогнула и побледнела, а он пожирал ее красоту глазами. Они сказали друг другу лишь несколько слов, но он успел сообщить ей свою волю – чтобы церемония их брака состоялась на другой же день после прибытия в Куско; и не стал слушать Инка Упанки, который, желая хитростью выиграть время, пытался ему внушить, что такое важное дело требует особых приготовлений. Напротив, Урко только разозлился на отца, который и любит, и боится его, и отвечал, что, поскольку он уже почти Инка, он сам и займется своими делами. Он так рассвирепел, что Упанки испугался и ушел. Когда они остались одни, Урко попытался обнять

Куиллу, но она убежала от него и скрылась вместе со своими служанками в одном укромном месте. После этого Урко, по своему обыкновению, выпил слишком много во время пиршества, и его увели и уложили спать. Потом Куилла увиделась с Инка и сказала ему:

– О Инка, я видела принца и прошу тебя выполнить свое обещание и спасти меня от него. О Инка, отбрось всякую мысль о замужестве, я стану невестой нашего Отца-Солнца.

Упанки, который был зол на Урко за то, что тот воспротивился его воле, поклялся самим Солнцем, что он не поведет ее, что бы ни случилось, ибо Урко должен знать, что он пока еще не Инка.

– Что было дальше? – спросил я, пристально смотря ему в глаза.

– После этого, Повелитель, когда мы сделали последнюю остановку перед торжественным въездом в Куско, леди Куилла улучила минуту, чтобы поговорить со мной наедине. И вот что она сказала:

– Передай моему отцу, царю Хуарача, что я исполнила его клятву, но что я не могу выйти за Урко. Поэтому я ищу убежища в объятиях Солнца, как мне и предсказал Римак, ибо я должна выбирать между этой участью и смертью. Расскажи Повелителю-из-Моря обо всем, что со мной случилось, и передай ему мой прощальный привет. Однако скажи ему, чтобы он не терял надежды и мужества, потому что я не верю, что для нас на этом все кончится.

После этого мы расстались, и я больше ее не видел.

– И ничего больше не слышал, Кари?

– Нет, Повелитель, слышал, и много. Слышал, что, когда Урко узнал, что леди Куилла скрылась от него в Доме Девственности, куда ему нет доступа, и что таким образом украли жену, которую он так давно желал, он просто обезумел от ярости. Это я даже отчасти сам видел. Два дня спустя я пришел вместе с тысячами других на большую площадь перед храмом Солнца, где народ собрался, чтобы вознести хвалу Богу по поводу благополучного возвращения Инка Упанки из далекого и трудного путешествия; говорили также, что он собирается сложить с себя власть Инка в пользу Урко, а заодно возвестить народу, что опасность войны с чанка миновала. Инка Упанки сидел на золотом троне во всем великолепии. Едва началась церемония, как явился Урко во главе группы вельмож и принцев царской крови, которые принадлежат к его клану, и я заметил, что он пьян и полон ярости. Он приблизился к подножью трона, почти не оказывая знаков должного почтения, и закричал:

– Где леди Куилла, дочь Хуарача, которая обещана в жены мне? Почему ты спрятал ее от меня, Инка?

– Потому что Солнце, наш Отец, потребовал ее как свою невесту и принял ее в свой священный дом, где ее не смеет коснуться ни один мужской взгляд! – ответил Упанки.

– Ты хочешь сказать, что, обокрав меня, ты приберег ее для себя, Инка! – опять закричал Урко.

Тогда Упанки встал и поклялся Солнцем, что это не так, и то, что он сделал, сделано по воле Бога и по просьбе леди Куиллы, которая, увидев Урко, заявила, что она либо станет невестой Бога, либо наложит на себя руки, и тогда месть Солнца падет на весь народ.

Тут Урко просто сошел с ума. Он стал изливать свою ярость против Инка, и в то время как все вокруг дрожали от страха, он проклинал Солнце, нашего отца – да, да; и даже когда в ясном небе появилось облако и закрыло лицо Бога, он, несмотря на это предзнаменование, продолжал проклинать и богохульствовать. Но и это не все: он заявил, что скоро сам будет Инка, и тогда вытащит на свет леди Куиллу и сделает ее своей женой, даже если для этого придется разнести Дом Девственности по камешкам.

При этих словах Упанки встал и разорвал на себе одежду.

– И мой слух должен терпеть эти богохульства? – вскричал он. – Так знай же, сын Урко, что сегодня я собирался снять Царский Венец и возложить его на твою голову, корону тебя Инка, в то время как я удалился бы в Юкэй, чтобы прожить остаток дней своих в мире и спокойствии. Но я передумал. Я не сделаю этого. Моя жизнь еще не кончена, и силы возвращаются в мое тело и в мою душу. Я остаюсь на троне Инка. Теперь я вижу, что наказан за свой грех.

– Какой еще грех? – крикнул Урко.

– Тот, что я предпочел тебя моему старшему законному сыну Кари, чью жену ты украл; Кари, которого, говорят, ты

отравил – по крайней мере, он исчез и несомненно погиб.

Повелитель, когда я, Кари, услышал это, сердце во мне растаяло, и я хотел уже открыться моему отцу Упанки. Но пока я задержался на мгновение, чтобы все взвесить, зная, что если я. откроюсь, эти слова будут моими последними словами, ибо Урко был здесь вместе со своими приверженцами, которые, вероятно, тут же убьют меня, – мой отец Упанки внезапно покачнулся и упал без чувств. Его приближенные и лекари унесли его, Урко последовал за ними, и вскоре толпа разошлась. После нам сказали, что Инка пришел в себя, но что его нельзя беспокоить в течение многих дней.

– А Куилла? Про нее ты что-нибудь еще слышал, Кари?

– Да, Повелитель, – ответил он мрачно. – Стало известно, что через какую-то подкупленную им жрицу Урко отравил ее, сказав, что раз она выбрала своим мужем Солнце, к Солнцу пусть и отправляется.

– Отравил ее! – пробормотал я, чуть не упав наземь. – Отравил ее!

– Да, Повелитель, но успокойся, ибо к этому еще добавили, что жрица, давшая ей яд, была поймана с поличным той, что именуется Матерью Девственниц; ее тут же передали женщинам, которые бросили ее в логово змей, где она и погибла, вопя, что ее подбил на это Урко.

– Это меня не устраивает. Что с Куиллой? Она умерла?

– Говорят, что нет. Говорят, что Мать Девственниц вырвала чашу с ядом, когда Куилла поднесла ее к губам. Но гово-

рят также, что часть яда выплеснулось и попала ей в глаза, и она ослепла.

Я застонал. Мысль об ослеплении Куиллы была ужасна.

– Успокойся и насчет этого, Повелитель, ибо она еще может оправиться. А еще мне сказали, что, хотя она ничего не видит, красота ее не пострадала, и что от яда ее глаза стали как будто еще больше и прелестнее, чем были.

Я не ответил – я боялся, что Кари меня обманывает или сам был обманут, и что Куиллы нет в живых.

Через минуту он снова заговорил спокойным ровным голосом:

– Потом я разыскал кое-каких друзей, которые в юности любили меня и мою мать, когда она была жива; я им открылся. Мы вместе наметили план, но прежде чем что-либо предпринять, я должен был увидеться с моим отцом Упанки. Пока я ждал, чтобы он оправился от постигшего его удара, какой-то шпион выдал меня Урко, который тут же начал розыски с целью убить меня и почти обнаружил меня. Кончилось тем, что мне пришлось бежать. Но перед этим многие поклялись мне в верности, желая избавиться от тирании Урко. Кроме того, было решено, что, если я вернусь, имея за собой военную силу, мои друзья и приверженцы выйдут мне навстречу и примкнут ко мне вместе с тысячной армией, и помогут мне восстановиться в моих правах, так что я могу стать Инка после моего отца – Упанки. Поэтому я и вернулся – поговорить с тобой и с Хуарача.

Вот и вся моя история.

ГЛАВА VIII. КРОВАВОЕ ПОЛЕ

Когда на следующее утро Хуарача, царь Чанка, услышал эту историю и узнал, что Урко дал яд его дочери Куилле, которая, если и жива, то, как говорят, ослепла, им овладело своего рода безумие.

– Война! Теперь только война! – вскричал он. – Я не успокоюсь, пока не увижу труп этого Урко и не повешу его шкуру, набитую соломой, как жертвоприношение его собственному богу – Солнцу!

– Однако ты сам, царь Хуарача, ради своих целей отправил леди Куиллу к этому Урко, – заметил Кари своим спокойным тоном.

– Кто ты такой, чтобы упрекать меня? – спросил Хуарача, повернувшись к нему. – Я знаю только, что ты слуга или раб Белого-Повелителя-из-Моря, хотя, правда, я кое-что слышал о тебе, – добавил он.

– Я – Кари, перворожденный законный сын Упанки и по праву наследник престола Инка, не менее того, Хуарача. Мой брат Урко похитил у меня жену, так же, как до этого по безрассудству моего отца, которого обработала мать Урко, он лишил меня наследства. Потом для большей уверенности он попытался отравить меня, как отравил твою дочь, подсунув мне яд, который лишил меня разума и способности управлять страной, но оставил мне жизнь, – потому что он

боялся как бы на него не пало проклятие Солнца, если бы он убил меня. Я оправился от этого злого зелья и после долгих странствий попал в далекую страну. Теперь я вернулся, чтобы взять положенное мне по праву, если это в моих силах. Все, что я сказал, я могу доказать.

Хуарача уставился на него в изумлении и после некоторой паузы сказал:

– А если ты докажешь это, чего ты от меня хочешь, о Кари?

– Помощи твоих армий прошу, чтобы я мог свергнуть Урко, который очень силен, имея под своей командой все войска куичуа.

– А если твой рассказ – правда, и ты свергнешь Урко, – что ты обещаешь мне за это?

– Независимость народу чанка, который иначе вскоре будет уничтожен, и вдобавок некоторые территории, которые ты хотел бы иметь, – все это ты получишь, когда я стану Инка.

– И вместе со всем этим – мою дочь, если она еще жива? – спросил Хуарача, не сводя с него глаз.

– Нет, – твердо ответил Кари. – Насчет леди Куиллы я ничего не обещаю. Она дана по обету моему Отцу-Солнцу, и я скажу тебе то, что уже говорил лорду Курачи, который ее любит. Отныне ни один мужчина не смеет взглянуть на нее – Невесту Солнца, ибо если бы я это стерпел, на меня и на мой народ пало бы проклятье Солнца. Того, кто попробует

прикоснуться к ней, я убую, – тут он многозначительно посмотрел на меня, – потому что я должен, иначе я буду проклят. Бери все, что хочешь, но оставь леди Куиллу в покое. То, что принадлежит Солнцу, у Солнца и останется.

– Может быть, ее мать Луна имела бы кое-что сказать по этому поводу, – угрюмо заметил Хуарача. – Однако оставим это пока.

Они стали обсуждать условия, на которых они могли бы скрепить свой союз, и, дойдя до вопроса о войне, – ту помощь, которую мог оказать Кари и его приверженцы в Куско.

После этого Хуарача увел меня в другую комнату, чтобы поговорить обо всех делах наедине.

– Этот Кари, – если он действительно Кари, – просто фанатик, – сказал Хуарача, – и если дать ему волю, ни ты, ни я никогда больше не увидим Куиллу, потому что в его глазах это было бы святотатством. Что ты скажешь?

Я ответил, что лучше всего было бы заключить с Кари союз. Я знаю, что он честный и не претендует на чужое, а без его помощи едва ли возможно нанести поражение армии Инка. В остальном будем полагаться на случай, ничего не обещаю относительно Куиллы.

– Что толку было бы в наших обещаниях, – сказал Хуарача, – если она умерла, в чем я почти не сомневаюсь; и нам остается только отмщение. В Куско еще достаточно яда, Белый Повелитель.

Восемь дней спустя мы двинулись на Куско, – целая ар-

мия численностью по меньшей мере в сорок тысяч чанка и двадцать пять тысяч мятежных юнка, которые стали под наше знамя.

Мы шагали по большой дороге через горы и равнины, гоня бесчисленные стада местных овец, служивших нам пищей, но не встречая ни души, так как мы едва покинули территорию чанка, все жители разбегались при нашем появлении. Наконец, однажды вечером, разбив лагерь на горе, именуемой Карменка, мы увидели внизу на некотором расстоянии могущественный город Куско, расположенный в долине, в которой протекала река. Да, вот он, этот город, с его огромными крепостными укреплениями, построенными из больших каменных глыб, с его храмами, дворцами, широкими площадями и бесчисленными улицами, обстроенными низкими домами. Более того, позади и вокруг города мы увидели и другое – лагерь огромной армии, испещренный тысячами белых палаток.

– Урко готов принять нас, – угрюмо заметил Кари, указывая на эти палатки.

Мы стояли лагерем на горе Карменка, и в тот же вечер к нам явилось посольство, которое выступало от имени Упанки и Урко, как будто– они правили совместно. Это посольство, состоявшее из вельмож, из коих каждый носили в ухе золотой диск, осведомилось о причине нашего появления. Хуарача ответил: отомстить за убийство леди Куиллы, его дочери, которая, как он слышал, была отравлена по приказу

Урко.

– Откуда вы знаете, что она умерла? – спросил предводитель посольства.

– Если она не умерла, покажите ее нам, – ответил Хуарача.

– Это невозможно, – возразил предводитель, – ибо если она жива, то находится в Доме Девственниц, Дев Солнца, куда никто не входит и откуда никто не выходит. Слушай, о Хуарача. Ступай обратно, откуда ты пришел, иначе бесчисленная армия Инка обрушится на тебя и всех твоих приспешников.

– Это мы еще увидим, – ответил Хуарача, и посольство удалилось без лишних слов.

В этот же вечер в наш лагерь тайно прокрались люди из партии Кари. О Куилле им ничего не было известно, ибо никто не говорил о тех, кто дал обет служения Солнцу. Они рассказали нам, однако, что старый Инка Упанки все еще в Куско и несколько оправился от своей болезни. Они сказали также, что вражда между ним и Урко приобрела ожесточенный характер, но что Урко держит верх и по-прежнему командует армиями. Эти армии, заявили они, огромны и утром выступят против нас, но определенные полки, что на стороне Кари, дезертируют и перейдут к нам во время боя. Наконец, они сказали, что Куско объят страхом, ибо никто не знает, чем кончится битва, которую все понимают как попытку завоевать господство над всей Тавантинсуйю.

Это и все, что они могли нам сообщить, добавив, что они

молят Солнце послать нам удачу и успех, чтобы мы могли спасти их от тирании Урко. Оказалось, что Урко заподозрил существование заговора, ибо слух, что Кари жив, облетел всех, и, получив от своих шпионов имена некоторых его участников, он стал преследовать их, организуя убийства и случаи внезапной смерти. В их пищу подсыпали яд; им вонзали нож в спину, когда они проходили поздним вечером по улицам; их жены, особенно молодые и красивые, внезапно исчезали, похищенные, как они думали, теми, кому они имели несчастье понравиться; даже их детей похищали, несомненно, для того, чтобы использовать их в качестве слуг в неизвестных им домах. Они пожаловались на эти злодеяния старому Инка Упанки, но тот был бессилен, ибо Урко держал в руках всю армию. Поэтому они готовы были даже приветствовать победу Хуарача, которая означала бы, что Кари будет Инка, хотя бы и над меньшей территорией.

Прежде чем они ушли, чтобы вернуться в Куско и сыграть свою роль в завтрашней битве, Кари привел их ко мне, ибо в своем невежестве они поклонялись мне, считая меня богом. Он уговаривал их не бояться ничего, поскольку я сам буду командовать армиями Хуарача во время битвы.

Осмотрев местность, пока еще было светло, я вместе с Хуарача и Кари трудился всю ночь, разрабатывая планы грядущей великой битвы. Когда все было готово, я прилег отдохнуть, думая, что, может быть, это мой последний отдых на земле, и, сказать по правде, не очень об этом жалея. Теперь

я почти не сомневался в том, что Куилла умерла, и если бы не грехи мои, которые тяготели надо мной и в которых мне некому было исповедаться, я был бы даже рад покинуть этот мир с его бедами и страданиями, что бы ни ожидало меня за его пределами, даже если бы смерть означала лишь сон.

В жизни почти каждого человека наступает время, когда больше всего на свете он жаждет покоя, и теперь этот час пришел для меня, одинокого изгнанника. Здесь, в этой чужой стране, среди этих чуждых мне людей я нашел одну родственную душу – душу прекрасной женщины, которая полюбила меня и которую я любил и желал. Но чем это кончилось? Из-за политической необходимости и ее собственного благородства ее разлучили со мной и упрятали в храм – место варварского идолопоклонства, где почти наверное ее настигла смерть.

В лучшем случае ее лишили зрения, и из-за суеверий этих людей ни один человек не смеет проникнуть туда, где она лежит, окруженная вечной тьмой. Даже если Кари станет Инка, он не поможет ни мне, ни ей (если она еще жива), ибо он самый свирепый фанатик на свете из всех, и поклялся, что скорее убьет меня, своего друга, чем позволит мне прикоснуться к ней, давшей обет служения его ложным богам.

Или, быть может, чтобы избавиться себя от такого горя, он при помощи жрецов убьет не меня, а ее. Во всяком случае, жива она или умерла, – для меня она потеряна, а я – совершенно один – должен сражаться за дело, имеющее для ме-

ня лишь один интерес, – уничтожить одного дикаря-принца за его преступление против Куиллы. Но если все закончится благополучно и это случится, что ждет меня в будущем? К чему мне награды, к которым я не стремился, и поклонение невежественной толпы, которое мне ненавистно? Я скорее хотел бы прожить жизнь скромным рыбаком на берегу Гастингса, чем стать царем над этими блестящими варварами со всем их золотом и жемчужинами, которые не купят ничего того, что мне нужно, – даже Часослова, чтобы дать пищу моей душе, или звука английской речи, чтобы утешить мое опустошенное сердце.

Наконец я заснул, и, казалось, прошло всего несколько минут, – хотя на самом деле шесть часов, – как меня разбудил Кари. Он сказал, что скоро рассвет, и что он пришел, чтобы помочь мне облачиться в доспехи. Потом я вышел, и вместе с Хуарача мы выстроили нашу армию в боевом порядке. Наш план состоял в том, чтобы начать наступление с возвышенности, где мы стояли, через расстилавшуюся внизу равнину, которая называлась Закуй, но позже стала известна под именем Якуар-пампа, или Кровавое поле.

Эта равнина лежала между нами и Куско, и моя идея заключалась в том, что мы пройдем – или продолжим себе путь, сражаясь, – через это пространство и ворвемся в город (который не имел крепостных стен), и там среди его улиц и домов встретим атаку войск Инка, расположившихся у его дальней границы; таким образом, под защитой стен мы на-

деялись успешней сбалансировать наши силы. Однако все оказалось не так, как мы предполагали. С первыми же проблесками рассвета, которого мы ждали, не решаясь в темноте двинуться по незнакомой местности, мы увидели, что армии Инка под покровом ночи прошли через город и вокруг него и сосредоточились плотно сомкнутыми батальонами общей численностью тысяч десять человек на противоположном краю равнины.

Мы посоветовались и решили не атаковать их, как предполагалось вначале, а подождать их нападения на скалистый гребень, который им придется брать приступом. Поэтому мы отдали приказ, чтобы наша армия, организованная из трех частей – одной части лобовой и двух других боковых крыльев – и поддерживаемая с тыла армией юнка, подкреплена пищей и была наготове. В центре расположения нашей главной части, которая насчитывала примерно пятнадцать тысяч воинов чанка, и немного впереди нее возвышался небольшой и длинный холм; в его самой высокой точке, на скале, я установил свой наблюдательный и командный пункт; за моей спиной стояли группой военачальники и вестники, а на склонах и вокруг этого холма расположился отряд примерно из тысячи отборных воинов. С этой возвышенности мне было видно все, так же как и я в своих блестящих доспехах был виден всем, и друзьям и врагам в равной мере.

После паузы, во время которой жрецы чанка и юнка принесли овец в жертву Луне и другим многочисленным богам,

которым они поклонялись, а жрецы куичуа, как я видел со своей скалы, совершили то же в честь восходящего Солнца, – войска Инка, издавая воинственные крики, двинулись по равнине в нашу сторону. Прикинув на глаз, я заключил, что они превосходят нас числом в отношении два или три к одному. В самом деле, их ордам, казалось, нет конца, и все новые и новые отряды появляются из сумеречных городских проемов. Разбившись на три больших армии, они как будто ползли по равнине – дикое и грандиозное зрелище, озаренное солнцем, которое сверкало и сияло на лесе их копий и на их ярких варварских мундирах.

Пройдя некоторое расстояние, они остановились и стали совещаться, указывая на меня копьями, как будто в страхе передо мной. Мы стояли не двигаясь, хотя кое-кто из наших командиров настаивал на атаке; но я советовал Хуарача пока воздержаться от атаки, если он хочет, чтобы силы куичуа разбились о наши ряды. Наконец, они решились; в воздухе взвилось великолепное «радужное знамя» Инка, и, сохраняя деление на три армии, отделенные друг от друга широким пространством, они пошли в наступление, вопя и завывая, как все дьяволы ада.

И вот они достигли нас, и завязалась самая ужасная битва в истории этой страны. Волна за волной накатывались на нас, но наши батальоны (я не зря обучал их) стояли, как скалы, и убивали, убивали, убивали, пока число убитых достигло нескольких тысяч. Вновь и вновь атакующие устремлялись

на холм, где я стоял, надеясь убить меня, и каждый раз мы отбивали их атаки. Выискивая в гуще людей их военачальников, я спускал стрелу за стрелой с тетивы моего большого лука, и почти всегда попадал в цель, а их подбитая хлопком одежда не могла защитить их от этих жестоких стрел.

– Стрелы бога! Стрелы бога! – кричали они, отступая.

Внезапно среди них появился человек с узкой желтой повязкой на голове и в плаще, усеянном драгоценными камнями; человек огромного роста, с большими руками и ногами, с пылающим взглядом; большеротый уродливый человек, вооруженный медным топором и луком более длинным, чем те, что я до сих пор видел в этой стране. Заткнув топор за пояс, он нацелился в меня из лука и выстрелил. Стрела ударилась мне в грудь и сломалась, ибо добрая французская кольчуга была неуязвима для медных стрел.

Он выстрелил снова, и на этот раз стрела отскочила от моего шлема. Тогда я прицелился, в свою очередь, и моя стрела, направленная ему в голову, сорвала бахрому с его повязки. При виде этого его соратники испустили тяжкий стон, и один из них воскликнул:

– Плохое предзнаменование, о Урко, плохое предзнаменование!

– Еще бы! – закричал он. – Для Целого Колдуна, который пустил эту стрелу!

Отбросив лук, он ринулся вверх по склону с поднятым топором и в сопровождении своих приверженцев. Он размах-

нулся, и я, поймав удар на щит свой, ответил взмахом Взвейся-Пламя; мой меч разрезал рукоятку его топора, который он поднял, чтобы защитить голову, как будто это была тростинка, и поразил Урко в плечо до самой кости.

В этот момент из-за моей спины выскользнул человек. Это был Кари, атакующий Урко мечом Делеруа. Они схватились врукопашную и покатались вниз по склону, слившись воедино в объятиях друг друга. Не знаю, что было потом, ибо другие бросились между нами и все перепуталось и смешалось; но вскоре Кари вернулся, хромя, несколько потрясенный и покрытый кровью, а у подножья холма я на миг заметил Урко, почти не пострадавшего, как мне показалось, и окруженного своими вельможами.

В это мгновение я услышал многоголосый крик и, оглянувшись, увидел, что куичуа прорвали наш левый фланг и убивают наших направо и налево, в то время как многие бегут; в то же время правый фланг тоже заколебался. Я послал вестников к Хуарача с приказом – подтянуть резерв юнка. Они долго не возвращались, и я уже стал бояться, что все потеряно, ибо орды из Куско начали мало-помалу окружать нас.

И тут Кари, или кто-то, кто с ним был рядом, развернул знамя, которое до этого было обернуто вокруг шеста – голубое знамя, на котором было вышито золотое солнце. Его вид вызвал смятение в рядах Инка, в то же время большой отряд людей, пять или шесть тысяч, видимо, бывших в резерве,

вырвался вперед, крича: «Кари! Кари!» и напал на тех, кто преследовал наш дрогнувший левый фланг. Наконец, появились и юнка и отбросили полки, теснившие нас справа, а из рядов армии Урко раздался крик: «Измена!»

Затрубили трубы, и армия Инка, сплотившись и оставив на поле боя своих убитых и раненых, отступила на равнину и там перестроилась на три части, как вначале, только в сильно уменьшенном виде.

Появился Хуарача, говоря:

– Вперед, Белый-Повелитель! Час настал! Их дух сломен.

Прозвучал сигнал, и тотчас, подобно ревущему урагану, чанка бросились в атаку. Вниз, вниз, по склону, я – впереди, рядом со мной Хуарача, а с другой стороны – Кари. Быстроногие чанка перегнали меня, отягченного доспехами. Мы атаковали тремя группами в соответствии с нашим расположением на горном хребте, следуя по тем линиям, которые разделяли в пространстве наступавшие на нас три армии, и на которых, отступая, они, естественно, оставили меньше убитых и раненых. И вдруг я увидел, почему наши враги из Куско оставили свободными эти проходы, ибо те воины, которые обогнали меня, внезапно исчезли. Они провалились в яму, замаскированную насыпанной на жерди землей, в дно этой ямы были врыты острые колья. Другие, что бежали по таким же линиям справа и слева, попали в такие же ямы. Это были ловушки, числом около двадцати, тщательно подготов-

ленные на случай войны. С трудом чанка остановились, но не прежде, чем мы потеряли таким образом несколько сот человек. Затем мы опять пошли в наступление, на этот раз по территории, по которой отступала армия Инка.

Наконец мы достигли их передовой линии, прорвавшись сквозь град стрел, и завязался бой, о каком я никогда не слышал и какой мне даже не снился. Вооруженные топорами, дубинками и копьями, обе армии сражались с неослабевающей яростью, и хотя противник все еще превосходил нас как два к одному, наши, обученные мной, полки все больше оттесняли их назад. Воин за воином бросались на меня, злобно сверкая глазами, но их медные копья и кремневые ножи отскакивали от моей кольчуги. Взвейся-Пламя упился сполна в этот день, и если бы мой предок Торгриммер мог видеть нас из Валгаллы, он несомненно мог бы поклясться Одином, что никогда не устраивал для своего меча такого пира.

Воины Инка, охваченные страхом, отступили.

– Этот Рыжебородый из моря – действительно бог! Его невозможно убить! – донеслись до меня их крики.

Тогда появился Урко, окровавленный и свирепый.

– Труссы! – кричал он. – Я покажу вам, как его нельзя убить!

Он бросился вперед и очутился не передо мной, а перед Хуарача, который, видя, что я устал, заслонила меня. Они схватились, и Хуарача упал и кто-то из его слуг подхватил и унес его.

Теперь Урко и я оказались лицом к лицу. Он замахнулся огромной дубиной с медной головкой, которой он надеялся выбить из меня жизнь, поскольку стрелы меня не брали. Я принял удар на щит, но сила удара была столь велика, что я упал на колени. В следующую секунду я вскочил и бросился на него. Крича, я схватил меч обеими руками, так как мой щит остался на земле, и обрушил его на голову Урко. Толстый тюрбан его был рассечен пополам, как перед этим топор Урко, и Взвейся-Пламя глубоко вонзился ему в череп.

Урко упал, как оглушенный бык, и я уже собирался его прикончить, как вдруг на мои плечи упала петля, веревочная петля, которая тут же затянулась. Напрасно я боролся, стараясь освободиться. Меня сбили с ног; десятка два рук схватили меня и утащили в глубь армии Урко.

Ожидая, пока принесут паланкин, они подняли меня на ноги, оставив мои руки затянутыми в петлю, которую эти индейцы называют «лассо» и набрасывают с большой ловкостью; окровавленный меч Взвейся-Пламя был при мне, прижатый этой же веревкой к моей правой руке. В то время как я стоял так, наподобие быка в сети, вокруг собрались воины, смотря на меня, как мне показалось, не с ненавистью, а со страхом и даже с почтением. Когда паланкин, наконец, прибыл, они заботливо помогли мне забраться в него.

Садясь в паланкин, я оглянулся. Битва еще продолжалась, но менее яростно, чем прежде. Казалось, обе стороны устали от этого кровопролития, тем более что их вожди пали. Па-

ланкин подняли и понесли, и крики и шум сражения понемногу стали глуше и почти затихли. Кое-как извернувшись, я посмотрел назад сквозь щелочку в занавесах и увидел, что армия Инка и армия чанка угрюмо расходятся, унося своих раненых. Было ясно, что битва кончилась вничью, поскольку не было ни разгрома, ни триумфа.

Я увидел также, что вступаю в великий город Куско. В дверях домов стояли женщины и дети, глаза на процессию; некоторые плакали и ломали руки.

Миновав несколько длинных улиц и перейдя через мост, меня доставили на широкую площадь, окруженную внушительными зданиями, низкими, массивными, построенными из огромных камней, У входа в одно из них мы остановились, и мне помогли выйти. Одетые в красивые расшитые одежды люди меня провели через ворота и через сад, где я заметил нечто совершенно удивительное: все растения были из чистого золота с серебряными листьями или из серебра с золотыми листьями. На некоторых деревьях сидели птицы, также сделанные из золота и серебра. Увидев это, я подумал, что схожу с ума, но это было не так: просто, не имея другого применения для драгоценных металлов, которые Инка имели в изобилии, они стали украшать ими свои дворцы.

Пройдя через золотой сад, я достиг закрытого дворика, окруженного помещениями, в одно из которых меня провели. Войдя, я очутился в великолепном покое, увешанном фантастически вышитыми тканями и обставленном мягки-

ми сиденьями и столами из редкого дерева с инкрустацией из драгоценных камней. Слуги, или рабы явились вместе с камергером, который низко поклонился и приветствовал меня от имени Инка.

Затем мягко и осторожно, как будто я был чем-то вроде божественного существа, они вынули из-подверевки прижатый к моему запястью меч, сняли с меня мой длинный лук с несколькими оставшимися стрелами, взяли также мой кинжал и все это куда-то унесли. Меня освободили от лассо, от моих доспехов (я объяснил им, как это сделать) и от одежды, обмыли теплой, ароматичной водой, растерли покрытые синяками и кровоподтеками руки и ноги и облачили меня в удивительно мягкую одежду, тоже надушенную и перехваченную золотым поясом. После этого принесли в золотых сосудах еду и пряное туземное вино. Я поел и выпил вина и, чувствуя глубокую усталость, прилег на мягкое ложе, надеясь заснуть. Ибо теперь мне было все равно, что со мной будет, и я все принимал как оно было, и хорошее, и дурное, предоставив свое тело и душу попечению Бога и Св. Хьюберта. В самом деле, что мне оставалось делать после того, как меня взяли в плен и обезоружили?

Когда я проснулся, чувствуя боль и скованность во всем теле, но все же отдохнувший, была уже ночь, ибо в комнате были зажжены все светильники. Перед моим ложем стоял камергер, о котором я уже говорил. Я его спросил о цели его появления. Многократно кланяясь, он сказал, что если

я отдохнул, Инка Упанки желает меня видеть и говорить со мной.

Я велел отвести меня к Инка, и вместе с другими, ожидавшими нас за дверьми, он провел меня через лабиринт коридоров в роскошный зал, где все, казалось, было золотым, ибо даже стены были покрыты этим металлом. Я так устал от этого блеска, что, кажется, обрадовался бы, будь они из простого дерева или кирпича. В конце зала, также освещенного висячими лампами, были занавеси. Две красивые женщины в обшитых драгоценностями юбках и головных уборах раздвинули эти занавеси, и за ними на возвышении я увидел ложе, а на нем старого Инка Упанки, который выглядел намного слабее, чем во время нашей первой встречи, и был одет очень просто, в белую тунику. Только голову его украшал венец с красной бахромой, с которым, как я полагаю, он не расставался ни днем, ни ночью. Он поднял глаза и сказал:

– Приветствую тебя, Белый-Повелитель-из-Моря. Итак, ты все-таки посетил меня в конечном итоге, хотя и сказал, что этого не будет.

– Меня привели к тебе, Инка, – ответил я.

– Да, да, мне сказали, что тебя захватили во время битвы, хотя, я думаю, это случилось по твоей доброй воле, так как ты устал от этих чанка. Ибо какое же лассо может задержать бога?

– Никакое, – смело ответил я.

– Конечно. А то, что ты какой-то бог, я не сомневаюсь,

судя по тому, что ты совершал во время битвы. Говорят, что стрелы и копья таяли от одного прикосновения к тебе, и что ты поражал людей из лука и мечом сразу целыми десятками. Опять же, когда Урко пытался убить тебя, то, хотя он самый сильный из людей моего царства, – ты сбил его с ног, как ребенка, и так раскроил ему голову, что теперь неизвестно, останется он жив или умрет. Я почти надеюсь, что он умрет, потому что, знаешь ли, я с ним рассорился.

Я подумал про себя то же самое, но вслух спросил:

– Как кончился бой, Инка?

– Так же, как начался, лорд Курачи. Масса людей с обеих сторон – убита, тысячи и тысячи, и ни одна из армий не победила. Обе отступили и сидят, рыча друг на друга, как два озлобленных льва, боящихся новой схватки. В действительности я не хочу, чтобы они сражались, и теперь, когда Урко не может помешать мне, я положу конец этому кровопролитию, если буду в силах. Скажи, – ведь ты был с ним, – почему этот Хуарача, который, я слышал, тоже ранен, хочет со мной воевать, он и его беспокойные чанка?

– Потому что твой сын, принц Урко, отравил – или пытался отравить – его единственную дочь Куиллу.

– Да, да, я знаю, и это было очень нехорошо с его стороны. Видишь ли, вот как это было. Эта прелестная Куилла, которая даже красивее, чем ее мать Луна, должна была выйти замуж за Урко. Но – как случилось во время нашего совместного путешествия – она влюбилась в меня, хоть я и стар,

и умоляла защитить ее от Урко. С женщинами это бывает. Если они видят нечто божественное, их сердца отвращаются от вульгарного, – и он глупо засмеялся, как тщеславный старый дурак, каким он и был на самом деле.

– Естественно. Она ничего не могла поделать. Кто же, увидев тебя, мог бы захотеть жить с Урко?

– Никто, тем более что Урко грубый и жестокий малый. Так что мне оставалось делать? Я не собираюсь жениться в моем возрасте, – на это есть причины. Я устаю даже от вида женщин, – мне нужно время, чтобы молиться и думать о святых вещах; к тому же если бы я уступил ее желанию, кто-нибудь мог бы подумать, что я плохо обошелся с Урко. Но в то же время сердце женщины священо, и я не мог применить насилие к сердцу такой нежной, понимающей и прелестной женщины. Я поэтому поместил ее вместе с Девами Солнца, – там она будет в полной безопасности.

– Но она оказалась в опасности, Инка.

– Да, потому что этот насильник Урко, обманутый в своих надеждах и к тому же очень ревнивый, попытался через одну из низких тварей, которая прислуживала Девам, отравить ее. От этого яда она бы вся распухла и стала бы безобразной, лицо ее покрылось бы язвами, и, может быть, она бы даже впала в безумие. К счастью, одна из матрон, которых мы называем мам а к о н а с, выбила чашку у нее из рук прежде, чем она успела из нее отпить, но какая-то доля этого мерзкого яда попала ей в глаза, и она ослепла.

– Значит, она жива, Инка?

– Конечно, жива. Я проверил это сам – в этой стране неразумно верить тому, что тебе говорят. Видишь ли, как Инка, я имею привилегии, и хотя не вступаю в разговор с Девами Солнца, я велел провести их всех передо мной, на что, строго говоря, даже не имею права. Это было жуткое дело, лорд Курачи, ибо, хотя эти Девы такие святые, многие из них очень безобразны и стары, а Куилла, как вновь посвященная, шла, конечно, позади всей шеренги – ее вели две матроны, мои родственницы. Как ни странно, но этот яд сделал ее еще прекраснее, чем раньше; ее глаза стали еще больше и сияют, как звезды в морозную ночь. Так что она там, и ни один мужчина, даже самый хитрый и нечестивый, не имеет к ней доступа. Чего же еще хочет этот Хуарача?

– Вернуть домой свою слепую дочь, Инка.

– Невозможно, невозможно! Кто когда-нибудь слышал о таких вещах! Да что ты! Небо и Земля столкнулись бы друг с другом, и мой отец, а ее муж – Солнце – сжег бы нас всех до единого. Может быть, мы все-таки пришли бы к соглашению? Ведь Хуарача, наверно, сыт войной по горло и, вполне возможно, умрет. Ну, ладно, я уже устал говорить о леди Куилле. Я хочу кое-что спросить у тебя.

– Спрашивай, Инка.

Внезапно вся манера этого старого идиота резко изменилась: он стал быстрым и пронизательным, каким был, несомненно, в дни своего расцвета, ибо этот Упанки был вели-

ким царем. Еще в начале нашего разговора обе женщины, о которых я упоминал, и камергер удалились в противоположный конец зала, где и оставались в ожидании, сложив руки, словно молящиеся люди перед алтарем. Все же Инка огляделся, как бы желая удостовериться, что его никто не услышит, и в конце концов знаком пригласил меня подняться на возвышение и сесть рядом с ним на его ложе.

– Видишь ли, – сказал он, – я доверяю тебе, хотя ты и бог из моря и сражался против меня. Так слушай же. С тобой был слуга, очень странный человек, который, говорят, тоже вышел из моря, хотя я этому не верю, потому что он очень похож на наших принцев. Где сейчас этот человек?

– Вместе с воинами Хуарача, Инка.

– Так я слышал. А еще я слышал, что во время сражения он поднял знамя с вышитым на нем солнцем, что после этого некоторые из моих полков дезертировали и перешли к Хуарача. Как ты думаешь, почему они сделали это?

– Как я понимаю, Инка, цари этой земли имеют много сыновей. Может быть, это был один из них.

– Ага! Ты умен, как и следует быть богу. Ну, я же ведь тоже бог, и мне в голову пришла та же мысль. Хотя фактически у меня только два законных сына, остальные не имеют значения. Старший из этих двух был способный и красивый; его звали Кари. Но мы поссорились, и, сказать по правде, тут была замешана женщина, вернее, две женщины, потому что мать Кари боролась против матери Урко, которую я любил:

она никогда не бранила меня, а та – постоянно. Поэтому Урко и был объявлен моим наследником, а в будущем – Инка. Но ему этого было мало; он ревновал к своему брату Кари, который превосходил его во всем, кроме физической силы. Они полюбили одну и ту же женщину, и Кари завоевал ее расположение; но потом Урко соблазнил ее и похитил, после чего он же, или кто-то другой, ее убил. По крайней мере, она умерла, не помню как. Постепенно знатные люди, в которых течет кровь Инка, стали склоняться на сторону Кари, потому что он был царской крови и мудрый, но это означало бы гражданскую войну после того, как я отправился бы к Солнцу. Поэтому Урко отравил его, – во всяком случае, так утверждала молва. Как бы то ни было, он исчез, и с тех пор я не раз оплакивал его.

– Мертвые иногда оживают, Инка.

– Да, да. Повелитель-из-Моря, это случается; боги, которые взяли их от нас, приводят их обратно; и этот твой слуга, – говорят, он так похож на Кари, будто он и есть тот человек, только ставший немного старше. И почему те полки, во главе которых стояли люди, любившие Кари, – почему они сегодня перешли на сторону Хуарача, и почему по всей стране летят слухи, возникшие вдруг, словно ветер среди ясной погоды? Расскажи мне о твоём слуге, как ты нашел его в море.

– Зачем бы я стал тебе рассказывать, Инка? Может быть, ты хочешь его убить, раз он так похож на твоего пропавшего

Кари?

– Нет, нет, просто боги могут советоваться друг с другом, разве не так? Я бы отдал – о, половину своей божественности, лишь бы знать, что он жив! Послушай, я устал от Урко, так устал, что иногда даже удивляюсь, действительно ли он мой сын. Кто знает? Был один вельможа из страны на побережье – волосатый гигант, который, говорят, за один присест мог съесть полбарана и которому ничего не стоило там, у себя, переломить человеку хребет; так мать Урко очень его ценила. Но – кто знает? Никто, кроме отца моего Солнца, но он хранит свои тайны пока что. А Урко – он меня утомил своими грубыми преступлениями и пьянством, хотя армия его любит, потому что он мясник, и к тому же и щедрый. На днях мы поссорились по одному мелкому поводу, связанному с леди Куиллой, и он стал угрожать мне, пока я совсем не рассердился и не сказал, что не передам ему корону, как хотел раньше. Да, я очень разгневался и возненавидел его, – а ведь это ради него я согрешил, потому что его мать околдовала меня. Повелитель-из-Моря, – тут его голос упал до шепота, – я боюсь Урко. Даже такого бога, как я, можно убить, Повелитель-из-Моря. Вот почему я не хочу ехать в Юкэй. Там я мог бы умереть, и никто не узнал бы, а здесь я все еще Инка и бог, коснуться которого – святотатство.

– Понимаю. Но как я могу помочь тебе, Инка? Я ведь только пленник у тебя во дворце.

– Нет, нет, ты пленник только на словах. Урко в самом

худшем случае будет долго болеть, так как лекари говорят, что твой меч врезался в него слишком глубоко. А в это время вся власть будет в моих руках. В твоём распоряжении вестники; ты волен уходить и приходить, когда захочешь. Приведи ко мне твоего слугу, ведь он тебе, конечно, доверяет. Я бы хотел поговорить с ним, о Повелитель-из-Моря!

– Если я это сделаю, Инка, ты вернешь леди Куиллу ее отцу?

– Нет, это было бы святотатством. Проси все, что хочешь, – землю, власть, дворцы, жен, – но только не э т о. Даже я сам не осмелился бы тронуть пальцем ту, что покоится в объятиях Солнца. Что такого в этой Куилле? В конце концов, она всего лишь красивая женщина, одна из тысячи.

Немного подумав, я ответил:

– Я думаю очень много, Инка. Все же, чтобы пресечь кровопролитие, я постараюсь сделать все возможное и привести к тебе того, кто был моим слугой, если ты дашь мне возможность встретиться с ним; а потом мы, еще раз поговорим.

– Да, а то я уже устал. Потом мы поговорим еще раз. До свидания, Повелитель-из-Моря.

ГЛАВА IX. КАРИ ЗАНИМАЕТ СВОЕ МЕСТО

Проснувшись на следующее утро в той же великолепной комнате, о которой я уже говорил, я обнаружил, что мне возвращены мои доспехи и оружие, и очень обрадовался вновь увидеть Взвейся-Пламя. После того как я поел и, сопровождаемый слугами, ибо меня не оставляли одного, прошелся по саду, дивясь чудесным золотым фруктам и цветам, ко мне явился вестник и сказал, что со мной хочет говорить Виллаорна. Я подивился про себя, кто такой этот Виллаорна, но когда тот появился, я тотчас узнал Ларику, того самого вельможу с суровым лицом и хитрыми глазами, который говорил от имени Инка во время его визита в город Чанка. Я узнал также, что «Виллаорна» – его титул, означающий «Главный жрец».

Мы поклонились друг другу и, отослав всех прочь, остались одни.

– Повелитель-из-Моря, – начал он, – Инка послал меня, своего советника и кровного родственника, главного жреца Солнца, передать тебе его желание, чтобы ты от его имени отправился с миссией в лагерь чанка. Однако сперва ты должен поклясться Солнцем, что вернешься оттуда в Куско. Согласен ли ты на это?

Так как я больше всего на свете желал вернуться в Куско,

где находилась Куилла, я ответил, что поклянусь своим собственным богом, Солнцем и своим мечом, – разве что чанка задержат меня силой. Затем я попросил его изложить суть дела.

Он повиновался.

– Повелитель, – сказал он, – мы узнали, неважно каким образом, что человек, явившийся вместе с тобой в эту страну, не кто иной, как старший сын Инка, Кари, которого мы считали умершим. Сейчас Инка намерен, – как и мы, его советники, намерены – провозгласить Кари наследником престола, который, может быть, его навсегда призовут занять. Но это чревато большими опасностями, так как Урко все еще командует армией, и многие знатные люди из рода его матери идут за ним, надеясь на продвижение, когда он станет Инка.

– Но, жрец Ларико, говорят, что Урко при смерти, а если так, эти опасности растают, как облако.

– Твой меч проник глубоко, но я знаю от его врачей, что мозг не затронут, так что Урко не умрет, хотя и будет долго болеть. Мы должны действовать, пока он болен, ибо покончить с ним, даже если б удалось проникнуть к нему, было бы незаконно. Время не ждет, Повелитель, ты сам видел, что Инка стар и слаб, и разум его сдает. По временам он совсем ничего не помнит, хотя в другое время силы к нему возвращаются.

– А это значит, что я имею дело с тобой, Главным жрецом,

и с теми, кто стоит за тобой, – сказал я, смотря ему в глаза.

– Именно так, Повелитель. Выслушай меня, я скажу тебе всю правду. После Инка я самый могущественный человек в Тавантинсуйу; фактически Инка большей частью говорит с моего голоса, хотя кажется, что я говорю с его голоса. Однако я в западне. До сих пор я поддерживал Урко, потому что кроме него не было другого, кто мог бы стать Инка, хотя он и жестокий, злой человек. Но недавно, вскоре после нашего возвращения из города Чанка, я поссорился с Урко, – он потерял эту колдунью леди Куиллу, от которой он без ума, и решил, что я этому способствовал; и мне стало известно, что когда он сядет на трон, он намерен убить меня, и он это, конечно, сделает, если сможет, или, по крайней мере, лишит меня моей должности и власти, что не лучше, чем смерть. Я поэтому желаю заключить мир с Кари, если он поклянется оставить меня на моем месте; а это я могу сделать только через тебя. Устрой этот союз, Повелитель, и я тебе обещаю все, чего захочешь, – даже трон Инка, если с Кари что-нибудь случится или если Кари откажется от моего предложения. Я думаю, куичуа приветствовали бы Белого Бога-из-Моря, который показал себя таким великим полководцем и таким храбрым в сражении, и превосходит их знаниями и мудростью настолько, чтобы править ими, – добавил он, подумав. – Только в таком случае пришлось бы избавиться от Кари, а не только от Урко.

– На что я никогда бы не согласился, – возразил я, – ибо

он мой друг, с кем я делил многие опасности. Более того, я вовсе не хочу быть Инка.

– Может быть, есть что-нибудь другое, чего ты очень хочешь, Повелитель? Там, в городе Чанка, мне в голову пришла одна мысль. Кстати, какая красавица эта леди Куилла, и какая царственная женщина! Крайне странно, что она могла подумать о таком старике, как Упанки.

Мы посмотрели друг на друга.

– Очень странно, – сказал я. – И очень печально, что эта прекрасная Куилла заточена на всю жизнь в монастыре. Сказать по правде, Верховный жрец, чем такое могло произойти, я бы лучше женился на ней сам, на что она, может быть, и согласилась бы.

Мы опять посмотрели друг на друга, и я продолжал:

– Я даже намекнул об этом Кари, когда мы узнали, что она причислена к Девственницам, и спросил его, возьмет ли он ее оттуда и отдаст ли мне, если он станет Инка.

– И что он ответил?

– Он сказал, что, хотя любит меня, как брата, он скорее убьет меня своей собственной рукой, ибо такой поступок был бы святотатством по отношению к Солнцу. Вчера вечером Инка ответил мне примерно в том же духе.

– Вот как, Повелитель? Впрочем, это мы, жрецы, воспитываем в наших Инка подобный образ мыслей. Ибо если бы мы этого не делали, где была бы наша власть, – ведь мы Голос Солнца на земле и передаем его веления.

– Но сами-то вы, вы всегда ли так думаете, о Верховный жрец?

– Не совсем всегда. В каждом законе, установлен ли он богами или людьми, есть лазейки. Например, мне кажется, я вижу одну такую в случае с леди Куиллой. Но прежде чем тратить время на разговоры, скажи мне, Белый Повелитель, ты действительно хочешь ее, и если да, то готов ли заплатить мне соответственно? Моя цена – обещание Кари, если он станет Инка, обеспечить мне его дружбу и сохранение моей власти и положения.

– Отвечу: да, я действительно хочу, чтобы эта леди стала моей, о Верховный жрец, и если я смогу, я добьюсь от Кари обещания выполнить то, чего ты просишь. А теперь скажи, что это за лазейка?

– Мне помнится, Повелитель, что есть один древний закон, по которому ни одна женщина, получившая какое-либо увечье, не может стать женой Солнца. Правда, этот закон применяется к ним до того, как они вступают в священный брак. Все же, если бы этот вопрос был поставлен передо мной как Верховным жрецом, то, возможно, я смог бы обосновать его применение и по с л е заключения брака. Случай, конечно, редкий, и если как следует поискать, то беспрецедентный. Так вот: по злой воле Урко эту леди Куиллу ослепили и, следовательно, она уже не совершенна телесно. Понимаешь?

– Абсолютно. Но что сказал бы Упанки или Кари? Ваши Инка всегда фанатики, и могли бы истолковать этот закон

по-другому.

– Трудно сказать, Повелитель, но давай говорить прямо: я помогу тебе, если смогу, если ты поможешь мне, – если ты сможешь; хотя смею сказать, в конце концов, ты, поскольку ты не фанатик, должен будешь взять власть закона в свои руки, как, вероятно, сделает и леди Куилла, благо она поклоняется Луне.

Кончилось тем, что я и этот хитрый жрец и политик заключили сделку. Если мне удастся склонить Кари в его пользу, тогда, как он поклялся Солнцем, он устроит мне доступ к леди Куилле и поможет нам бежать, если мы оба захотим. Я же со своей стороны поклялся за него ходатайствовать перед Кари. Больше того, он подчеркнул, что ни один из нас не нарушит своей клятвы, так как с этой минуты мы сообщники, и судьба одного зависит от воли другого.

После этого мы перешли к общественным делам: мне поручено предложить Хуарача и чанка почетное перемирие с разрешением разбить лагерь в определенных долинах близ Куско и получать продовольствие, пока не будет заключен мир, по которому они получают желаемое – свободу и гарантию от нападений. Кроме того, я должен привести Кари и тех, кто накануне перешел на его сторону, в Куско, где им гарантирована полная безопасность.

Потом Ларико ушел, оставив меня в более счастливом настроении, чем я был с тех пор, как простился с Куиллой. Ибо теперь передо мной забрезжил рассвет – правда, слабый и

неверный, с трудом – если вообще достижимый, но все-таки свет. Наконец-то я нашел в этой стране темных суеверий хоть одного человека, который не был фанатиком и, будучи Верховным жрецом Солнца, о своем боге знал слишком много, чтобы бояться его или верить в то, что он сойдет на землю и сожжет ее, если одной из сотен его невест вздумается выбрать себе другого мужа. Конечно, этот Ларико мог предать меня и Куиллу, но я не думал, что он пойдет на это, поскольку он ничего бы этим не выиграл, а потерять мог бы многое, ибо я был в силах (по крайней мере, он думал, что я в силах) настроить Кари против него. Во всяком случае, мне оставалось идти вперед и уповать на судьбу, хотя она никогда не была ко мне милостива там, где дело касалось женщин.

Немного позже меня доставили в собственном паланкине Инка в лагерь чанка в сопровождении посольства из знатных вельмож.

Мы пересекли ужасную, залитую кровью равнину, где под флагом перемирия каждая из сторон занималась погребением тысяч своих убитых, и приблизились к той гряде холмов, откуда мы накануне утром начали свою атаку. Здесь нас остановили часовые, и я вышел из паланкина. Когда чанка увидели, что я возвращаюсь к ним живой и в своих доспехах, они разразились ликующими криками, и тотчас меня и моих спутников провели в палатку Хуарача.

Мы застали его на ложе, ибо хотя он не получил открытой раны, он сильно пострадал от дубинки Урко, удар которой,

как я боялся, повредил ему внутренности. Он приветствовал меня с восторгом, так как думал, что, захватив меня в плен, меня могли убить, и спросил, каким образом я попал в его лагерь в сопровождении наших врагов. Я сразу рассказал ему обо всем, что произошло, и о том, что с меня взяли клятву – вернуться в Куско после завершения моей миссии. Затем послы Инка изложили свои предложения по поводу перемирия и удалились, чтобы Хуарача мог обсудить их со своими военачальниками и с Кари, который тоже очень обрадовался, увидев меня целым и невредимым.

В конце концов эти предложения были приняты на выдвинутых условиях, а именно, что Хуарача и его армия располагаются в указанных мной долинах и получают все необходимое продовольствие до тех пор, пока не будет предложен приемлемый для него мир. Чанка были даже рады согласиться на этот план, ибо их потери оказались очень велики, и они не были в состоянии возобновить наступление на Куско, который защищали все еще могущественные массы воинов, сражавшихся за свои дома, семьи и свободу.

Таким образом, согласие было достигнуто при условии, что мир будет заключен не позже, чем через тринадцать дней, а если возможно, то и раньше, а если нет, то возобновится война.

Потом в частной беседе я рассказал Хуарача все, что узнал о Куилле, добавив, что я все еще надеюсь ее спасти, но умолчал о том, на что я возлагаю свои надежды. После некоторо-

го раздумья он сказал, что теперь судьба Куиллы – в руках богов и в моих руках, ибо даже ради нее он не должен пренебрегать возможностью почетного мира, поскольку еще одна битва может кончиться полным разгромом. Он подчеркнул также, что сам он ранен, а я – пленник, и должен в силу своей клятвы вернуться в плен, так что чанка потеряли своих предводителей.

После этого мы расстались; я обещал стоять за него и его дело и снова увидеться с ним по мере возможности.

Покончив с этими делами, я уединился с Кари там, где никто не мог слышать, и выложил ему предложения Верховного жреца Ларико, объяснив все обстоятельства. Однако я ни слова не сказал о Куилле, хотя мне было тяжело скрыть от Кари даже часть правды. Но что я мог поделать, зная, что если я расскажу ему все, как есть, и он станет Инка или признанным наследником престола, он будет действовать против меня, побуждаемый суеверным безумием и, может быть, велит жрецам убить Куиллу, вступившую, по его мнению, на путь святотатства. Поэтому я умолчал об этой стороне дела, тем более что он и не спрашивал меня о Куилле, не желая, видимо, ничего знать ни о ней, ни о ее судьбе.

Выслушав меня, он сказал:

– Это может оказаться ловушкой. Не верю я этому Ларико, он всегда был моим врагом и другом Урко.

– Я думаю, он прежде всего друг себе самому, – ответил я, – и знает, что если Урко поправится, то убьет его за то, что

он стал на сторону твоего отца Упанки, когда они поссорились: Урко будет подозревать его.

– Не уверен, – возразил Кари. – И все же чем-то надо рисковать. Не говорил ли я тебе, когда мы плыли к морю по той английской реке, что мы должны уповать на наших богов; и потом тоже, и не однажды? И разве боги не спасли нас? Ну, так теперь я снова доверюсь моему богу, – и, достав изображение Пачакамака, которое он по-прежнему носил на шее, он поцеловал его и, отвернувшись, поклонился и вознес молитву Солнцу.

– Я пойду с тобой, – сказал он, совершив свой обряд, – жить и стать Инка или умереть: на все воля Солнца.

Итак, он отправился со мной, и вместе с ним несколько его друзей, командовавших полками, которые к нему приехали во время битвы. Но пять тысяч воинов или те из них, что остались в живых, пока не последовали за нами, боясь, что они будут окружены и перебиты полками Урко.

В этот же вечер, когда мы благополучно прибыли в Куско, Кари и Верховный жрец Ларико имели секретную беседу. Из всего, что было между ними, Кари сообщил мне лишь одно: что они пришли к соглашению, удовлетворяющему обе стороны. То же самое сказал мне Ларико, когда я увидел его после этого разговора, добавив:

– Ты сдержал свое слово, Повелитель-из-Моря, и оказал мне услугу; поэтому я сдержу свое и отвечу тем же тебе, когда придет срок. Однако предупреждаю тебя – не говори Ка-

ри ни слова о некоей леди, ибо когда я намекнул ему, что возвращение этой леди к ее отцу Хуарача способствовало бы скорейшему и более прочному миру, он ответил, что скорее будет сражаться с Хуарача и с юнка тоже, вплоть до последнего воина в Куско.

– К Солнцу она ушла, – сказал он, – и у Солнца должна оставаться, иначе проклятие Солнца и самого Пачакамака-Духа, что выше Солнца, падет и на меня, и всех нас.

Ларико сказал мне также, что знатные сторонники Урко, опасаясь чего-то, унесли его в паланкине в укрепленный город, расположенный в горах примерно в пяти лье от Куско, и что их сопровождали тысячи отборных людей, которые останутся в городе и на подступах к нему.

На следующее утро я был вызван к Инка Упанки и явился к нему в моих доспехах. Я нашел его в том же великолепном зале, что и раньше, только на этот раз он был одет по-царски, и при нем присутствовали некоторые из высоких особ царской крови, а также кое-кто из жрецов, среди них и Виллаорна Ларико.

Старый царь, который в этот день был в ясном уме и хорошо выглядел, приветствовал меня очень любезно и велел мне доложить обо всем, что было между мной и Хуарача в лагере чанка. Я повиновался, умолчав лишь о том, сколь велики были потери чанка, и как они обрадовались перемирию и возможности отдыха.

Упанки сказал, что эти сведения будут внимательно изу-

чены; при этом он говорил с высоты своего царского величия таким тоном, будто этот вопрос не имел большого значения; это должно было показать мне, какой он великий император. Он и был велик – в том смысле, что такая обширная страна, как Англия, составила бы лишь одну провинцию в его огромных владениях, каждый уголок которых был заселен людьми, жившими, за исключением мятежных юнка, лишь затем, чтобы выполнять его волю.

После доклада, когда я уже подумал, что аудиенция окончена, к подножью трона приблизился один из камергеров и, преклонив колени, объявил, что некий проситель желал бы поговорить с Инка. Упанки махнул своим жезлом в знак того, что он согласен его выслушать. И тотчас в зал вошел Кари, одетый в тунику и плащ принцев Инка, с золотым диском, изображавшим солнце, в ухе и цепью из изумрудов и золота на шее. Он пришел не один: его сопровождала блестящая группа тех вельмож и военачальников, которые перешли на его сторону в день великой битвы. Он приблизился и стал перед тронem на колени.

– Кто это, что носит эмблемы Священной Крови и облачен как Принц Солнца? – спросил Упанки, разыгрывая неведение и полную невозмутимость, хотя я видел, что его бледные щеки покраснели и скипетр задрожал у него в руке.

– Тот, в ком поистине течет Священная Кровь Инка; тот, кто является чистейшим отпрыском Солнца, – отвечал царственный Кари присущим ему спокойным тоном.

– Как же его имя? – снова спросил Инка.

– Его имя Кари, перворожденный сын Упанки, о Инка.

– У меня был такой сын когда-то, но он давно умер, – по крайней мере, так мне сказали, – произнес Упанки дрожащим голосом.

– Он не умер, о Инка. Он жив и преклоняет перед тобой колени. Урко отравил его, но его отец Солнце спас ему жизнь, а Дух, что царит над всеми богами, поддержал его. Море унесло его в далекую страну, где он нашел Белого Бога, который сделал его своим другом и заботился о нем, – при этих словах он повернул ко мне голову. – Вместе с этим богом он вернулся на свою родину, и здесь он преклоняет колени перед тобой, о Инка.

– Не может быть, – сказал Инка. – Какой знак ты носишь на себе, ты, называющий себя Кари? Покажи мне образ Духа над всеми богами, который издревле вешали с детства на шею старшего сына Инка, рожденного от Царицы.

Кари вынул из-под плаща золотое изображение Пачакамака, которое он постоянно носил, не снимая.

Упанки стал рассматривать его, приблизив этот символ к слезящимся глазам.

– Кажется, это он, – сказал он, – я не мог его не узнать, ведь он лежал у меня на груди, пока не родился мой первенец. И все же кто может знать наверное? Такие вещи можно скопировать!

Он вернул Кари изображение и после некоторого разду-

мья приказал:

– Приведите сюда Мать Царских Нянь.

Очевидно, эта леди была наготове, ибо через минуту она стояла перед троном, старая увядшая женщина с похожими на бусинки глазами.

– Мать, – сказал Инка, – ты была с Койя (то есть с царицей), которую призвало к себе Солнце, когда родился ее сын, и нянчила его в последующие годы. Если бы ты увидела его тело теперь, когда бы он достиг зрелости, узнала бы ты его?

– Да, о Инка.

– Как, Мать?

– По трем родинкам, о Инка, которые мы, женщины, называли Юти, Куилла и Часка (то есть Солнце, Луна и Венера) и которые были знаками удачи, отпечатанными богами на спине Принца, между лопатками, одна над другой.

– Человек, называющий себя Кари, согласен ли ты обнажить перед этой женщиной свою плоть?

Вместо ответа Кари, слегка улыбнувшись, скинул с себя тунику и другую одежду и предстал перед нами обнаженный до пояса. Потом он повернулся к женщине спиной. Ковыляя, она подошла к нему и устремила на его спину блестящие глаза.

– Много шрамов, – забормотала она, – шрамы сзади и спереди. Этот воин знал битвы и удары. А что у нас здесь? Взгляни, о Инка, – Юти, Куилла и Часка – вот они, одна над другой, хотя Часка почти не видна под следами старой раны. О

мой питомец, о мой Принц, кого я вскормила этой увядшей грудью, неужели ты явился из мертвых, чтобы занять свое место? О Кари, дитя Священной Крови; Кари, пропавший, ныне Кари обретенный вновь!

Рыдая и бормоча, она обвила его руками и поцеловала его. Он тоже не постеснялся и ответил поцелуем, – здесь, перед всеми, кто был в зале,

– Оденьте принца, – сказал Упанки, – и принесите венец, который носит наследник Инка.

Тотчас появился венец – нечто вроде ленты с бахромой, – предьявленный Верховным жрецом Ларико, из чего я сразу понял, что вся эта сцена была заранее подготовлена. Упанки взял его у Ларико и, поманив Кари, обвязал этот венец с помощью Ларико вокруг его головы, тем самым признав своего сына и восстановив его в правах наследника Империи. Потом он поцеловал его в лоб, а Кари опустился на колени, отдавая ему дань уважения и благодарности.

ಶ್ರೀಕೃಷ್ಣ

После этого они оба удалились, сопровождаемые только Ларико и двумя-тремя советниками из рода Инка. Позже я узнал, что они рассказывали друг другу о том, что с ними было, и строили планы, как бы обойти, а в случае необходимости – уничтожить Урко и его фракцию.

На следующий день Кари водворился в дом, который отныне стал его резиденцией. Этот дом был похож скорее на крепость, чем на дворец, – построенный из крупного камня, с узкими воротами, он стоял на открытом месте, где располагалась лагерь стража. Состояла она из всех, кто дезертировал на сторону Кари в битве на Кровавом поле и вернулся в Куско, когда Кари был признан наследником Инка. Поблизости были расквартированы также другие войска, которые сохраняли верность Инка, тогда как приверженцы Урко тайно отбыли в тот город, где он лежал больной. Кроме того, было официально объявлено, что в день, когда народится новая луна – этот день маги считали особенно благоприятным, – Кари будет публично представлен народу в Храме Солнца как законный наследник престола вместо Урко, лишённого наследства из-за преступлений, которые он совершил против Солнца, Империи и своего отца Инка.

– Брат, – сказал мне Кари, когда я пришел поздравить его с высоким положением, ибо так он теперь называл меня, став законным принцем, – брат, не говорил ли я тебе, что мы должны верить своим богам? Как видишь, я верил не напрасно, хотя, правда, впереди еще много опасностей, и, воз-

можно, гражданская война.

– Да, – ответил я, – твои боги явно собираются дать тебе все, что ты хочешь, но со мной и с моими богами дело обстоит не так.

– Чего же ты желаешь, брат, если ты можешь владеть даже половиной царства?

– Кари, – сказал, – мне нужна не Земля, а Луна. Он понял, и лицо его посуровело.

– Брат, Луна – единственное исключение, ибо она живет на небе, тогда как ты пока еще на земле, – ответил он, нахмурившись и переводя разговор на заключение мира с Хуарача.

ГЛАВА X. ВЕЛИКИЙ УЖАС

Наступил день обновления Луны, а в этот же день произошло ужасное и трагическое событие, которое заставило всю Империю Тавантинсуйу дрожать от страха перед Небесным возмездием.

С тех пор как Упанки вновь обрел своего старшего сына, он в нем просто души не чаял, как нередко бывает со старыми слабоумными людьми, и часто, обняв его за шею, бродил с ним по садам и дворцам, болтая о том, что в данный момент больше всего занимало его ум. Вдобавок ко всему его душу угнетала мысль, что в прошлом он был несправедлив к Кари и предпочел ему Урко, действуя под влиянием его матери.

Я сам слышал один из их разговоров.

– Истина в том, сын, – говорил он Кари, – что мы, мужчины, правящие миром, вовсе им не правим, потому что нами всегда управляют женщины. И делают они это через наши страсти, которыми боги наделили нас для своих собственных целей, а также благодаря тому, что у женщин ум направлен в одну сторону. Мужчина думает о многих вещах, женщина же только о том, чего она желает. Поэтому мужчина, одурманенный Природой в своей страсти, может выставить лишь одну частицу своего ума против целого ума женщины и, конечно, терпит поражение, ибо он создан лишь для одной цели – быть парой женщине, чтобы она могла рожать боль-

ше мужчин, которые будут выполнять желания женщин, хотя последние с виду и кажутся рабынями этих мужчин.

– Я испытал это сам, отец, – ответил серьезный Кари, – и по этой причине твердо решил не иметь дела с женщинами, насколько это возможно в моем положении. Во время моих странствий в других землях, так же как и в этой стране, я не раз видел, как любовь к женщине разоряла и превращала в ничто великих и благородных мужчин, толкая их в грязь, в то время как они держали в своих руках богатства и славу мира. Больше того, – я заметил, что они редко становятся мудрее, и то, от чего они страдали раньше, они готовы повторить вновь, веря всем клятвам, слетающим с нежных уст. Да, даже тому, что их любят ради них самих, на свое горе я сам поверил. Урко не смог бы отнять у меня мою красавицу-жену, если бы она не захотела уйти к нему, видя, что я лишился твоей милости, а с нею и надежды на Алюю Бахрому.

При этих словах Кари взглянул на меня, о ком, я уверен, он все время думал, и видя, что я могу услышать его речи, заговорил о чем-то другом.

В назначенный день великое множество знатных людей страны, особенно тех, в ком текла кровь Инка, и все «ушники» – то есть тот класс людей, что соответствовал нашим пэрам Англии, – собралось, чтобы услышать провозглашение Кари наследником Инка. Церемония происходила перед всем этим пышным обществом в Великом Храме Солнца, который я теперь впервые увидел.

Это было огромное и в высшей степени удивительное здание, очень метко названное «Золотым Домом», ибо все здесь было из золота. На западной стене висело изображение солнца футов в двадцать или более в поперечнике – огромная гравированная круглая пластина золота, усеянная жемчугом, с глазами и зубами из крупных изумрудов. Крыша и стены храма также были выложены золотом, и даже карнизы и капители колонн были отлиты из чистого золота.

Из этого храма открывались выходы в другие храмы, посвященные луне и звездам; край луны был выложен серебром, и ее серебряный лик сиял на западной стене. Аналогичным образом были оформлены и остальные храмы – Звезд, Молнии и Радуги; последний был, пожалуй, самый ослепительный из всех благодаря богатству красок и цветовых оттенков, создаваемых игрой алмазов и бриллиантов.

Вид всего этого блеска и великолепия поразил меня, и мне пришло в голову, что стань это известно в Европе, люди умирали бы десятками тысяч, лишь бы завоевать эту страну и завладеть ее богатствами.

Однако здесь, кроме как с целью украшения и жертвоприношения богам, ему не придавали никакого значения.

Но в этом Храме Солнца я увидел нечто, поразившее меня гораздо больше, чем золото. По обе стороны от изображения солнца на золотых стульях сидели умершие Инка и их жены. Да, да, облаченные в свои царские одежды и эмблемы, в венцах с бахромой, ниспадающей на чело, они сидели, склонив

головы, мужчины и женщины, с таким искусством сохраненные для потомков, что если бы не печать смерти на их лицах, их можно было бы принять за спящих. Так, в мертвом лице матери Кари я увидел сходство между нею и сыном. Их было много, этих усопших царей и цариц, поскольку, начиная от первого Инка, известного в истории, они все были собраны здесь, в священном Доме и под эгидой их бога – Солнца, от которого, как они верили, они вели свою родословную. Это зрелище было столь мрачно и торжественно, что меня охватил благоговейный страх. Видимо, такое же чувство владело и остальными, ибо здесь мужчины скинули с ног сандалии, и все говорили тихо, не повышая голоса.

Старый Инка Упанки явился пышно одетый и в сопровождении вельмож и жрецов, а за ними следовал Кари со своей свитой. Инка поклонился собранию, и в ответ все, кто был в Храме, – кроме меня одного, ибо моя британская гордость удержала меня на ногах, и я стоял, как единственно уцелевший среди множества убитых, – все простерлись перед его божественным величеством. По знаку они поднялись, и Инка сел на украшенный жемчугом золотой трон под изображением солнца, в то время как Кари занял место на более низком троне, по правую руку от Инка.

Глядя на него во всем его великолепии, в день, когда он снова занял подобающее ему место, я невольно вспомнил несчастного изможденного индейца со следами ударов и пятнами грязи на лице и на теле, которого я спас от жестокой

толпы на набережной Темзы, и подивился этой необычайной перемене в его судьбе и удивительной цепи событий, приведших к этой перемене.

Моя судьба тоже изменилась, ибо из человека по-своему великого, каким я был тогда, я превратился всего лишь в скитальца, – правда, почитаемого в этом сверкающем новом мире, о котором там мы ничего не знали, почитаемого за то, что я казался странным и на них не похожим, и за неведомую для них ученость и военное искусство, – но все же лишь бездомным скитальцем, каким мне суждено теперь жить и умереть. И то, что я думал, думал и Кари, ибо наши взгляды встретились, и в его глазах я прочел эти же мысли.

Передо мной сидел мой слуга, который стал моим повелителем, и хотя он все еще был моим другом, я чувствовал, что вскоре его поглотят государственные дела и интересы этой обширной Империи, и я останусь еще более одиноким, чем теперь. К тому же его образ мысли не был моим образом мысли, так же как его кровь не была моей кровью, и он рабски следовал вере, которую я считал отвратительным суеверием, без сомнения внушенным самим Дьяволом; только в этой стране его имя было Купей, и одни ему поклонялись, а другие считали его Богом умерших.

О, если бы я мог бежать вместе с Куиллой и рядом с ней прожить остаток жизни, ибо из всех этих масс людей она одна понимала меня и имела родственную душу со мной: священный огонь любви сжег все различия между нами и от-

крыл ей глаза. Но закон их проклятой веры отнял у меня Куиллу, и что бы ни отдал мне Кари, никогда он не отдал бы это дитя Луны, поскольку для него, как сказал он сам, это было бы святотатством.

Началась церемония. Прежде всего Ларико, Верховный жрец Солнца, в белом облачении совершил обряд жертвоприношения на маленьком алтаре, который стоял перед тронном Инка.

Это была очень скромная жертва, состоявшая из фруктов, злаков и цветов, с очень странными по форме предметами, видимо, отлитыми из золота. Во всяком случае, я не заметил ничего другого: ничто живое не было возложено на этот алтарь в отличие от кровавых жертвоприношений евреев, а также некоторых других племен этой большой страны.

Без молитв зато не обошлось – очень красивых и чистых молитв, насколько я мог понять, ибо их язык был более древним и несколько иным по сравнению с языком обычной повседневной речи. При этом жрецы выполняли определенные движения, кланяясь и опускаясь на колени почти так же, как наши священники во время мессы, но я не уверен, было ли это в честь богов или в честь Инка.

Когда обряд жертвоприношения закончился и небольшой огонь, который горел на алтаре, несколько погас, хотя мне сказали, что полностью его не гасили уже сотни лет, Инка вдруг заговорил. Приводя подробности, многие из которых я услышал впервые, он рассказал историю Кари и их взаим-

ного отчуждения из-за интриг матери Урко, которой, как и матери Кари, уже не было в живых. Эта женщина, как следовало из его рассказа, убедила его, Инка, что Кари организовал против него заговор, и поэтому Урко было приказано арестовать его, но Урко явился только с женой Кари, сказав, что Кари покончил с собой.

Здесь Упанки дал волю чувствам, как нередко свойственно старикам, бил себя в грудь и даже прослезился, потому что допустил такую несправедливость и позволил злым и порочным восторжествовать над добродетельными и великодушными. Он чувствует, сказал он, что за этот грех его отец-Солнце пошлет ему какое-либо наказание (как и случилось на самом деле, и скорее, чем он думал). Потом он продолжил свой рассказ, описав все прегрешения Урко, его нечестивые выпады против богов, убийство людей, знатных и простых, и похищение их жен и дочерей. Наконец, он рассказал о возвращении Кари, которого считали погибшим, и обо всем, что изложил ему я.

Закончив свою повесть, он с большими и торжественными формальностями отверг Урко как наследника Империи и вернул этот титул Кари, которому он и принадлежал по праву рождения; он призвал своих предков, одного за другим, в свидетели этого акта и снова увенчал Кари Бахромой Наследника. При этом он произнес следующие слова:

– Скоро, о принц Кари, ты должен будешь сменить этот желтый венец на тот, что ношу я, и вместе с ним возложить

на себя все бремя Империи, ибо знай, что я намерен, как только смогу, удалиться в свой дворец в Юкэй и примириться с богом, прежде чем буду призван отсюда в вечные покои Солнца.

Когда он кончил, Кари отдал отцу дань уважения и благодарности и своим спокойным ровным голосом поведал о тех несправедливостях, которые причинил ему его брат Урко, и о том, как он, живой, но потерявший рассудок, спасся от его ненависти. Он рассказал также о своих морских странствиях (не упомянув, однако, об Англии), и о том, как я, очень большой человек в моей собственной стране, спас его от страданий и смерти. Все же, поскольку я сам стал жертвой несправедливости у себя на родине, так же, как он, Кари, у себя, – он убедил меня сопровождать его в его страну, чтобы моя мудрость воссияла над ее тьмой, и благодаря моему божественному дару и магическим способностям мы благополучно прибыли сюда. В заключение он задал собравшимся жрецам и знатым людям вопрос – согласны ли они принять его как будущего Инка, и будут ли они поддерживать его в любой войне, какую Урко может развязать против него.

На это они ответили, что согласны, и будут его поддерживать.

Затем последовало много других обрядов – например, сообщение мертвым Инка, одному за другим, об этой торжественной декларации устами Верховного жреца, и вознесение многочисленных молитв как им, так и их отцу-Солнцу,

Эти молитвы были столь длинными, перемежаясь с пением хора, скрытого в боковых приделах Храма, что когда все это закончилось, день склонился к вечеру.

Уже сгущались сумерки, когда Инка, а за ним следом и Кари, я, жрецы и все собравшиеся вышли из Храма, чтобы представить Кари – наследника престола – огромной толпе, которая ожидала на широкой площади перед Храмом Солнца.

Здесь церемония была продолжена. Инка и большинство из нас – ибо для всех не было места, несмотря на то, что мы сгрудились, как гастингские селедки в корзинке, – стояли на высокой площадке, обнесенной удивительной цепью со звеньями из чистого золота, так что поднять ее, как мне сказали, могли не меньше чем пятьдесят человек. Упанки, к которому, казалось, вернулись силы, то ли потому, что он принял какое-то укрепляющее средство, то ли под влиянием этого великого события, выступил вперед к самому краю низкой площадки и обратился к толпе с красноречивым рассказом о том, о чем уже говорил в Храме. Он закончил свою речь формальным вопросом:

– Дети Солнца, принимаете ли вы принца Кари, моего первенца, как наследника престола и будущего Инка?

Раздался рокот согласия, и когда он утих, Упанки обернулся, чтобы позвать Кари, которого он собирался представить народу.

В то же самое мгновение в сгустившихся сумерках я уви-

дел, как большой человек со свирепым лицом и забинтованной головой, в котором я тотчас узнал Урко, – перепрыгнул через золотую цепь. Он вскочил на площадку и с криком: «Но я не принимаю его, и вот моя плата за предательство» – всадил блеснувший медный нож, или кинжал, в грудь Инка.

Прежде чем кто-либо в нашей тесной толпе успел пошевелиться, он соскочил с края площадки, перепрыгнул через золотую цепь и исчез в гуще стоявших внизу, среди которых, несомненно, были сопровождавшие его люди, переодетые городскими жителями или крестьянами.

Все, кто видел эту сцену, как будто оцепенели от ужаса. Один великий вздох прокатился по толпе и наступила тишина, ибо ни одно подобное деяние не было известно в анналах этой Империи. С минуту старый Упанки стоял, не двигаясь, в то время как кровь заливала его белую бороду и украшенную драгоценностями одежду. Потом он слегка повернулся и произнес ясным и мягким голосом:

– Кари, ты станешь Инка раньше, чем я думал. Прими меня, о Бог мой Отец, и прости этого убийцу, – я думаю, он на самом деле не мой сын.

Он упал лицом вниз, и когда мы его подняли, он был мертв.

Вокруг по-прежнему царило безмолвие; казалось, все языки поразила немота. Наконец, Кари выступил вперед и воскликнул:

– Инка мертв, но я, Инка, жив и отомщу за него. Я объяв-

ляю войну Урко-убийце и всем, кто с ним заодно!

Этот крик как будто разорвал державшее толпу оцепенение, и вопль ненависти против Урко-мясника и отцеубийцы взмыл над смутно темнеющей массой людей; многие бросились искать его в разных направлениях. Тщетно! Ибо он уже скрылся в темноте.

На следующий день с некоторыми церемониями, хотя часть их была опущена из-за предчувствия надвигающихся бедствий, Кари был коронован, сменив желтую бахрому на алую и приняв тронное имя Упанки в честь и в память своего отца. В Куско не нашлось ни одного человека, кто бы высказался против него, ибо весь город был охвачен ужасом перед свершившимся святотатством. Кроме того, сторонники Урко бежали с ним в город, называвшийся Хуарина, на берегах большого озера Титикака, где на острове стояли удивительные храмы, полные золота. Этот город лежал на некотором удалении от Куско.

А потом началась гражданская война и свирепствовала целых три месяца, но обо всем, что происходило в это тяжелое время, я не стану говорить подробно, чтобы не задерживать течения моего рассказа,

В этой войне я сыграл большую роль. Кари опасался, как бы чанка, видя, что царство инка раскололось надвое, не начали нового наступления на Куско. Предотвратить это стало моим делом. В качестве посла Кари я посетил лагерь Хуарача, предложив условия мира, которые давали ему боль-

ше, чем он надеялся получить силой оружия. Я нашел, что этот царь-воин все еще не оправился от удара урковой дубинки и выглядел исхудавшим и больным, хотя уже мог ходить, опираясь на костыли. Выслушав меня, он сказал, что не имеет никакого желания воевать с Кари, предложившим ему столь почетные условия, тем более что Кари сражается против Урко, которого он, Хуарача, ненавидит за то, что тот пытался отравить его дочь и нанес ему удар, который, как он уверен, приведет его к смерти. Поэтому он готов заключить с новым Инка прочный мир, если в дополнение к тому, что тот предлагает, он вернет ему Куиллу, которая является его наследницей и должна быть царицей народа чанка после его смерти.

С этим я вернулся к Кари и нашел его твердым, как горная скала, в отношении последнего вопроса. Тщетно старался я уговорить его, и напрасно Верховный жрец Ларико пытался при помощи тонких намеков и доводов смягчить его душу.

– Брат мой, – сказал Кари, терпеливо выслушав меня до конца, – прости меня за то, что я скажу, но в твоём ходатайстве ты говоришь одно слово в пользу Хуарача и два слова – в свою, ибо, к несчастью околдованный этой Девой Солнца леди Куиллой, желаешь ее получить в жены. Брат, возьми все, что я могу тебе дать, но оставь в покое эту женщину. Если бы я передал ее Хуарача или тебе, я бы, как уже говорил тебе, навлек на себя и на мой народ проклятие моего Отца-Солнца и Пачакамака – Духа, который выше Солнца. Ведь

именно потому, что мой отец по плоти, Упанки, осмелился, как я потом узнал, взглянуть на нее, когда она уже вступила в Дом Солнца, его постигла жестокая смерть; об этом говорит пророчество, как уверили меня маги и мудрецы. Поэтому я не могу пойти на это преступление преступлений, и скорее предпочел бы, чтобы Хуарача возобновил наступление и чтобы ты стал на его сторону или даже на сторону Урко, и сбросил бы меня с трона, ибо тогда, будь я даже убит, я бы умер с честью.

– Я никогда бы этого не сделал, – ответил я печально.

– Знаю, мой брат Хьюберт (теперь он часто называл меня моим английским именем), – конечно, не сделал бы – не такой ты человек. Значит, ты должен, как и все мы, нести свое бремя. Может быть, когда-нибудь каким-то образом, которого я не могу предвидеть, моим богам или твоим богам в конце концов будет угодно отдать тебе эту женщину, к которой ты стремишься. Но я по своей воле никогда ее тебе не отдам. Представь себе, что в твоей стране Англии король приказал бы вырвать из рук ваших жрецов освященный хлеб и чашу с вином и выбросить их собакам или отдать на потеху неверным, или же похитить монахинь из монастыря и сделать их наложницами. Что бы ты подумал о таком короле в твоей стране? И что, – добавил он многозначительно, – ты бы подумал обо мне, если бы я выкрал там одну из монахинь, потому что она красивая и я хотел бы сделать ее своей женой?

Хотя слова Кари уязвили меня, ибо в них была известная

доля правды, я ответил, что в моих глазах история с Куиллой выглядит иначе. К тому же Куилла стала Девой Солнца не по своей доброй воле, а потому, что это было единственным спасением от посягательств Урко.

– Да, брат мой, – сказал Кари, – ты говоришь так потому, что ты считаешь мою религию идолопоклонством и не понимаешь, что для меня Солнце – это символ и одеяние Бога, и что когда мы, из рода Инка, называем его своим отцом, мы имеем в виду, что мы – дети Бога в отличие от обычных, простых людей. Что же до этой леди, то она дала обет по своей собственной воле, а об ее тайных соображениях я знаю не больше, чем о том, почему она обещала стать женой Урко, до того как нашла тебя на острове. Тебе же я глубоко сочувствую, да и ей тоже, однако хочу тебе напомнить, что, как учат твои собственные жрецы, во всякой жизни, если это не жизнь животного, должны быть утраты, горе и самопожертвование, ибо только по этим ступеням может человек подняться до вещей духовных. Так срывай же любые цветы в саду Фортуны, но только оставь этот один белый цветок в покое.

Так проповедовал он передо мной, пока наконец я не выдержал и сказал ему резко:

– По-моему, о Инка, это большое зло – разлучать тех, кто любит друг друга, и это не может понравиться Небу. Поэтому, как ты ни велик, и какой ты мне ни друг – скажу тебе прямо в лицо: если я смогу вызволить леди Куиллу из этой

золотой могилы, я это сделаю.

– Знаю, брат мой, – ответил он, – и поэтому будь я как некоторые другие Инка до меня, я бы отправил эту святую жену на небеса раньше, чем это сделала бы Природа. Но я так не поступлю, ибо знаю, что надо всем царит рок, и что он определит, то и случится и без помощи человека. Все же скажу, что воспрепятствую тебе, если смогу, а если ты достигнешь цели, я убью тебя, если это будет в моих силах, и ее тоже, потому что вы совершите святотатство. А если царь Хуарача попытается забрать ее силой, я пойду на него войной и буду воевать до тех пор, пока не уничтожу его и его народ или пока он не уничтожит меня и мой народ. А теперь не будем больше об этом. Поговорим лучше о наших планах в борьбе против Урко – по крайней мере в этом деле, где не замешана женщина, ты будешь мне верен, а я очень нуждаюсь в твоей помощи.

С тяжелым сердцем я вернулся в лагерь Хуарача и передал ему слова Кари; выслушав меня, он страшно разгневался. Его боги были не те, что боги Инка, и он не признавал никакого значения святости Дев Солнца. Он хотел снова начать войну, однако ничего из этого не вышло. Главной причиной было то, что его состояние с каждым днем ухудшалось. К тому же я объяснил ему, что как бы я ни желал вернуть Куиллу, я не смогу сражаться на его стороне, потому что дал Кари клятву помогать ему в борьбе против Урко и не могу нарушить своего слова. Наконец, нашим союзникам

– юнка – надоело так долго быть вдали от дома, и удовлетворившись милостивым прощением и облегчением их тягот, которые обещал им новый Инка, они покинули Хуарача, отбыв своим путем на побережье. Да и многие воины чанка потихоньку уходили обратно в свою собственную сторону. Так час Хуарача миновал.

Поэтому мы в конце концов согласились на том, что неразумно атаковать Куско, чтобы попытаться спасти Куиллу, поскольку даже если бы Хуарача удалось сломить отчаянное сопротивление его защитников, он не мог быть уверен, что его дочь оставят в живых или не упрячут в какой-нибудь неизвестный, далекий монастырь. Оставалось лишь положиться на судьбу и ждать, пока она сама приведет к нам Куиллу. Мы согласились и в том, что после заключения почетного мира и удовлетворения всех его требований для Хуарача лучше всего вернуться в свои земли, оставив со мной пять тысяч отборных воинов, готовых служить под моим командованием: они помогли бы мне в войне против Урко и охраняли бы меня и Куиллу, если бы мне удалось вызволить ее из Дома Солнца.

Как только стало известно о моей просьбе, пять тысяч лучших и храбрейших чанка, молодых воинов, которых я обучал военному искусству и которых влекли приключения и битвы, вызвались сопровождать меня и дали клятву служить мне. С ними, простившись с Хуарача, я вернулся в Куско, предварительно послав туда вестников, предупредивших

о нашем прибытии. Кари радушно их приветствовал и отвел им территорию вблизи и вокруг предназначенного мне двorca.

Несколько дней спустя Кари и я во главе нашего большого войска начали наступление на город Хуарина, где вступили в бой с еще более многочисленными войсками Урко. Эта битва длилась весь день и всю ночь, и, однако, подобно битве на Кровавом поле, не закончилась ни победой, ни поражением. Когда тысячи убитых были погребены, а раненые отправлены обратно в Куско, мы снова атаковали Хуарина. Я и мои чанка шли в первых рядах. Мы взяли город штурмом, отеснив Урко и его силы на противоположную окраину.

Они отступили в горы, и началась долгая и утомительная война без крупных сражений. Наконец, несмотря на то, что армия Инка понесла большие потери, мы вынудили Урко отойти к берегам озера Титикака, где большинство его воинов словно растаяли, рассеявшись среди болот и глубоких лесистых долин. Однако сам Урко и группа его приверженцев переправились в лодках на священный остров посреди озера.

Мы соорудили бальзовый плот, используя связки камышей и надутые воздухом мешки из овечьих шкур, и последовали за ними. Высадившись на острове, мы ворвались в город Храмов, которые были здесь еще удивительнее, чем в Куско, и еще богаче золотым убранством и драгоценностями. Люди Урко оказали отчаянное сопротивление, но, выби-

вая их из улицы в улицу, мы, наконец, заперли их в одном из самых больших храмов. По какой-то несчастной случайности камышовая крыша храма загорелась, начался пожар, и все, кто находился внутри, погибли мучительной смертью. Это было ужасное зрелище – я надеюсь, что никогда больше такого не увижу. Все же Урко и несколькими его военачальникам под конец удалось вырваться из горящего храма, и они бежали, скрываясь в клубах дыма, и покинули остров, переправившись через озеро в лодках или, как утверждают многие, даже вплавь. По крайней мере, они исчезли и, несмотря на тщательные поиски, мы нигде не смогли их обнаружить.

Итак, все было кончено, если не считать бегства Урко. Мы вернулись в Куско. Кари вступил в город с триумфом, который разделил с ним и я, шагая рядом с ним, – бесконечно усталый от войны и кровопролития.

ГЛАВА XI. ОБИТЕЛЬ СМЕРТИ

Во время описанной мною долгой войны против Урко был момент, когда победа ему улыбнулась, хотя вскоре стрелка весов вновь повернулась против него. Кари потерпел поражение в одной из острых схваток, а я, командуя другой армией, был почти окружен в долине. Когда все, казалось бы, было потеряно, я вышел из окружения, уведя моих воинов на противоположный склон горы, и внезапно атаковал Урко, зайдя ему в тыл. Поскольку для нас все кончилось хорошо, я не стану останавливаться на этом эпизоде.

В самый черный для нас день ко мне привели одного из военачальников, задержанного во время попытки дезертировать или, по крайней мере, перейти через линию наших передовых постов. Оказалось, что я знаю его в лицо. Накануне я видел, как он серьезно разговаривал с Верховным жрецом Ларико, который в числе других жрецов сопровождал мою армию: возможно, для того, чтобы следить за мной. Я отвел этого военачальника в сторону и допросил его без свидетелей, пригрозив ему, что он умрет мучительной смертью, если не расскажет о причине своего поступка.

В конце концов, перепугавшись насмерть, он заговорил. От него я узнал, что он должен был передать Урко устное послание от Ларико. Полагая, что наш крах неминуем, Ларико решил помириться с Урко и обещал ему выдать все пла-

ны Кари и мои собственные и объяснить, как он может легче всего уничтожить нас. Он велел также сказать Урко, что он, Ларико, примкнул к партии Упанки, а после его смерти – к партии Кари, лишь под угрозой смерти, и что он всегда в глубине сердца был верен Урко, которого он признает своим Повелителем и законным Инка и которому будет помогать вступить на престол, используя всю власть Верховного жреца Солнца. Кроме того, он велел этому шпиону передать Урко секретное послание в форме хитроумно перевязанных узелками нитей: завязанные на них узелки служили этим людям как письменные знаки, и они могла читать их так же свободно, как мы читаем книгу.

Всегда жадный до знаний, я как-то раз попросил обучить меня этому узлописанию, и теперь достаточно прилично разбирался в нем. Поэтому я смог это послание расшифровать. В нем говорилось коротко и ясно, что, зная неизменность желаний Урко, он, Ларико, будучи Верховным жрецом, передаст Урко леди Куиллу, дочь царя чанка, которую незаконно скрыли среди Девственниц Солнца, а также предаст меня, Белого-Бога-из-Моря, стремящегося ее похитить, в руки Урко, чтобы он убил меня, если это в его силах.

Когда я все это понял, меня охватила ярость, и я хотел тотчас отдать приказ, чтобы Ларико схватили и предали участи всех изменников. Вскоре, однако, я передумал и, желая полностью изолировать шпиона, установил за Ларико слежку, не сказав ни ему, ни Кари ни слова о том, что я узнал.

Спустя несколько дней наше положение изменилось, и разгромленный Урко бежал к берегам Титикака. После этого мне стало ясно, что нам нечего бояться этого Верховного жреца с сердцем лисицы, потому что он прежде всего желает быть на стороне побеждающей партии и сохранить свой пост и свою власть. Поэтому зная, что но у меня в руках, я решил повременить, ибо через него только я мог надеяться проникнуть к Куилле. Мой час настал, когда война была окончена и мы с триумфом вернулись в Куско. Как только отпраздновали победу и Кари надежно утвердился на троне, я послал за Ларико, на что я, как самый великий человек в государстве после Инка, имел бесспорное право.

Он явился на мой зов, и мы обменялись поклонами, после чего он начал восхвалять меня за мое полководческое искусство, говоря, что если бы не я, Урко выиграл бы войну, и что Инка поступил очень правильно, назвав меня перед всем народом своим братом и признав, что обязан мне своей властью.

– Да, все это верно, – ответил я. – А теперь, поскольку через меня ты стал третьим великим человеком в государстве и остаешься Верховным жрецом Солнца и доверенным лицом Инка, я хотел бы, Ларико, напомнить тебе о некой сделке, которую мы с тобой заключили, когда я обещал тебе все эти блага.

– О какой сделке, Повелитель-из-Моря?

– О том, что ты сведешь меня и Деву Солнца, которая,

живя на земле, звалась Куиллой, Ларико, и устроишь так, что из объятий Солнца она вернется в мои объятия.

Тут на лице его выразилось огорчение, и он ответил:

– Повелитель, я много об этом думал, желая больше всего на свете сдержать свое слово, и я с искренней скорбью должен сказать тебе, что это невозможно.

– Почему, Ларико?

– Потому что я понял, что законы моей веры не позволяют этого, Повелитель.

– Это все, Ларико? – спросил я с улыбкой.

– Нет, Повелитель. Потому что я понял, что Инка не потерпел бы этого, и клянется убить всех, кто попытается дотронуться до леди Куиллы.

– Это все, Ларико?

– Нет, Повелитель. Потому что я понял, что женщина, обрученная с тем, в ком течет царственная кровь, не может перейти к другому мужчине.

– Пожалуй, это ближе к делу, Ларико. Ты хочешь сказать, что если это случится, а Урко в конце концов все-таки сядет на трон, – например, если бы его брат Кари умер, – он призовет тебя к ответу.

– Да, Повелитель, ведь Урко еще жив, и, как я слышал, собирает в горах новые армии; и, конечно, он призвал бы меня к ответу, – об этом я тоже слышал. Его Отец-Солнце тоже призвал бы меня к ответу, как сделал бы Инка – его наместник на земле.

Я спросил его, почему он не подумал обо всем этом раньше, когда он еще добивался желанных благ, а не теперь, когда он уже получил их от меня, и он ответил: – Потому, что тогда ему это еще не было достаточно ясно. Я сделал вид, что рассердился, и воскликнул:

– Ты плут, Ларико! Ты обещаешь и берешь плату, но не выполняешь обещания. Отныне я тебе враг, и притом такой, к словам которого прислушивается Инка.

– Еще больше он прислушивается к своему богу Солнцу и ко мне – голосу Неба, Белый человек, – ответил он и добавил наглым тоном: – Ты опоздал. Твоя власть надо мной и моей судьбой кончилась, Белый человек.

– Боюсь, что так, – сказал я, притворяясь испуганным, – так что не будем больше говорить об этом. В конце концов в Куско есть и другие женщины, кроме этой прекрасной невесты Солнца. А теперь, прежде чем ты уйдешь, Верховный жрец, просвети меня, ведь ты такой ученый. Я тут пытался освоить ваш метод передачи мыслей при помощи узлов. Вот здесь у меня клубок нитей с узелками, смысл которых я не совсем понимаю. Будь любезен, растолкуй мне, что они означают, о святейший и честнейший Верховный жрец!

При этом я достал из-под плаща те нити с узелками, которые я отобрал у его посланца, и приблизил их к его глазам.

Он уставился на них и побледнел. Его рука стала нащупывать кинжал, как вдруг он заметил, что моя рука покоится на рукоятке Взвейся-Пламя, и он сразу отказался от своего

намерения. Затем у него возникла мысль, что я и в самом деле не умею читать эти знаки, и он принялся было расшифровывать их в ложном смысле.

– Прекрати, изменник! – засмеялся я. – Ведь я все понимаю. Значит, Урко может жениться на Куилле, а я – нет? И не беспокойся больше о своем посланце, которого ты всюду разыскиваешь, ибо он под моей надежной охраной. Завтра я прикажу ему передать твое послание, но не Урко, а Кари, – и что тогда, предатель?

Тут Ларико, который, несмотря на суровое лицо и гордую осанку, был в душе трусом, дрожа, упал передо мной на колени и стал умолять меня о пощаде, ибо жизнь его – в моих руках. Он прекрасно знал, что, дойди это до ушей Кари, даже Верховный жрец не мог надеяться избежать кары за подобную измену.

– А что ты дашь мне, если я тебя прощу? – спросил я,

– Единственное, что ты согласишься взять, Повелитель, – леди Куиллу. Послушай, о Повелитель. За пределами города находится дворец Упанки, которого убил Урко. Там, в большом зале, сидит набальзамированный Инка, и никто не смеет войти туда, кроме Дев Солнца, задача которых в том, чтобы прислуживать великим умершим. Завтра за час до рассвета, когда все воины и слуги будут еще спать, я тебя проведу в этот зал, – только ты оденешься в платье жреца Солнца, чтобы тебя не узнали. Там ты найдешь лишь одну Деву Солнца – ту, которую ты ищешь. Возьми ее и уходи. Осталь-

ное зависит от тебя.

– А как я узнаю, что ты не устроишь мне ловушку, Лари-ко?

– Из того, что я буду там с тобой и таким образом разделю с тобой грех святотатства. Кроме того, моя жизнь будет в твоих руках.

– Да, Ларико, – ответил я сурово, – и помни, что если что-нибудь со мной случится, то вот это, – и я потряс перед ним нитями с узелками, – найдет дорогу к Кари, так же как и человек, которого ты собирался сделать своим посланцем.

Он кивнул и ответил:

– Будь уверен, что у меня лишь одно желание – это знать, что ты, Повелитель, и эта женщина, к которой ты, обезумевший, столь безумно рвешься, находитесь далеко от Куско, и я никогда больше не увижу вас.

Потом мы наметили время и место встречи и обсудили другие подробности, после чего он удалился, многократно кланяясь и улыбаясь.

Я подумал, что только что от меня вышел величайший мошенник, какого я когда-либо встречал – в Лондоне или в других местах – и подивился, какую западню он мне готовит, ибо в том, что он собирается поймать меня в западню, я был совершенно уверен. Почему же тогда я готов ринуться к ней? – спросил я себя. И ответил: по двум причинам. Во-первых: несмотря на то, что я всем сердцем жаждал увидеть Куиллу, прошли месяцы, а я все еще был так же далек

от нее, как в день после разлуки в городе Чанка, – и преодолеть эту даль разлуки я мог только с помощью Ларико. Вторых, какой-то внутренний голос побуждал меня идти на все, на любой риск, иначе мы никогда больше не встретимся в этом мире. Да, так говорил мне внутренний голос, предупреждая меня, что если я не спасу ее сейчас, я не найду ее среди живых. Как говорил Хуарача, в Куско еще достаточно яда, и убийцу искать недалеко. Или сделает свое дело отчаяние. Или она покончит с собой, как это обещала вначале. Итак, я пойду на все, даже если мой путь приведет меня к роковому концу.

В этот день я переделал множество дел. Поскольку люди, среди которых я жил, считали меня великим полководцем и человеком – или богом, – меня окружали многие, кто поклялся мне служить и кому я доверял. Я послал за одним из них, принцем царской крови из рода матери Кари, и вручил ему нити с узелками, которые доказывали измену Ларико, велел ему, если со мной что-либо случится или если меня не смогут найти нигде, передать их Инка от моего имени, а с ними и задержанного посла Ларико, который находился под его охраной, – но до этого не говорить ни слова ни об этих нитях с узелками, ни об арестованном. Он поклонился и поклялся Солнцем, что выполнит мое поручение, думая, вероятно, что, свершив свое дело в этой стране, я собираюсь вернуться в море, из глубин которого я поднялся, – ведь именно так поступают часто боги.

Затем созвал военачальников чанка, которые сражались под моим командованием во время гражданской войны, и из которых осталась лишь половина, и велел им собрать своих людей на той гряде холмов, где я стоял перед началом битвы на Кровавом Поле, и ждать там моего прихода. Если, однако, случится так, что я не появлюсь в течение шести дней, я приказал им вернуться в их страну и доложить Хуарача, что я «вернулся в море» по причинам, о которых он может догадаться. Я приказал также, чтобы восемь прославленных воинов, которых я перечислил по именам, – людей из личной» охраны, которые сражались плечо к плечу со мной во всех наших битвах и пошли бы за мной сквозь огонь и воду и даже в самый ад, – явились после наступления темноты во внутренний двор моего дворца и принесли бы с собой паланкин, переодевшись его носильщиками, но спрятав под плащами оружие.

Устроив это и другие дела, я отправился к Инка Кари и попросил его отпустить меня в путь. Я ему сказал, что устал от столь многих сражений и желал бы отдохнуть среди моих друзей – чанка.

Некоторое время он пристально смотрел на меня, потом, наклонив в мою сторону скипетр в знак того, что моя просьба удовлетворена, сказал печально:

– Итак, ты хочешь покинуть меня, брат мой, потому что я не могу дать тебе того, что ты желаешь. Подумай хорошенько. В стране чанка ты не будешь ближе к Луне (он имел в

виду Куиллу), чем здесь, в Куско; и здесь после Инка ты самый великий человек в Империи, известный под узаконенным титулом брата Инка и главнокомандующего его армией.

В ответ, хотя все во мне протестовало против лжи, я солгал ему, говоря:

– Моя Луна закатилась, так пусть пребудет в покое та, ко-
го я больше никогда не увижу. А в остальном – узнай же, о
Кари, что Хуарача назвал меня не братом своим, а сыном, и
сейчас он болен, и, говорят, смертельно.

– Ты хочешь сказать, что скорее предпочел бы стать царем
народа чанка, чем стоять у трона среди куичуа? – спросил
он, всматриваясь в меня острым взглядом.

– Да, Кари, – ответил я, продолжая лгать. – Поскольку мне
суждено жить в этой чужой стране, я бы предпочел быть в
положении царя, не ниже.

– И ты имеешь на это право, брат, ты намного выше нас
всех. Но что ты намерен делать, когда станешь царем? Бу-
дешь ли ты стремиться победить меня и править всей Таван-
тинсу́йу – что, возможно, в твоих силах?

– Нет, я никогда не стану воевать против тебя, Кари, разве
что ты сам нарушишь свой договор с чанка и попытаешься
покорить их.

– Чего я лично никогда не сделаю, брат.

Он помолчал с минуту и потом заговорил с большей стра-
стью, чем я когда-либо в нем замечал:

– О, если б эта женщина, которая встала между нами,

умерла! Если бы она никогда не появилась на свет! Поистине, я готов молить моего отца – Солнце, чтобы он взял ее к себе – может быть, тогда мы бы снова были вместе, как в старые времена там, в твоей Англии, и потом, когда мы бок о бок боролись с опасностями в море и в лесах. Будь проклята женщина-разлучница, и да падут проклятия всех богов на эту женщину, которую я не могу тебе отдать. Если бы она принадлежала к моему дому, я бы велел тебе увести ее – да будь она даже моей женой, но она – жена бога, и поэтому я не смею – увы! Я не смею, – и он закрыл лицо плащом и застонал. Услышав эти слова, я испугался: я слишком хорошо знал, что если Инка просит Солнце, чтобы женщина умерла, эта женщина умирает, и притом быстро.

– Не умножай несправедливости против этой женщины, лишая ее жизни, как лишили ее зрения и свободы, о Кари, – сказал я.

– Не бойся, брат, – ответил он, – я не причиню ей вреда. Ни одно слово не сорвется с моих уст, хотя я всем сердцем хотел бы, чтобы она умерла. Иди своим путем, брат и друг; и когда ты устанешь царствовать (если это тебе суждено), как, сказать по правде, уже устал я, возвращайся ко мне. Быть может, забыв, что мы когда-то были царями, мы отправились бы отсюда вдвоем на край света.

Потом он встал с трона и поклонился мне, целуя воздух, как перед богом, и, сняв с шеи царскую цепь, какую носит каждый Инка, надел ее на меня. Сделав это, он отвернулся,

не сказав больше ни слова.

С тяжелым сердцем вернулся я к себе во дворец. На закате я поел, по своему обыкновению, и отослал слуг на их половину. Их было только двое, ибо моя частная жизнь была проста. Потом я лег и спал до полуночи.

Поднявшись, я вышел во внутренний двор, где нашел своих восьмерых военачальников-чанка, переодетых носильщиками и ждавших меня возле принесенного ими паланкина. Я отвел их в пустое помещение для стражников и велел им сидеть там, не разговаривая. После этого я вернулся к себе и стал ждать.

Часа за два до рассвета явился Ларико, постучавшись в боковую дверь, как мы договорились. Я открыл ему, и он вошел, одетый в плащ из овечьей шерсти с капюшоном, скрывавший его всегдашнюю одежду и лицо: такие плащи носят обычные жрецы в холодную погоду. Он принес мне одеяние жреца Солнца. Я надел его, хотя из-за его фасона мне пришлось, чтобы не выдать себя, обойтись без моих доспехов. Ларико настаивал на том, чтобы я снял с себя также меч Взвейся-Пламя, но, не доверяя ему, я этого не сделал, а незаметно спрятал и меч, и кинжал под жреческим плащом. Доспехи я завернул в ткань и тоже взял с собой.

Мы вышли, обменявшись скупыми словами, ибо время разговоров прошло, и опасность, а возможно, и страх перед тем, что может случиться, связали нам языки. В караульной будке ждали мои чанка, на которых Ларико взглянул с лю-

бопытством, но ничего не сказал. Им я отдал свои доспехи, чтобы они спрятали их в паланкине, а с ними и мой большой лук; предварительно я приподнял капюшон, показав им свое лицо. Затем я приказал им следовать за мной.

Ларико и я шли впереди, а за нами следом – восемь моих воинов: четверо несли паланкин, а другие четверо замыкали шествие. Это был остроумный план, поскольку если бы нас увидели, или если бы мы встретили стражников (так и случилось раз или два), нас приняли бы за жрецов, несущих больного или умершего к месту оказания помощи или погребения. Правда, однажды нас чуть не остановили, но Ларико произнес какое-то слово, и мы беспрепятственно пошли дальше.

Наконец в предрассветной мгле мы подошли к собственному дворцу покойного Упанки. У входа в сад Ларико попытался оставить здесь паланкин и восемь воинов чанка, переодетых носильщиками. Я отказался, говоря, что они должны быть у дверей дворца, и когда он стал упорствовать, я дотронулся до моего меча, свирепым шепотом предупредив его, чтобы он опасался, как бы ему самому не остаться у ворот. Тогда он уступил, и мы все прошли через сад к дверям дворца. Ларико открыл двери ключом, и мы вошли, он и я, ибо здесь я велел чанка ждать моего возвращения.

Мы пошли, крадучись, по короткому коридору, конец которого был задрапирован занавесями. Раздвинув их, я оказался в пиршественном зале Упанки. Единственная золотая

лампа, свисающая с потолка, бросала вокруг тусклый свет. И я увидел нечто более удивительное и в своем роде более ужасное, чем все, что мне довелось видеть в этой необычной стране.

На возвышении в кресле из золота сидел мертвый Упанки во всем своем царском облачении и столь поразительно сохранившийся, что его можно было бы с первого взгляда принять за спящего; сбоку лежал его скипетр. Скрестив руки, он сидел, глядя в зал неподвижным и пустым взглядом, страшное воплощение жизни и смерти. Возле него и вокруг возвышения стояли и лежали все его богатства – вазы и мебель из золота, груды драгоценностей, которым предстояло оставаться здесь до той поры, когда крыша дворца обрушилась бы и погребла их под обломками, ибо даже храбрейший из людей не дерзнул бы наложить руку на эти освященные сокровища. В центре зала стоял стол, накрытый как бы для пирующих, ибо среди сияющих бриллиантами кубков и блюд были расставлены кушанья и вина, которые изо дня в день приносили сюда свежими Девы Солнца. Несомненно, это были не единственные чудеса, но других я не разглядел, возможно, потому, что до них не доходил свет лампы, так же, как до дверей, ведущих из зала в другие помещения. Но, главное, меня привлекло нечто другое, на что упал мой взгляд.

У подножья возвышения скорчилась фигура, которую я в первый момент принял за еще одного умершего, и тоже на-

бальзамированного, – может быть, жену или дочь покойного Инка, которую поместили сюда, рядом с ним. Пока я смотрел на нее, фигура вдруг зашевелилась, возможно, услышав наши шаги, поднялась и повернулась так, что свет упал прямо на нее. Это была Куилла, вся в белом и пурпурном, с золотым изображением Солнца на груди!

Так прекрасна она была, всматриваясь в темноту большими невидящими глазами, в то время как ее пышные волосы струились из-под усеянной бриллиантами диадемы с золотыми лучами солнца, что у меня перехватило дыхание, и сердце мое остановилось.

– Вон та, кого ты ищешь, – пробормотал Ларико насмешливым шепотом, ибо здесь даже он, казалось, Не смел повысить голос. – Иди же и бери ее, ты, кого люди называют богом, а я называю пьяным глупцом, готовым рисковать всем ради женских губок. Иди, бери ее и испроси благословения твоим поцелуям у этого мертвого царя, чей священный покой ты нарушил.

– Замолчи, – прошептал я и, обойдя край стола, очутился лицом к лицу с Куиллой. И тогда странная немота овладела мной, подобно чарам или проклятью мертвого Упанки, и я не мог произнести ни Слова.

Я стоял, всматриваясь в прекрасные слепые глаза, и эти слепые глаза отвечали мне невидящим взглядом. Но вот проблеск понимания отразился на ее лице, и Куилла заговорила или, скорее, произнесла вполголоса, как будто про себя:

– Странно – но я готова поклясться! Странно, но мне показалось!.. О! Я уснула возле этого мертвого старика, который в жизни был таким глупым, а в смерти стал таким мудрым, и мне приснилось – мне приснилось, что я слышу шаги, которых уже никогда не услышу. Мне приснилось, что рядом со мной тот, кого никогда не коснется моя рука. Я хочу опять заснуть – что мне осталось в моей тьме? Сон или смерть?

Тут наконец я обрел дар речи и сказал хрипло:

– Осталась любовь, Куилла, и жизнь.

Она услышала и выпрямилась. Все ее тело, казалось, напряглось как будто в агонии радости. Слепые глаза вспыхнули, губы задрожали. Она протянула руку, нащупывая в темноте. Ее пальцы коснулись моего лба и быстро пробежали по моему лицу.

– Это..., мертвый или живой... это... – и она протянула ко мне руки.

О, что могло быть прекраснее на земле, чем вид слепой Куиллы, открывающей мне свои объятия – здесь, в этой обители смерти?

Мы обнялись и поцеловались. Оторвавшись от нее, я сказал:

– Скорее прочь из этого зловещего дома. Все готово. Чанка ждут.

Она сунула руку в мою, и я повернулся, чтобы ее увести.

В этот момент я услышал тихий издевательский смех, мне показалось – смех Ларико; услышал подбирающиеся ко мне

крадущиеся шаги. Я всмотрелся. Из темноты, скрывавшей дверь помещения справа, возникла гигантская фигура, в которой я сразу узнал Урко, а за нею несколько других. Я взглянул налево – и там тоже были люди, а по другую сторону пиршественного стола стоял, издевательски смеясь, предатель Ларико.

– Ты сорвал ранние плоды, но похоже, что весь урожай соберет другой, Повелитель-из-Моря, – насмешливо сказал он.

– Держите ее, – закричал Урко гортанным голосом, указывая на Куиллу своим жезлом. – И разmozжите голову этому белому вору.

Я выхватил Взвейся-Пламя и устремился к нему, но с обеих сторон на меня бросились люди. Одного я успел сразить, но другие схватили Куиллу и понесли ее прочь из зала. Меня окружили тесной толпой, так что я не мог орудовать мечом, и над моей головой уже сверкнул кинжал. Меня вдруг осенила мысль: за дверьми – мои чанка. Я должен пробиться к ним, тогда Куиллу еще можно спасти. Передо мной был стол, накрытый для пиршества смерти. Одним прыжком я вскочил на него, громко крича и разбрасывая утварь. Я увидел Ларико, устроившего мне ловушку, – бросился к нему и, подняв Взвейся-Пламя обеими руками, изо всех сил нанес ему удар. Он упал – мне показалось, рассеченный сверху до пояса. В этот момент чье-то копьё, запущенное в меня, попало в лампу.

Она разлетелась вдребезги и погасла.

ГЛАВА XII. НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ

В зале началось смятение: крики, стоны того, кого я сразил первым, звон падающих ваз и сосудов, и над всем этим крики женщины, отдававшиеся эхом от стен и крыши, так что я не мог понять, с какой стороны они доносятся.

В темноте я пробрался к закрывающим вход занавесям – по крайней мере, я надеялся, что ориентируюсь правильно. В этот момент они распахнулись, и при свете занимавшейся зари я увидел моих восьмерых чанка, устремившихся мне на помощь.

– За мной! – крикнул я и, сопровождаемый ими, ощупью вернулся в зал, ища Куиллу.

Я споткнулся о труп Ларико и нащупал край стола. Вдруг за возвышением, где еще совсем недавно сидел мертвый Упанки, распахнулась дверь, и я увидел спины покидающих зал похитителей Куиллы. Мы перебрались через возвышение, где лежал опрокинутый золотой стул, а рядом с ним в неподвижной, неудобной позе лицом вверх – набальзамированный Упанки, уставившись на меня бриллиантовыми глазами.

Мы достигли двери, которую, к счастью, никто не подумал запереть, и очутились в саду, или в парке. Шагах в ста впереди при свете разгорающейся зари я увидел мелькающий сре-

ди деревьев паланкин, окруженный вооруженными людьми, и понял, что в нем уносят Куиллу, которую ждет рабство и позор.

Мы бросились вслед за ними. Они прошли в ворота и вышли за пределы парка, но когда мы добежали до этих ворот, они оказались заперты на засов, и мы потеряли какое-то время, прежде чем нам удалось при помощи срубленного дерева, лежавшего поблизости, сломать их. Когда мы оказались снаружи, на востоке появился краешек солнца, и сквозь утренний туман, цеплявшийся за окрестные холмы, мы увидели паланкин уже в полумиле от нас. Мы двигались вверх по склону, сокращая разделявшее нас расстояние, – ведь нас не обременяла никакая ноша, кроме моих доспехов, которые нес один из чанка вместе с моим длинным луком и стрелами.

В одном месте между этим холмом и соседним было ущелье из тех, что часто встречаются в этой стране, – ущелье столь глубокое и узкое, что местами дневной свет едва попадает на тропу, бегущую вниз. В это ущелье и свернули несущие паланкин и тотчас исчезли из виду. Приблизившись, мы обнаружили, что вход в ущелье преграждают вооруженные люди Урко, человек шесть или более. Взяв у моего воина лук, я быстро спустил стрелу. Тот, в кого я целился, упал. Я снова выстрелил, и еще один упал наземь, а остальные поспешно укрылись за глыбами камней.

Отдав чанка лук и стрелы, ибо теперь они были бесполезны, я повел своих людей в атаку. Схватка скоро кончилась,

ибо все, кого Урко оставил защищать вход в ущелье, были убиты, кроме одного, который, будучи отрезан от ушедшего вперед отряда, повернулся и бросился бежать вниз по склону в направлении города, несомненно, чтобы сообщить о том, что произошло во дворце мертвого Инка Упанки.

Мы вступили во мрак ущелья. К счастью, оно было обращено к востоку, так что солнце, которое уже взошло, но было еще низко, освещало наш путь – еще бы немного, и оно, поднявшись, уже сюда бы не проникло.

Я всегда был хорошим бегуном, а сейчас от ярости и страха за Куиллу у меня словно выросли крылья, и я опередил своих товарищей. Стремительно обогнув лежавшего на пути каменную глыбу, я увидел впереди паланкин – до него оставалось не более ста ярдов. Он приостановился, потому что, как мне показалось, один или несколько носильщиков споткнулись о камни и упали. Я ринулся на них с громким криком. Возможно, было бы разумнее подождать своих спутников, но я словно обезумел и ничего не боялся. Они увидели меня и подняли крик:

– Белый бог! Грозный Белый бог!

Охваченные страхом, они обратились в бегство, оставив паланкин на земле. Да, все они бежали – кроме одного: самого Урко.

Он стоял, вращая глазами и скрежеща зубами, огромный и страшный в полумраке ущелья, как будто сам дьявол вышел из ада. Вдруг какая-то мысль пришла ему в голову, и,

подскочив к паланкину, он отдернул занавеси и рывком вытащил оттуда Куиллу, которая, не удержавшись, упала навзничь.

– Если не мне, то и не тебе, белый вор! Гляди – я возвращаю Солнцу его невесту! – закричал он и поднял над ней свой медный нож, готовясь пронзить ее насквозь.

Я был еще в десяти шагах от нее и видел, что, прежде чем я добегу до него, его клинок будет у нее в сердце. Что же делать? О, Святой Хьюберт, – должно быть, это он помог мне, ибо я понял, что мне делать в эту минуту. Взвейся-Пламя был у меня в руке, и, собрав все силы, я швырнул его в голову Урко.

Грозный клинок со свистом прорезал воздух. Я видел, как на нем вспыхнул луч солнца. Урко хотел отскочить в сторону, но слишком поздно: мой меч ударил его по руке, которую он поднял, защищая голову, и срезал два пальца, так что он выронил свой меч. В следующий миг, все еще крича, – как, несомненно, кричал мой предок Торгриммер, сражаясь не на жизнь, а на смерть (ибо нет ничего сильнее родственной крови), – я бросился на великана Урко. Теперь и он, и я были безоружны. Мы схватились врукопашную. Он был могучим борцом, но в эту минуту мои силы удесятерились. Я бросил его наземь, использовав известный мне сассекский прием, и мы покатались друг через друга. В какой-то момент он оказался наверху и, думаю, задушил бы меня, если бы не потеря двух пальцев.

Мощным усилием я сбросил его, и теперь мы лежали рядом. Он ощупью искал нож – я не видел, но знал это. У его головы на тропе возвышался острый камень высотой примерно с кисть человеческой руки, Я заметил это и решил, что я сделаю, если хватит сил. Я приподнялся, и когда он наконец нащупал свой нож и попытался меня атаковать, оцарапав мне лицо, мне удалось так его оттолкнуть, что его бычья шея оказалась на этом камне. Я высвободил руку и схватил его за волосы. Я прижал его большую голову, давя на нее изо всех сил, и что-то хрустнуло под моей рукой.

Это был перелом шеи. Урко содрогнулся – и умер!

Я лежал рядом с ним и тяжело дышал. До меня донесся голос оттуда, где, сжавшись в белый комок, лежала на земле та, рядом с которой и ради которой происходил этот страшный поединок, – голос Куиллы:

– Один из двух умер, но кто жив?

Я не мог отвечать – не хватало дыхания. Силы меня оставили. Все же я кое-как приподнялся и сел, опираясь на руку и надеясь, что они вернуться. Куилла повернулась ко мне лицом, – вернее, не ко мне, а в ту сторону, откуда ей послышался шорох моего движения, и я с болью подумал, как печально, что она слепа. Но вот она снова заговорила, и теперь ее голос дрогнул:

– Я вижу, кто остался в живых, – сказала она, – Что-то случилось с моими глазами, и, Повелитель и любовь моя, я вижу – это ты, ты жив! И – о, ты весь в крови!

В этот момент появились чанка и нашли нас.

Они посмотрели на мертвого великана и поняли, что он убит не мечом, а физической силой; и, глядя на него, они опустились передо мной на колени и стали восхвалять меня, говоря, что я действительно бог, ибо ни один человек не мог бы совершить этого подвига – убить огромного Урко голыми руками. Потом они усадили Куиллу в паланкин, и шесть человек подняли его и понесли по этому мрачному ущелью. Двое оставшихся поддерживали меня, пока ко мне не вернулись силы. Дойдя до выхода из ущелья, мы стали совещаться, как быть дальше.

Вернуться в Куско после того, что я совершил, значило бы идти навстречу смерти. Поэтому мы взяли вправо и, сделав круг, пришли, не встретив на дороге никаких препятствий, к той гряде холмов, откуда мы начали битву на Кровавом Поле. Там, разбив лагерь, меня ждали по моему приказу около трех тысяч чанка. Когда они увидели, что я жив и почти невредим, они закричали от радости, а узнав, кто в паланкине, просто обезумели от восторга.

Потом восемь воинов, бывших со мной, рассказали им все, как было, – как я спас Куиллу и убил Урко-гиганта голыми руками; и тогда ко мне сбежались военачальники и, целуя мои ноги, говорили, что воистину я бог, хотя до этого некоторые считали меня только человеком.

– Бог или человек, – сказал я, – но я жажду отдыха. Велите женщинам позаботиться о леди Куилле и принесите мне еду

и питье, а потом я должен выспаться. На закате тронемся в обратный путь, к вашему и моему царю Хуарача, и вернем ему дочь. До вечера нам нечего бояться: у Кари под рукой нет войска, чтобы атаковать нас. Но на всякий случай все-таки выставите часовых.

Вскоре я уже ел и пил, – боюсь, что больше второе, чем первое, а потом лег спать и заснул, как убитый, ибо последние события меня совершенно измотали.

За час до захода солнца меня разбудили военачальники и доложили, что за линией лагеря идет посольство из Куско, всего десять человек, которые просят разрешения говорить со мной. Я встал, и после того как обмыли и перевязали мои раны, мне принесли воды, облили мое тело и натерли маслом; и тогда, одетый как знатный чанка и без доспехов, я вышел с девятью военачальниками, чтобы принять посольство на равнине у подножия холма, на том самом месте, где я впервые схватился с Урко.

При нашем приближении из группы послов выступил вперед один человек. Я взглянул на него и увидел, что это Кари; да, это был сам Инка.

Я пошел ему навстречу, и мы поговорили, оставаясь вне пределов слышимости для сопровождавших нас лиц.

– Брат мой, – сказал Кари, – я узнал обо всем, что произошло, и я воздаю тебе хвалу, самому смелому из людей и первому среди воинов; тебе, уничтожившему Урко голыми руками.

– И таким образом обеспечившему тебе трон, Кари,

– И таким образом обеспечившему мне трон. Так же за то, что ты убил Ларико в смертном доме моего отца Упанки...

– И тем самым избавил тебя от предателя, Кари.

– И тем самым избавил меня от предателя, как я узнал тоже благодаря тебе, ибо твой человек вручил мне нити с узелками, а задержанный тобой шпион рассказал все подробно. Повторяю – ты самый смелый среди людей и первый среди воинов. Почти бог, как называет тебя мой народ.

Я поклонился, и после небольшой паузы он продолжал:

– Если бы это было все, о чем я должен сказать тебе! Но увы! Это не все. Ты совершил великое святотатство против моего отца – Солнца, несмотря на все мои предупреждения, – ты похитил у него его невесту, – и ты, мой брат, солгал мне, сказав только вчера, что ты выбросил из головы все мысли о ней.

– Для меня это не было святотатством, Кари, скорее праведным делом – освобождением женщины от оков веры, которую не принимаем ни она, ни я, и возвращением ее из живой могилы к жизни и любви.

– А ложь тоже была праведным делом, брат?

– Да, – ответил я смело, – если ложь вообще может быть праведной. Подумай. Ты молился о том, чтобы эта леди умерла, ибо она встала между тобой и мной; а те, о чьей смерти молятся цари, действительно умирают, даже если не по их прямому приказу. Вот я и сказал, что выбросил ее из

головы – чтобы она осталась жить.

– Чтобы ласкать тебя в своих объятьях, брат. А теперь слушай. Мы с тобой были больше чем друзья, но из-за твоего поступка стали больше чем враги. Ты объявил войну моему богу и мне, поэтому я объявляю войну тебе. Нет, слушай дальше. Я не желаю, чтобы из-за нашей ссоры погибли тысячи людей. Поэтому предлагаю тебе следующее: чтобы тут же, не сходя с места, ты сразился со мной один на один, и пусть Солнце или Пачакамак решат исход этого боя.

– Сражаться с тобой! Сражаться с тобой, Кари, – о, Инка!

– Да, сражаться не на жизнь, а на смерть, ибо между нами все кончено раз и навсегда. В Англии ты заботился обо мне. Здесь, в стране Тавантинсуйу, которой я сегодня правлю, я заботился о тебе, и в моей тени ты достиг величия, хотя – если говорить правду – не будь ты во главе армии, не было бы уже ни меня, ни моей тени. Поэтому будем думать только о том, что встало между нами, и, забыв все, что соединяло нас в прошлом, станем лицом к лицу, как враги. Может быть, ты победишь меня, ведь ты такой великолепный воин. Может быть, если это случится, мой народ, который считает тебя полубогом, возведет тебя на трон Инка, если таково будет твое желание.

– Никогда! – прервал я его.

– Верю тебе, – ответил он, наклонив голову, – но не пожелает ли этого та прекраснеликая распутница, которая предала нашего бога – Солнце?

При этих словах я вздрогнул и закусил губы.

– Ага, тебя это уязвило, – продолжал он, – правда ведь кусается, и это хорошо. Пойми, Белый Повелитель, бывший некогда мне братом, что либо ты сразишься со мной не на жизнь, а на смерть, либо я объявлю тебе войну, тебе и народу чанка, и буду воевать месяц за месяцем, год за годом, пока вы все не будете уничтожены, в этом можешь не сомневаться. Но если мы сразимся в поединке, и Солнце пошлет мне победу, – тогда справедливость восторжествует, и я сдержу клятву о мире, которую я дал народу чанка. Далее, если победишь ты, то клянусь именем моего народа, между ним и чанка будет мир, поскольку я смою грех твоего святотатства своей кровью. А теперь позови своих приближенных, а я позову своих, и сообщим наше решение.

Я повернулся и знаком подозвал своих вождей, а Кари позвал своих. В присутствии всех очень спокойно и четко, как ему было свойственно, он повторил слово в слово то, что сказал мне, добавив еще несколько слов в том же духе. Пока он говорил, я не очень вслушивался в его речь. Я думал.

Весь этот план был мне ненавистен, но я оказался в западне: по законам всех этих народов, я не мог не ответить на такой вызов, не покрыв себя позором. Более того, народу чанка, да и народу куичуа тоже, было выгодно, чтобы я его принял, ибо независимо от того, кто бы победил в этом поединке, мир между обоими народами не был бы нарушен, в то время как мой отказ от поединка ввергнул бы их в кровопро-

литную и разрушительную войну. Я вспомнил, как некогда Куилла пожертвовала собой, чтобы предотвратить подобную войну (хотя потом война все же вспыхнула); разве я не должен теперь сделать то, что сделала тогда Куилла? Несмотря на сильную усталость, я не боялся Кари, каким бы смелым и стремительным он ни был. Я даже подумал, что мог бы убить его и занять его трон, поскольку куичуа, чьи армии я не раз приводил к победе, преклонялись передо мной почти так же, как и чанка. Но не мог я убить Кари. Это было бы равносильно убийству единоутробного брата. Так неужели нет никакого выхода?

Мысль подсказала ответ. Выход есть. Я могу дать Кари убить себя. Но если я это сделаю, что будет с Куиллой? После всего, что произошло, должен ли я так жестоко потерять Куиллу, а Куилла – меня? Конечно, это разбило бы ей сердце, и она умерла бы. Мое положение было отчаянным. Я не знал, что делать. И пока я колебался, мне вдруг почудилось, будто какой-то голос шепчет мне на ухо – я подумал, что это, должно быть, голос Св. Хьюберта. И как будто он говорит мне: «Кари доверился своему богу, почему же ты, Хьюберт из Гастингса, христианин, не можешь довериться своему? Иди вперед и доверься своему богу, Хьюберт из Гастингса».

Мягкий голос Кари умолк: он закончил свою – речь, и все взгляды обратились ко мне.

– Ваше решение? – спросил я кратко у своих воинов.

– Только одно, Повелитель, – отвечал их предводитель. –

Сразиться ты должен, это несомненно, но мы будем драться с тобой вместе – десять чанка против десяти куичуа.

– Вот это правильно, – ответил первый из свиты Кари. – Это дело слишком важное, чтобы поставить его в зависимость от ловкости и силы одного человека.

– Отставить! – сказал я. – Этот спор между Инка и мной, – и Кари кивнул и повторил за мной:

– Отставить!

Тогда я послал одного из военачальников в лагерь за моим мечом, а Кари приказал своему военачальнику принести, ему меч, ибо, по обычаю этих людей, послы обеих сторон во время переговоров не имеют при себе оружия. Вскоре мой воин вернулся, неся мой меч, а несколько слуг принесли мои доспехи. Весть о предстоящем поединке уже разнеслась, как пламя по ветру, по всей армии чанка, и они все сбежались и выстроились на гряде холмов, чтобы наблюдать за происходящим. Я заметил, что воин, принесший Взвейся-Пламя, наточил его особым камнем, который использовался для точки оружия.

Он принес этот древний меч и, преклонив колена, вручил его мне. Воин Инка тоже принес его меч и подал его ему, по обычаю, поклонившись до земли. Я хорошо знал этот меч, ибо однажды он уже угрожал мне в моей отчаянной битве за жизнь. Это был тот самый меч с рукояткой из слоновой кости, который Кари взял из мертвой руки лорда Делеруа, после того как я убил его в моем доме на Чипсайд, в Лондо-

не. Слуга поднес мне и доспехи, но я отослал их и его прочь, говоря, что поскольку у Инка нет доспехов, мне они тоже не нужны. Это вызвало ропот моей свиты.

Кари видел и слышал.

– Благороден, как всегда, – сказал он громко. – О, сколь прискорбно, что такое чистое, яркое чувство чести помутнело от дыхания женщины!

Наши военачальники обсудили условия поединка, но я не очень вникал в то, что они говорили.

Наконец все было готово, и мы заняли свои места друг против друга, ожидая слова команды. На нас была почти одинаковая одежда. Я сбросил плащ с капюшоном и остался с непокрытой головой, в куртке из мягкой оленьей кожи. Кари тоже скинул свое богатое верхнее одеяние и остался в тунике из овечьей кожи. Чтобы быть уж совсем на равных, он снял также похожий на тюрбан головной убор и даже царскую Бахрому, отчего его воины обменялись тревожными взглядами, сочтя это дурным предзнаменованием.

Именно в это мгновение я услышал позади какие-то звуки и, оглянувшись, увидел Куиллу; спотыкаясь, она бежала вниз по склону каменистого холма, спеша к нам, насколько позволяли ей ее полуслепые глаза, и восклицала:

– О, мой Повелитель, остановись! О, Инка, я вернусь в Дом Солнца!

– Замолчи, проклятая женщина! – нахмурившись, сказал Кари. – Разве Солнце принимает обратно таких, как ты?

Молчи, пока не закончится вызванное тобой злополучное дело, а потом вопи сколько хочешь.

Она вся сжалась от этих жестоких, несправедливых слов и с помощью женщин, которые прибежали следом за ней, опустилась на камень, где и осталась сидеть, неподвижная как статуя или как мертвый Упанки в своем зале.

Затем были провозглашены условия поединка и обещания, данные Кари. Он выслушал их и добавил:

– Да будет известно также, что мы будем биться да тех пор, пока один из нас не умрет, ибо если мы останемся живы, я возьму свои клятвы обратно, и я сожгу эту ведьму как жертву Солнцу, которому она изменила, и уничтожу ее народ и ее страну, следуя древнему закону отмщения дому тех, кто обманул Солнце.

Я слышал его, но ничего не ответил. Я не желал тратить слова, пререкаясь с великим человеком, ум которого извратили фанатизм и женоненавистничество.

Спустя мгновение подали сигнал, и схватка началась. Кари прыгнул на меня, как лев из его родных лесов, но я уклонился и парировал удар. Трижды он бросался на меня, и трижды я повторил этот же прием; да, даже тогда, когда он промахнулся, и я мог бы сразить его одним ударом, Я уже поднял меч – и не смог. Чанка следили за мной, удивляясь, что за игру я затеял, – они никогда не видели, чтобы я сражался столь странным образом; я же сам все еще не знал, как мне поступить. Что-то я должен предпринять, иначе я очень ско-

ро буду убит, ибо моя бдительность ослабевает, и меч Деле-
руа наконец попадет в цель.

Я думаю, Кари был озадачен тем, что я с таким терпением защищаюсь и ни разу не нанес ответного удара. По крайней мере, он на миг остановился, но затем ринулся на меня, подняв меч высоко над головой и намереваясь сразить меня, застав врасплах, – так, во всяком случае, мне показалось. И тогда я вдруг понял, что надо делать. Схватив Взвейся-Пламя обеими руками, я размахнулся изо всех сил и ударил им – не Кари, а по рукоятке его меча. Острая и древняя сталь, которую, вполне возможно, некогда ковали легендарные гномы Скандинавии, обрушилась на рукоятку из слоновой кости и, как я и надеялся, перерезала ее надвое, так что клинок меча Кари упал на землю, а самую рукоятку выбило у него из руки.

Его воины, увидев это, громко застонали, а чанка разразилась радостными криками, ибо теперь Кари лишился оружия, и эта битва не на жизнь, а на смерть закончилась – если что и оставалось, то лишь сама смерть.

Кари скрестил на груди руки и склонил голову.

– Такова воля моего бога, – сказал он, – и я поступил глупо, доверившись мечу злодея, которого ты убил. Рази, победитель, и кончим это.

Я оперся на меч Взвейся-Пламя и спросил:

– Если я отступлюсь, о Инка, ты возьмешь свои слова обратно и сохранишь мир между твоим народом и чанка?

– Нет, – ответил он. – Что сказано, то сказано. Если эта

лживая женщина будет предана участи тех, кто изменил Солнцу, наши народы станут жить в мире, но не иначе, – ибо пока я жив, я буду воевать с ней и с тобой, и с народом чанка, который защищает вас обоих.

Тут меня охватила ярость – я представил себе, что пока жив этот женоненавистник, кровь будет литься ручьями, но если он умрет, наступит мир, и Куилла будет спасена. Я приподнял свой меч, но в этот момент Куилла, привстав с камня, воскликнула:

– О, Повелитель, не проливай кровь из-за меня, священную кровь Инка! Откажись от меня! Откажись от меня!

И тогда меня словно осенил какой-то дух, и я сказал:

– Леди, половину твоей просьбы я исполню, но вторую половину отвергаю. Я не пролью крови Инка, как не пролил бы твоей крови. Но тебя я не выдам – ты ни в чем не виновата: ведь это я тебя похитил, сделав то, что хотел сделать Урко. Кари, слушай меня; ты не раз говорил мне, когда мы были в опасности, что мы должны полагаться на богов, которым поклоняемся. Теперь опять я следую твоему совету и полагаюсь на Бога, в которого я верю. Ты грозишь собрать все силы своей могучей Империи и из-за своих убеждений, которые я считаю суевериями, уничтожить народ чанка до последнего младенца и сравнять их город с землей до последнего камня. Я не верю, что Бог, которому я поклоняюсь, допустит это, хотя и не знаю, каким образом он отведет от нас твою месть. Кари, великий Инка Тавантинсуйу, Повелитель всего этого

странного нового мира! Я, Белый Странник из моря, дарю тебе жизнь и спасаю тебя, как когда-то спас тебя в далекой стране, и вместе с жизнью даю тебе мое благословение во всех делах, кроме этого одного. Кари, брат мой, посмотри на меня в последний раз и ступай с миром.

– Благороднейший из людей, – сказал он, поднявшись. – Я преклоняюсь перед тобой. Я бы хотел взять обратно свою клятву, но не могу, потому что мой бог ожесточил мое сердце и послал бы гибель моему народу. Может быть, Тот, кому служишь ты, направит ход вещей так, как ты предсказываешь, – так же, как Он, видимо, повелел, чтобы я повергся в прах перед тобой. Я надеюсь, что так и будет; я не люблю вида крови, но должен следовать своим путем, как спущенная с тетивы стрела, гонимая силой, давшей ей движение. Брат мой, чтимый и любимый, прощай! Будь счастлив в жизни и смерти, и, может быть, в смерти мы снова встретимся и опять станем братьями – там, где нас уже не разлучат никакие женщины.

Потом Кари повернулся и пошел, поникнув головой, сопровождаемый своими приближенными, которые последовали за ним печально, словно воины, провожающие мертвое тело, – но не раньше, чем они отдали мне честь, которую отдают только Инка в зените его величия и славы.

ГЛАВА XIII. ПОЦЕЛУЙ КУИЛЛЫ

Женщины унесли потерявшую сознание Куиллу прочь с этого рокового поля, и всю дорогу до города Чанка ее не покидали слабость и печаль. Однако зрение ее все время улучшалось, так что к концу нашего путешествия она уже видела столь же хорошо, как и прежде, за что я горячо возблагодарил Небо.

Я послал вперед вестников, так что, когда мы приблизились, весь народ чанка вышел нам навстречу – великое множество людей, которые разбрасывали перед нами цветы и пели песни радости. В тот же вечер меня вызвал Хуарача. Я понял, что передо мной умирающий. У его ложа в присутствии его главных военачальников Куилла и я рассказали ему обо всем, что с нами было. Он слушал, не проронив ни слова. Когда мы кончили, он сказал:

– Благодарю тебя, Повелитель-из-Моря, за то, что ты, несмотря на все препятствия, спас мою дочь и привел ее обратно столь же чистой, как прежде, чтобы она могла со мной проститься. Теперь я понимаю, как порочна была политика, заставившая меня обещать ее в жены принцу Урко. Благодаря твоей доблести дело кончилось ничем, и я рад. Но впереди тебя и мой народ ждут большие опасности. Встреть их по-своему и как сможешь: ведь отныне, Повелитель-из-Моря, это твой народ, твой и моей дочери, ибо мои желания и

воля в том, чтобы вы поженились, как только меня положат рядом с моими предками. Возможно, было бы лучше, если бы ты убил Инка, когда он был в твоих руках, но человек идет тем путем, каким ведет его дух. Да будет на вас и на ваших детях мое благословение и благословение моих богов. Ступайте же! Я больше не в силах говорить.

В ту же ночь царь Хуарача умер.

Спустя три дня его похоронили под плитами пола в Храме Луны. Его не бальзамировали и не оставили на поверхности в отличие от традиций Инка.

В последний день траура был созван совет всех знатных людей страны числом в несколько сот; пригласили и меня. Это было сделано от имени Куиллы, которая теперь носила титул, означавший «Высокая госпожа», или «Царица». Я шел туда, сторяя от нетерпения, так как не видел ее с той ночи, когда умер ее отец: по обычаю ее народа, она провела весь период траура наедине со своими женщинами.

К моему удивлению, меня провели не в большой зал, где, как я знал, уже собиралась знать, а в то самое небольшое помещение, где я впервые говорил с Хуарача, отцом Куиллы. Здесь меня оставили одного. Пока я гадал, что бы это значило, я вдруг услышал шорох и, подняв глаза, увидел Куиллу: она стояла на пороге, раздвинув портьеры, словно портрет в раме. Она была в царском облачении, с эмблемой луны на лбу и на груди, так что казалось, будто она вся светится и сверкает в полумраке комнаты, но ничто на ней не сияло так,

как сияли ее большие, прекрасные, как у лани, глаза.

– Привет тебе, мой Повелитель, – сказала она мягким голосом, приседая в знак почтения. – Хочет ли мой Повелитель сказать мне что-нибудь? Если да, то поспеши, так как Большой Совет ждет.

Я вдруг словно поглупел, и у меня отнялся язык, но наконец, заикаясь, я произнес:

– Ничего, кроме того, что уже говорил, – я тебя люблю.

Она слегка улыбнулась, потом спросила:

– Ничего не добавишь?

– Что можно добавить к любви, Куилла?

– Не знаю, – ответила она, продолжая улыбаться. – Все же чем кончается любовь мужчины и женщины?

Я покачал головой и сказал:

– Многими вещами, и все разными. Иногда адом, реже – раем.

– А на земле между тем и другим, если любящим удалось избежать смерти и разлуки?

– Ну, на земле – браком.

Она снова взглянула на меня, и на этот раз в ее глазах засиял какой-то новый свет, в значении которого я не мог ошибиться.

– Ты хочешь сказать, что выйдешь за меня, Куилла? – про- бормотал я.

– Таково было желание моего отца, но чего желаешь ты? О, довольно! – продолжала она изменившимся голосом. –

Ради чего мы терпели все эти злоключения и прошли через долгую разлуку и такие ужасные опасности? Разве не для того, чтобы, если Судьба пощадит нас, наконец соединиться? И разве не пощадила нас Судьба на какое-то время? Какое пророчество было мне в Храме Римака? Разве не то, что Солнце будет мне защитой, и – забыла остальное...

– Зато я помню, – сказал я. – Что наконец уснешь ты в объятиях любимого.

– Да, – продолжала она, и краска прилила к ее щекам, – что наконец я усну в объятиях любимого. Итак, первая часть пророчества сбылась.

– Так же сбудется и вторая, – подхватил я, будто проснувшись, и, обняв, прижал ее к груди.

– Ты уверен, – прошептала она, – что любишь меня – женщину, которую считаешь дикаркой, – настолько, чтобы жениться на мне?

– Даже больше, чем уверен, – ответил я.

– Послушай, Повелитель. Я всегда это знала, но, как женщина, хотела услышать это из твоих уст. Будь уверен, что хоть я всего лишь своевольная, неученая девушка, ни один мужчина никогда не будет иметь более верной и любящей жены. Я надеюсь даже, что моя любовь будет такой, что ты наконец забудешь – хотя бы на час – ту, другую женщину, которая когда-то была твоей.

Я содрогнулся, словно от укола клинка, ибо что бы ни говорили о первой любви, она – как Куилла догадалась или на-

училась у самой Природы – нелегко забывается, и даже если она умерла, ее дух является и преследует нас.

– А я надеюсь, что ты будешь моей, и не на час, а на всю жизнь, – ответил я.

– Да, – сказала она со вздохом, – но кто знает, сколько еще продлится наша жизнь? Будем же срывать цветы, пока они не увяли, Слышишь, сюда идут? Это за нами. Пожалуйста, войди в зал Совета рядом со мной и держи меня за руку. Я хочу сказать кое-что этим людям. Тень Инка Кари, которого ты пощадил, все еще лежит на нас и на них, окружая нас холодом.

Прежде чем я успел спросить, что она имеет в виду, вошли трое вельмож и, взглянув на нас с любопытством, сообщили, что все уже собрались. Потом они повернулись и пошли впереди нас в большой зал, где уже все сидели на своих местах. Рука об руку мы поднялись на возвышение, и при нашем появлении весь зал поднялся и приветствовал нас радостными криками.

Куилла села на трон и знаком пригласила меня сесть на второй трон, рядом с ней, который, как я заметил, был несколько выше: позже я узнал, что это не было случайностью. Так было задумано специально, чтобы показать народу чанка, что отныне я – их царь, а она – лишь моя жена.

Когда приветственные крики стихли, Куилла встала и начала говорить. Как многие представители высшего класса, она была весьма красноречива.

– Господа и воины народа Чанка, – сказала она, – поскольку мой покойный отец, царь Хуарача, не оставил после себя законного сына, я унаследовала его титул и полномочия и созвала вас сюда, чтобы посоветоваться с вами.

– Прежде всего узнайте, что я, ваша царица и госпожа, избрана в жены тем, кто сидит рядом со мной.

Тут все собрание снова разразилось криками, показывая таким образом, что это известие пришлось им по душе. Ибо несмотря на то, что теперь лишь простой народ верил в то, что я бог, поднявшийся из моря, все считали меня великим полководцем и великим человеком, который знал много такого, чего они не знали, и умел руководить и сражаться лучше, чем лучшие из них. В самом деле, с тех пор как я своими руками убил Урко и одолел Кари, который, как Инка, был, по общему мнению, наделен мощью Солнца и потому непобедим, считалось, что равного мне нет во всей Тавантинсуйу. К тому же армия, которая сражалась под моим командованием, любила меня так, будто я был их отцом, а не только полководцем.

Поэтому все встретили сообщение Куиллы с одобрением, хотя и не удивились, зная, что этот брак был желанием их покойного царя, и что я прошел через многое, чтобы завоевать его дочь.

В ответ на их приветственные крики я тоже поднялся с места и, вынув из ножен меч Взвейся-Пламя, которым был опоясан поверх моих доспехов, носивших отпечатки недав-

них битв, отдал им честь сначала Куилле, а затем собравшимся в зале.

– Знатные люди Чанка, – сказал я, – когда на морском берегу на острове мой взгляд упал на эту леди, которая сегодня стала вашей царицей, я полюбил ее и поклялся, что женюсь па ней, если это возможно. Между тем днем и сегодняшним произошло много событий. Ее от нас увезли, чтобы отдать в жены Урко, наследнику престола, которого она ненавидела, и чтобы избежать этого брака, она укрылась в доме бога Инка. Тогда, люди чанка, вспыхнула большая война, в которой мы с вами сражались плечо к плечу, и в конце концов я спас ее из плена и убил Урко в тот момент, когда он пытался ее похитить. После этого я победил Инка Кари, который был моим названным братом, но из-за того, что я спас вашу госпожу от его бога – Солнца, стал моим врагом; и вдвоем мы – она и я – вернулись сюда, в ее страну. Теперь ее желание – выйти за меня замуж, так же как мое желание – жениться на ней. И здесь, в присутствии всех вас я беру ее в жены, так же, как она берет меня в мужья. Надеюсь, что нам дано многие годы править вами, а после нас – нашим детям. Однако должен предупредить вас: хотя в минувшей великой войне, несмотря на большие потери, мы выстояли против всех полчищ Куско и завоевали почетный мир, этот мир будет нарушен из-за нашего брака, лишившего бога Инка одной из его тысячи невест. Поэтому в будущем, как и в прошлом, между народами куичуа и чанка будет война.

– Знаем! – вскричали собравшиеся. – Если суждено быть войне, пусть будет война!

– Что, по-вашему, я должен, был сделать? – продолжал я, – Оставить вашу госпожу томиться в Доме Солнца, обвенчанной с пустотой, или допустить, чтобы ее похитили оттуда и превратили в одну из женщин Урко, или, наконец, вернуть ее Кари, чтобы он убил ее как жертву богу, которого вы не принимаете?

– Нет! – закричали они. – Мы хотим, чтобы она обвенчалась с тобой, Белый-Повелитель-из-Моря, и стала матерью царей.

– Так я и думал, Чанка. Однако предупреждаю вас, что беда не за горами. Собирается буря, и недалек день, когда она грянет, ибо Кари не из тех, кто нарушает свои клятвы.

– Почему ты не убил его, когда он был у тебя в руках, и не занял его трон? – спросил один из присутствующих.

– Потому что не мог. Потому что Небу не было угодно, чтобы я убил человека, который многие годы был мне вместо брата. Потому что это убийство обратилось бы против меня, против леди Куиллы и против вас тоже, о народ Чанка! Потому что...

В этот момент в конце зала поднялся шум, и герольд возвестил:

– Посольство! Посольство от Инка Кари!

– Впустите их, – сказала Куилла.

Через минуту по генеральному проходу торжественно

прошествовали послы, все до одного – знатные вельможи и «ушники», и отвесили нам поклон.

– Ваше слово? – спокойно спросила Куилла.

– Дело в следующем, Госпожа, – ответил предводитель посольства. – В последний раз Инка требует, чтобы ты сдалась и была принесена в жертву за измену Солнцу. Он обращается к тебе, потому что, как он узнал, отца твоего Хуарача больше нет в живых.

– А если я откажусь сдаться, что тогда, о посол?

– Тогда от имени Империи и от своего собственного имени Инка объявляет тебе войну, войну до конца, пока под солнцем не останется ни одного человека, в ком течет кровь чанка, и ни одного камня в том месте, где стоял ваш город. Может быть, пройдет какое-то время, прежде чем меч этой войны упадет на ваши головы, поскольку Инка должен собрать свои армии и дать передышку своим народам после того, что было. Но если не в этом году, то в будущем, а не в будущем – то в следующем этот меч упадет.

Куилла слушала его, побледнев – скорее, думаю, от гнева, чем от страха. Потом она сказала:

– Вы слышали все, Чанка, и знаете, как обстоит дело. Если я сдамся и позволю принести себя в жертву, милосердный Инка пощадит вас; если я не сдамся, рано или поздно он уничтожит вас – если сможет. Так скажите, я должна сдаться?

Все до одного, кто был в этом большом зале, вскочили с Мест, и из всех уст вырвался один дружный крик:

– Ни за что!

Когда он замер, один престарелый вождь и советник – дядя покойного царя Хуарача – вышел вперед и всмотрелся в послов подслеповатыми глазами,

– Ступайте обратно, – сказал он, – и передайте вашему Инка, что угроза словом – одно, а содеянное рукой – совсем другое. В последней войне он узнал кое-что о том, на что мы способны – и как друзья, и как враги, и может статься, это еще далеко не все. Вот перед вами тот, – и он указал на меня, – кто станет нашим царем и мужем нашей царицы. С его помощью и с помощью некоторых из нас Инка отвоевал свой трон. Благодаря его же милосердию совсем недавно Инка выиграл свою жизнь. Так пусть он поостережется, иначе через могущество того, за кем стоит каждый чанка, Инка Кари может потерять и трон, и жизнь, а с ними и древнюю империю Солнца. Это говорим мы все.

– Это говорим мы все! – Грянуло со всех сторон, и от мощного звука содрожались стены.

В наступившем молчании Куилла спросила:

– Имеете ли вы что-нибудь добавить, о послы?

– Только одно, – сказал первый из них. – Дерево народа чанка будет срублено под корень, но Инка все же предлагает убежище Льву, который скрывается в его ветвях, ибо он с давних пор любил этого Льва. Отпусти Белого-Повелителя-из-Моря, которого ты опутала сетью своих колдовских чар, обратно в Куско вместе с нами, и он будет спасен и по-

лучит место и власть, и братскую любовь вдобавок.

Куилла посмотрела на меня, и я поднялся, чтобы ответить, но не мог, ибо моим ответом был только смех. Наконец я сказал:

– Совсем недавно, когда я даровал ему жизнь, Инка назвал меня благородным. Что же он подумал бы обо мне, если бы я принял его предложение? Назвал ли бы он меня по-прежнему благородным и Львом, что живет на дереве Чанка? Или, невзирая на то, что произносят его уста, в самом сердце своем он считал бы меня самым низким из рабов, и не львом в ветвях дерева, а скорее змеей, что ползает вокруг его корней? Ступайте же, милорды, и скажите, что я остаюсь здесь и счастлив рядом с той, кого я завоевал; что древний меч Взвейся-Пламя, на который Кари совсем недавно смотрел, все еще остер, а держащая его рука все еще сильна, и что лучше всего ему, Кари, после того как этот меч отслужил в его пользу, никогда больше не видеть его клинка, – и я опять выхватил его из ножен, и он сверкнул перед их глазами в сумеречном освещении зала.

Тогда они учтиво поклонились, ибо каждый из них хорошо знал, а кое-кто и любил меня, повернулись и ушли. Это был последний раз, что я, Хьюберт из Гастингса, видел знатных людей из рода Инка, хотя, быть может, недалек тот день, когда я снова встречу с ними на поле брани.

– Позаботьтесь, чтобы они благополучно вышли из города, – приказала Куилла, и воины отправились выполнить

приказ.

Когда они ушли, Куилла приказала также запереть дверь и поставить у входов в зал часовых, чтобы никто не мог незаметно подойти к нему. Затем после паузы она поднялась и дала понять, что хочет говорить.

– Мой Повелитель, – сказала она, – и вскоре, как я верю, мой муж и царь, и вы, избранные представители моего народа, выслушайте меня, ибо я должна поставить перед вами важный вопрос. Вы слышали послание Инка и знаете, что он не бросает слов на ветер. Великий во многих отношениях, в одном он – мелкий и ограниченный. Он ставит своего бога выше своей чести, и чтобы удовлетворить своего бога, которого, по его мнению, я оскорбила, он готов пожертвовать своей честью и даже убить того, кому он всем обязан, – и она дотронулась до меня рукой. – Больше того, все, чем он грозит, он может выполнить – не сейчас, но со временем, потому что против одного нашего человека он может выставить десять своих. Так что наше положение таково: разрушение и смерть смотрят нам в лицо.

Она умолкла, и в наступившей тишине тот же старый вождь, о котором я уже говорил, спросил ее – думается, что по заранее намеченному плану:

– Ты дала нам вкусить от горькой кожуры истины, но разве внутри нет сладкого плода? Разве ты не можешь указать нам путь к спасению, о Куилла, дочь Луны, чья мудрость питает твое сердце?

– Я думаю, что могу указать вам такой путь, – ответила она. – Ты знаешь предания нашего народа – о том, что в старые времена, тысячу лет назад мы пришли из лесов в эти края.

Ты знаешь также, что по преданию когда-то за лесом, далеко отсюда, была могучая империя, царь которой сидел в Золотом Городе, прятавшемся в кольце гор. У этого царя, говорят, было два сына, и когда он умер, они вступили в борьбу друг с другом, и один из них, мой предок, потерпел поражение и был изгнан в леса вместе со всеми, кто шел за ним. В лодках он спустился вниз по реке, которая течет через лес, и наконец он и те, кто следовал за ним, прибыли в эту страну, и здесь он снова стал царем. Не так ли?

– Так, – ответил старый вождь. – Это предание дошло до меня через десять поколений, и вместе с ним пророчество – что когда-нибудь чанка вернутся в тот Золотой Город, откуда они пришли, и встретят радушный прием у его народа.

– Я слыхала об этом пророчестве, – сказала Куилла. – Я даже могу кое-что рассказать в связи с ним. Когда я сидела, несчастная и слепая, в Доме Солнца в Куско, оно пришло мне на память, и я много думала о нем, – я всегда была уверена, что война между чанка и армиями Инка только начинается. Во тьме и отчаянии я молилась моей матери Луне, прося совета и помощи. Долго и часто я молилась, и наконец пришел ответ. Однажды ночью моей душе явился Дух Луны в виде прекрасной и сияющей богини, которая заговорила

со мной.

– Мужайся, дочь, – сказала она, – ибо все, что кажется потерянными навсегда, вернется вновь, и свет некоего сверкающего меча пронзит тьму и вернет зрение твоим глазам. – Так и случилось на самом деле, потому что именно в тот момент, когда мой Повелитель спас меня от гибели, грозившей мне от руки Урко, в моих затуманенных глазах забрезжил первый луч света.

– И не бойся за детей Чанка, которые почитают меня, – продолжал сияющий Дух Луны, – ибо в час опасности я покажу им дорогу на запад, в мою обитель. Да, я уведу их далеко от войн и тирании обратно в тот древний Город, из которого они вышли. И там они пребудут в мире и покое, пока не завершится все, чему суждено свершиться. Более того, ты будешь ими править все дни отведенной тебе жизни, ты и вместе с тобой тот, кого я привела к тебе из глубин моря и показала тебе, когда он спал, залитый светом моих лучей.

– Так говорил мне, советники, Дух Луны, хотя в то время я не знала, не является ли это видение просто счастливым сном. Но теперь-то я точно знаю, что то был не сон, а правда. Ведь разве не начало возвращаться ко мне зрение с того момента, когда сверкнул меч, имя которому Взвейся-Пламя? А если это было правдой, то почему и остальному не быть правдой? Люди Чанка, сегодня я ваша Царица, и мой совет такой: мы должны бежать из этой страны прежде, чем Инка затянет вокруг нас свою сеть и его копья пронзят наши серд-

ца. Мы должны найти нашу древнюю родину в глубине далеких западных лесов, куда, мне кажется, не смогут добраться его армии. Хочешь ли ты этого, мой, народ? Если да, то устами твоих вождей и воинов заяви об этом тут же, пока еще не поздно.

И тут же грянул ответ:

– Мы хотим этого, о Дочь Луны!

Когда замерли его отзвуки, Куилла повернулась ко мне, прекрасная, как вечерняя звезда, и с сияющими, как звезды глазами, спросила:

– Ты тоже хочешь этого, Повелитель-из-Моря?

– Твое желание – мое желание, Куилла, – ответил я, – и твое сердце – мой дом. Веди же, я пойду за тобой, куда бы ты ни шла, хоть на край света или даже за его пределы.

– Да будет так! – торжественно воскликнула она. – Теперь мы покончили с прошлым злом, с его страхами и битвами, и вступаем в освещенную лунными лучами, сияющую дорогу Будущего, ведущую нас в таинственное неизвестное, где начинаются и теряются все дороги. Теперь также наши разлуки кончаются полным слиянием, единством, которое мы, быть может, знали раньше и узнаем снова в эпохи, еще не родившиеся, и в странах, куда еще не ступала ничья нога. И теперь, Повелитель-из-Моря, пробудивший мое спавшее сердце к любви, избавивший меня от позора и гибели и вернувший меня к жизни и свету, – здесь, в присутствии этого собрания нашего народа, я, Дочь Луны, бросаю вызов Солн-

цу, которое держало меня в плену, всем его слугам, беру тебя в мужа и скрепляю наш брак этим поцелуем, – и, наклонившись, Куилла поцеловала меня в губы.

Остальные пергаментные листы древней рукописи испорчены сыростью в гробнице, где она пролежала в течение столетий, и разобрать написанное оказалось совершенно невозможным. – Издатель.